Д. ВЕРЕСОВ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ СССР

Д. ВЕРЕСОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ СССР

Д. ВЕРЕСОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ СССР

CHALIDZE PUBLICATIONS 1987

D. VERESOV

HISTORICAL DEMOGRAPHY OF THE USSR

Copyright 1987 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731
Manufactured in USA

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Глава I. Экономика и статистика 7
1. Кое-что из кунсткамеры 8
2. Советская демографическая статистика 14
Глава II. Численность и состав населения СССР в 1979-84 гг. . 27
1. Численность населения 30
2. Урбанизация 39
3. Возрастно-половой состав 46
4. Национальный состав 56
Глава III. Воспроизводство населения 73
1. Рождаемость 77
2. Смертность 86
3. Лоскутная империя 96
Глава IV. История ошибок 106
1. Прогнозы русских дореволюционных и довоенных советских авторов 107
2. Послевоенные перспективные исчисления советских авторов 127
3. Прогнозы зарубежных авторов 143
Глава V. Шифр судьбы 161
1. Предпосылки предпосылок 163
2. Предпосылки собственных перспективных исчислений 182
Глава VI. Густая тень прозрачных цифр 194
1. Динамика численности населения 195
2. Естественное движение 201
3. Возрастно-половой состав 212
4. Распределение населения СССР по группам союзных республик и национальностям 226
5. Столетний юбилей 241
Библиография 249
а) Литература на русском языке 249
б) Иноязычная литература 258
Таблицы II.1 – VI.24 262

Книга Д. Вересова – исследование демографической судьбы Советского Союза, фундаментальный прогноз перспектив развития населения СССР на ближайшие сорок лет, работа, предназначенная не только для специалистов, но и для заинтересованных читателей. В популярной форме, но на серьезном научном уровне, проявляя глубокое знание советской и западной литературы, автор рассказывает о демографических проблемах нашей страны.

Работа Вересова выполнена в самые трудные для советской статистики времена, когда более десяти лет не публиковались сведения о повозрастной смертности, продолжительности жизни и другие важные демографические параметры. Автору пришлось с помощью хитроумных косвенных методов оценивать эти характеристики. Случилось так, что публикации эпохи гласности догнали книгу в печати, и мы без труда можем оценить кропотливый труд ученого. Приятно заметить, что гипотетические оценки автора блестяще подтверждаются. Так наиболее интегральная демографическая характеристика – продолжительность предстоящей жизни новорожденного составила по расчету Вересова в 1980–81 гг. для мужчин 62,49 года, для женщин 72,85 лет (таблица 4 к главе три). По данным только что опубликованного справочника ЦСУ она составила у мужчин в 1978–79 гг. 62 года, в 1983–84 гг. – 63 года, у женщин и в том и другом случае – 73 года ("Народное хозяйство СССР в 1985 году". М., 1986). Если учесть, что сведения ЦСУ округлены, станет ясно, что налицо практически полное совпадение.

О результатах прогноза на большой период времени говорить пока рано. Для 1980–85 гг. оценки рождаемости, численности населения и его прироста оказываются несколько преуменьшенными, а взгляд на повозрастную смертность явно пессимистическим. Впрочем, сам Д. Вересов пишет, что его прогноз носит не столько реальный характер, сколько предупреждает об опасных тенденциях. О том, что такое предупреждение обосновано и своевременно, сегодня много пишет советская печать. Остается надеяться, что прогноз Вересова не подтвердится, в чем очевидно будет определенная заслуга и его самого.

С. Максудов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя книга посвящена демографическому будущему Советского Союза – государства, значение которого в истории человечества на протяжении почти семидесяти лет и впредь трудно переоценить. Отсутствие монографий на эту тему и убежденность, что международная роль СССР во все большей степени обусловливается судьбами его населения в обозримом будущем, побудили меня взяться за перо.

Итак, я рассказываю на страницах своей книги, как представляю себе наиболее вероятный ход демографических событий, которые предопределят изменения численности, пространственного размещения и состава населения страны в конце XX и начале XX1 вв. Сказанное в основном определило структуру монографии. В первой главе я рассматриваю современные социально-экономические условия жизни в СССР и состояние доступных источников, во второй и третьей – демографическую обстановку в стране к началу 80-х гг. В четвертой, пятой и шестой главах освещаются работы моих предшественников, предпосылки собственного прогноза и его результаты.

В основу настоящей книги положена обширная работа (Д.Вересов, 1985), которая по чисто техническим соображениям не предназначалась мной для публикации. В ней я стремился и, надеюсь, сумел показать, что судьбы населения Советского Союза складываются не только под влиянием факторов социально-эко-

номического развития, подобных действовавшим в странах Зарубежной Европы и Северной Америки, в Японии. Они формировались также под гибельным натиском экстремальных факторов, несколько раз низвергавших страну в бездну демографической катастрофы. Этим объясняются многие особенности проявления в СССР всеобщих демографических закономерностей. Экстремальные факторы накладывали неизгладимый отпечаток на процессы демографического перехода, сдвигали во времени и меняли черты демографической революции. Отсроченные последствия экстремальных факторов прошлого неминуемо скажутся в будущем. Стоящие перед независимым исследователем задачи осложняются, следовательно, тем, что как при изучении исторического прошлого, так в футурологических изысканиях он должен квантифицировать результаты действия всеобщих закономерностей демографического развития, проявляющихся в грубо извращенной форме в условиях советского государства. А ведь оно не случайно у одних авторов ассоциировалось с библейским Левиафаном (С.Коэн, 1974), других же (М.Геллер, А.Некрич, 1982) привело к мысли, что первопричина зла в подчинении человека утопии.

Работая над этой книгой, я не раз вспоминал слова Д.Спенглера (1925), считавшего историю прогнозов ничем иным как историей ошибок. В настоящее время, когда о познавательной ценности и точности перспективных исчислений судят не только по степени их отклонения от "яблочка" действительности, преувеличенность этого крылатого определения очевидна. Если, однако, в нем содержится зерно истины, то прежде всего оно обнаруживается при изучении истории прогнозов развития населения Советского Союза.

Я не раз вспоминал также слова американских футурологов (Г.Кан и соавт., 1976), согласно которым авторов перспективных исчислений подстерегают две опасности. Одна из них заключается в предположении, что с течением времени изменится абсолютно все, другая, что "повторится все, как встарь". Я старался избежать обеих опасностей. Насколько мне это удалось, пусть судит читатель.

Глава 1

ЭКОНОМИКА И СТАТИСТИКА

Демографическое и социально-экономическое развитие находятся в теснейшей прямой и обратной причинно-следственной взаимосвязи. Поэтому развитие населения каждой данной страны следует рассматривать не только как фактор, но и как производное социально-экономического развития. Как ни далека экономическая проблематика от круга узкопрофессиональных интересов автора настоящей монографии, без нее не обойтись, ибо комплекс социально-экономических факторов с исключительной силой воздействовал на развитие населения Советского Союза в прошлом и воздействует на него в настоящем. Нет никаких оснований полагать, что его роль уменьшится в будущем.

Оценка актуальной демографической ситуации, обусловленной всей историей населения, должна покоиться на прочных основах демографической статистики. Состояние последней, находящее свое отражение как в официальных публикациях государственных статистических органов, так и в научной литературе, каждым исследователем рассматривается как одно из решающих условий его работы. С этими условиями следует ознакомить и читателя настоящей книги, ибо в противном случае многое сказанное в ней и в еще большей степени — невысказанное вызовет у него недоумение и разочарование.

Я не собираюсь начинать свою монографию ни с обширного экскурса в область экономики и политической истории Совет-

ского Союза, ни даже с детального анализа деятельности Центрального статистического управления СССР и литературной продукции моих подцензурных коллег. Тем не менее считаю необходимым ввести читателя в круг этих вопросов и именно им посвящаю первую главу своей монографии. Пусть она послужит своего рода исходной позицией для намеченного броска в будущее.

1. Кое что из кунсткамеры

Конец 70-х и начало 80-х гг. ознаменовались истинной юбилейной вакханалией. Чего только не отмечали и не праздновали! За 60-летием Октябрьской революции последовало 60-летие образования Советского Союза, за 50-летием стахановского движения – 40-летие победы над Германией, за 80-летием большевистской партии – 80-летие революции 1905 г. Только об одном юбилее вроде бы забыли в неутомимом отделе ЦК КПСС, готовящем подобные всенародные торжества. Только одну круглую дату не отметили парадными речами и статьями – 20-летие со дня открытия XXII съезда КПСС, на котором была утверждена неизменная на протяжении четверти века программа партии.

Дело тут, разумеется, не в забывчивости, которой отнюдь не страдают советские идеологи и пропагандисты. Хотя их молчание и в данном случае куда красноречивее слов, я осмелюсь проникнуть в кунсткамеру партийных документов, чтобы сопоставить тогдашние щедрые обещания с более чем скромной действительностью. Если программа, принятая XXII съездом КПСС, возвещала, что "в ближайшее десятилетие (1961-70 гг.) Советский Союз... превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма – США" ("XXII съезд...", М. 1962, т. 3., стр. 276), то из сборника ЦСУ "Народное хозяйство СССР" (1983) следует, что не только превзойти или хотя бы достигнуть, но и приблизиться к американскому уровню не удалось. Если в программе утверждалось, что "в итоге второго десятилетия (1971-80 гг.) ... будет в основном построено коммунистическое общество" (там же), то еще Брежнев обогатил теорию марксизма-ленинизма понятием зрелого социализма, а его преемники заговорили о длительности этого не предусмотренного классиками и основоположниками переходного периода.

"Объем национального дохода, – говорилось в программе, – в ближайшие 10 лет увеличится почти в два с половиной раза, а за 20 лет – примерно в пять раз" (там же, стр. 297). Согласно же официальным данным, произведенный национальный доход в фактически действовавших ценах со 145,0 млрд. руб. в 1960 г. возрос к 1980 г. до 462,2 млрд. руб., т.е. всего в 3,2 раза. Среднедушевой национальный доход за те же 20 лет увеличился только в 2,6 раза. При этом темпы роста национального дохода снижались от пятилетки к пятилетке и в 1981-85 гг. – по предварительным сведениям – еще более сократились. Рост национального дохода СССР в последние годы не выходил за пределы допустимой методической ошибки (2-3%). Не о росте, следовательно, нужно говорить, а о стагнации. Стагнация в современной экономике равнозначна регрессу.

Перелистывая из года в год худеющие сборники ЦСУ "Народное хозяйство СССР", нетрудно убедиться, что ни один из приводимых там показателей не достиг уровня, намеченного Хрущевым и зафиксированного решениями XXII съезда КПСС. Валовой общественный продукт, например, составил по отношению к нему только 55%, в т.ч. производство средств производства – менее 65% и производство предметов потребления – менее 70%. Не отраднее и прочие показатели. Так фактическое производство электроэнергии не достигло 50%, выплавка стали слегка превысила 40%, добыча угля составила 60% намеченного уровня.

Провал планов подъема сельского хозяйства очевиден хотя бы потому, что ЦСУ перестало оглашать данные о сборе зерновых, а их импорт ежегодно выражается десятками миллионов тонн. По оценкам американских экспертов, сбор зерновых в СССР в 1978-82 гг. в среднем составлял 193,3 млн. т., т.е. примерно в полтора раза больше, чем в 1960 г. В докладе же о проекте программы КПСС утверждалось, что производство зерновых к 1980 г. увеличится по сравнению с 1960 г. примерно в 2,2 - 2,3 раза и достигнет 18-19 млрд. пудов, т.е. 280-300 млн. т. В этом контексте нелишне напомнить, что Продовольственной программой СССР на период до 1990 г. (1982) предусматривалось довести среднегодовое производство зерна до 250-255 млн. т. Таким образом, и в случае осуществления серьезно скорректированных "вниз" новых утопических планов к началу следующего десятилетия не была бы достигнута цель, намечавшаяся прежде на 1980 год. Даже в самом конце текущего столетия прокормить страну советское сельское хозяйство не сможет. А ведь на него прихо-

дится почти 20% занятого населения, тогда как в большинстве экономически развитых стран этот показатель не превышает 10%.

Подушевой национальный доход, по моим подсчетам, к 1980 году достиг в СССР 3,2 тыс. долл. в год, тогда как в США годом раньше составлял 8,2 тыс. долл. По этому показателю СССР уступал всем высокоразвитым странам. Догнать ему удалось не США, а всего только Испанию, опередить Грецию и Португалию. Некоторые исследователи в своих расчетах приходили к еще более пессимистическим выводам. А.П.Федосеев (цит. по Е.Р.Романову, 1977), например, констатировал, что по среднедушевому национальному доходу СССР в начале 70-х гг. занимал 57-е место в мире. Сравнивая наблюдавшиеся в 1960-80 гг. темпы роста среднедушевого национального дохода, можно подсчитать, что Советский Союз сумеет приблизиться к современному уровню европейских развитых капиталистических стран не ранее, чем через 70 лет. Что же касается США, то им одной только стабилизации среднедушевого дохода на уже достигнутом уровне достаточно, чтобы превосходить по нему СССР на протяжении по меньшей мере ста лет. Кстати, как раз по этому показателю США довольно давно потеряли былое первенство в капиталистическом мире.

Г.Шрэдер (1981) пришла к выводу, что в СССР "реальное потребление на душу населения теперь гораздо ниже трети потребления в Соединенных Штатах... СССР далеко отстает также от главных западноевропейских стран и Японии, и – исключая Великобританию – дистанция значительно возросла по сравнению с 1960 г. ... Советский уровень составляет теперь примерно половину уровня ФРГ и Франции, две трети – Японии и около трех четвертей – Италии... Советские потребители отстают от большей части потребителей Восточной Европы... В этом отношении Советский Союз является самой неразвитой страной среди всех развитых стран" (с. У-У1). Стоит добавить, что если Г.Шрэдер помещает СССР по уровню и структуре потребления по соседству с Югославией и несколько ниже Мексики, то, по мнению И.Бирмана (1983б), он находится на уровне Сирии, Колумбии и Бразилии.

Рядовому советскому читателю не доступны исследования названных авторов, издаваемые же в СССР статистические ежегодники и основанные на них апологетические работы он считает

пропагандистской брехней. Реальный уровень т.н. материального благосостояния народа он оценивает не по сведениям ЦСУ о росте валового общественного продукта или произведенного национального дохода. Одним из источников объективного познания безрадостной действительности на худой конец могут служить данные о динамике зарплаты. По сведениям за 1985 г., среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих составила 190 руб. и увеличилась по сравнению с 1970 г., на 47%. Хотя показатель роста зарплаты впечатляет, он ни о чем, в сущности, не говорит.

Не располагая достоверной информацией, которая позволила бы определить темпы инфляции и реальные доходы занятых в народном хозяйстве СССР, я не берусь сравнивать эти цифры с относящимися к времени, когда докладывался проект прежней редакции программы КПСС. Доверимся, однако, А.Безансону (1984), который – вслед за А.Д.Сахаровым (1968) – считает Советский Союз страной с самой низкой в мире зарплатой трудящихся. Убедительны высказывания некоторых исследователей, согласно которым зарплата в Советском Союзе все еще не достигает уровня пособий по безработице, выплачиваемых, например, в скандинавских странах. Стоит, наконец, призадуматься и над тем, насколько показательна динамика денежной зарплаты в условиях постоянного дефицита товаров и услуг широчайшего спроса.

Составители советского статистического ежегодника подчеркивают, что при изучении семейных бюджетов следует принимать во внимание не средние заработки, рассчитанные на одного занятого в народном хозяйстве, а суммарные выплаты и льготы в расчете на семью... "На одну семью, – сообщают они, – среднемесячная заработная плата с добавлением выплат и льгот в 1983 году составляла 456 руб." (ЦСУ СССР, "Народное...", 1984, стр. 411), но не уточняют, сколько душ насчитывает среднестатистическая советская семья и какими пользуется льготами. Такого рода ни к чему не обязывающие и ни к чему не пригодные цифры вновь и вновь убеждают, что правы исследователи (напр., А.Бергсон, 1982), сомневающиеся в возможности использования советской официальной статистики труда и зарплаты для оценки жизненного уровня населения. В связи с этим особое познавательное значение приобретают выборочные обследования, из которых наиболее интересным мне показалось проведенное под руководством Б.С.Хорева и Г.П.Киселевой (1982). Ярко

выраженная демографическая направленность работы позволяет использовать ряд полученных ими данных и при изучении воспроизводства населения СССР.

Обследование выявило четко выраженную тенденцию к непрерывному увеличению совокупного месячного дохода по мере роста длительности брака. При вступлении в брак он составлял в среднем 208 руб., накануне рождения первенца – 212 руб., накануне рождения второго ребенка – 264 руб. и к моменту обследования – 280 руб., причем у трех четвертей обследованных семей превышал 150 руб., но не достигал 300 руб. Поскольку, однако, в процессе становления семьи возрастало число ее членов, среднедушевой доход существенно уменьшался. Авторы обследования констатировали, что "в противоположность некоторому росту уровня жизни к моменту рождения первенца это радостное для семьи событие существенно понижает среднедушевой доход семьи. После рождения второго ребенка среднедушевой доход оказывается наименьшим из всех по составляемым стадиям жизни". (с. 87).

К сожалению, Б.С.Хорев и Г.П.Киселева предпочли не ставить точек над "и". Советский гражданин по собственному опыту знает, что двухдетная семья со среднедушевым месячным доходом менее 100 руб. (а таких семей оказалось свыше 80%) не в состоянии удовлетворить свои потребности. Недостаточно акцентирован в этой работе также прямовытекающий из приведенных результатов вывод, что именно низкий уровень материального благосостояния в сочетании с возрастающими потребностями стал в Советском Союзе одним из главных тормозов демографического развития. Государство заинтересовано в несколько расширенном воспроизводстве населения. Но если для этого не созданы надлежащие предпосылки, оно вынуждено принять к сведению, что все большее число супружеских пар возможность сохранения достигнутого (все еще очень скромного) уровня усматривает в ограничении числа детей. Это противоречие между государственными и семейными интересами не будет преодолено, пока страна не продвинется по пути такого экономического развития, которое способствовало бы ощутимому подъему народного благосостояния.

Конечно, семья семье не ровня, и эта прописная истина все более очевидная в свете социальной стратификации советского общества. По понятным причинам эта проблема почти не разра-

ботана. Имеются грубоориенторовочные сведения только о двух противоположных категориях: о тех, кто фактически оказался вне общества и влачит жалкое существование на архипелаге ГУЛаге, и о тех, кто вознесен на один из многочисленных номенклатурных постов. Квантификация этих категорий весьма затруднительна. Не приходится, однако, сомневаться, что количество заключенных и ныне выражается семизначными числами. По некоторым оценкам, оно достигает 4 млн., т.е. около 1,5% всего населения страны. Отставая от капиталистических стран по любому обобщенному показателю социально-экономического развития, Советский Союз наверняка опережает их по числу заключенных.

На противоположном полюсе, тоже фактически вне экономических законов общества – живущие в "системе полного обеспечения государства" (Б.Комаров, 1978, с. 173), а также имеющие "денег достаточно для того, чтобы купить все, что они желают" (там же, с. 174). К первой группе относится пресловутая номенклатура с чадами и домочадцами, ко второй – высший офицерский состав вооруженных сил и карательных органов, крупные ученые, хозяйственники, деятели литературы и искусства. К ней же относятся преуспевающие на поприще, которое А.Безансон (1984) определил как "третий сектор" советской экономики, другие авторы как "вторую экономику", попросту же говоря, – на черном рынке. Данные о численности этих групп противоречивы и, разумеется, далеки от точности. Так, по мнению Б.Комарова (1978), все привилегированные прослойки охватывают 13-15% населения СССР, в т.ч. партийно-правительственное руководство и члены их семей составляют 12-15 млн. чел. М.Восленский (1980) оценивает численность номенклатуры в 750 тыс., из чего следует, что численность этой прослойки составляет 2,5-3,0 млн. чел. Где-то между приведенными величинами, по-видимому, таится истина.

Пока она не установлена и не доказана с помощью объективных фактов, демограф вынужден оперировать усредненными показателями, маскирующими социальное расслоение и, конечно, весьма далекими от крайних величин. Не подлежит сомнению, что к их числу относятся и все вытекающие из доступной статистической информации параметры, характеризующие воспроизводство населения СССР. Их современный уровень обусловлен

не только трагическим прошлым и унылым настоящим. Косвенное влияние оказывает на них также укоренившееся в сознании миллионов людей неверие в будущее. На эти параметры в настоящее время во все большей степени воздействуют жилищные условия, плохое снабжение элементарными предметами потребления, загрязнение внешней среды, глубочайший кризис здравоохранения, нищенский уровень социального обеспечения.

Детальное рассмотрение всех этих сложных проблем в рамках настоящей монографии невозможно да и вряд ли целесообразно. Определенное место я отвел им в своей предыдущей обширной работе (Д.Вересов, 1985), но и в ней скорее поставил те или иные вопросы, чем решил их. Не сомневаюсь, что рано или поздно они привлекут внимание компетентных исследователей, причем их выводы позволят увидеть ряд демографических фактов в ином ракурсе. Если на сегодняшнем уровне знаний с полной уверенностью можно утверждать только то, что актуальная демографическая ситуация в СССР обусловлена, в частности, экологическим кризисом, кризисом здравоохранения и т.п., то, как знать, может быть, в недалеком будущем удастся и квантифицировать эти привходящие факторы.

2. Советская демографическая статистика.

"В 1979-84 гг. население СССР возросло с 262.329 тыс. до 276. 329 тыс. чел., т.е. на 14.000 тыс., или 5,3% – этой заранее подготовленной фразой я собирался открыть вторую главу настоящей книги. Констатировав факт, вытекавший из официальных источников, я предполагал затем перейти к анализу актуальной демографической ситуации, т.е. следовать установленным канонам. Но от канонов пришлось отступить, поскольку речь идет о Советском Союзе, а приведенные цифры почерпнуты из публикаций ЦСУ СССР.

Дело в том, что по другим столь же официальным статистическим материалам действительный прирост населения СССР составил в указанные годы 13.838 тыс. Казалось бы, расхождение несущественное (101 тыс., или 0,7%) и можно посмотреть на него сквозь пальцы, не отвлекать читателя техническими деталями. Однако этот пример весьма поучителен, т.к. знак расхождения подсказывает мысль, что в 1979-84 г.г. сальдо внешних мигра-

ций было положительным, иначе говоря, что число иммигрантов было больше числа эмигрантов. Тому, кто хоть немного знаком с советской действительностью, такая мысль покажется смехотворной. Известно, что эмиграция из СССР на рубеже 70-х и 80-х годов практически прекратилась. Нет в то же время никаких оснований предполагать, что сколько-нибудь значительной была иммиграция. Несовместимость прямой информации об естественном и косвенном – о пространственном движении населения СССР, следовательно, противоречивость информации об естественном и действительном его приросте обусловлена, таким образом, иными причинами.

Поиски этих предполагаемых причин целесообразно, мне кажется, начать с попытки проникновения в суть советской государственной статистики населения. Отношением к ней предопределяется содержание всех исследований, ибо именно она составляет их базу. Кроме поставляемой ею информации, исследователь не располагает никакой иной, и прежде чем приступить ко всякого рода расчетам вынужден оценить ее качество.

Ограничиваясь пока приведенным выше примером, откровенно скажу, что – сколько ни раздумывал над ним – так и не пришел к окончательному выводу и не знаю, столкнулся ли с дьявольски хитроумной загадкой или случайно, по небрежности сделанной ошибкой. Вначале мне казалось, что она допущена намеренно, что таким образом заметают какие-то следы, потом я стал склоняться к иному предположению: представил себе людей, которые в отчаянных усилиях вырваться из капкана собственной лжи как за соломинку хватаются за стародавнее русское "авось". Впрочем, не стану забегать вперед.

Предположение, что действительный прирост населения СССР превышал естественный благодаря положительному сальдо внешней миграции не находит подтверждения в фактах. Возможно ли иное объяснение обнаруженного несоответствия? Теоретически рассуждая, разумеется, и даже не одно, а несколько.

Действительный прирост может, например, не соответствовать алгебраической разности между естественным и пространственным (механическим) при недоучете загсами числа родившихся, если они затем охватываются иными формами учета населения. Такое несоответствие может возникнуть также из-за того, что ежегодно многие тысячи людей, меняющие место жительства,

забывают выписаться перед отъездом со старого, но обязательно прописываются на новом. В обоих случаях мы имеем дело с поразительной в советских условиях несработанностью отдельных элементов сложной системы учета всего и вся. Подведомственные местным советам т.н. загсы (городские и районные бюро записи актов гражданского состояния), где ведутся реестровые книги, не занимаются разработкой материалов по статистике населения, а только выдают документы желающим их получить. Ею не занимаются также органы милиции, которые ведут учет выданных и сданных паспортов, делают в них отметки о прописке и выписке.

Учетом населения как такового – в демографическом смысле этого понятия – ведают только органы государственной статистики. Наделенные немалыми правами, они тем не менее не всесильны. Текущий учет населения все еще не налажен на должном уровне. Особенно он хромает в сельских местностях Средней Азии, на Дальнем Востоке, на севере Сибири. Даже подцензурные авторы, в т.ч. многолетние ответственные работники ЦСУ СССР признают, что "хотя закон обязывает людей регистрировать такие демографические события, как рождения и смерти, прописка и выписка при смене места жительства, добиться полноты текущего учета сложно" (А.Я.Боярский и соавт., 1980, стр. 185). Денежные штрафы за несоблюдение обязательных сроков регистрации рождения или смерти оказались недостаточной мерой воздействия, и с середины 70-х гг. со своевременной явкой в загс связывается также возможность получить пособие на ребенка, а в городах запрещено хоронить без справки загса о регистрации смерти. Тем не менее и после этого в Узбекской ССР не регистрировалось около 5% рождения и более 9% смертей, а в Каракалпакской АССР соответственно почти 13% и 28% (Э.Джонс, Ф.Б.Групп, 1983). Неудивительно, что А.Я.Боярский в очередном издании "Курса демографии" (1985), начав за здравие, кончает за упокой. Констатировав, что "в настоящее время в СССР в целом достигнута необходимая полнота регистрации событий естественного движения населения", он тут же меланхолично добавляет: "однако для отдельных районов этот вопрос еще имеет значение" (с. 204).

Но все сказанное – частности. Подлинных причин продемонстрированной выше на конкретном примере противоречивости

официальной статистической информации следует доискиваться гораздо глубже, в самой природе советского государства, в господствующей здесь идеологии. Тщетны надежды, что в течение пятнадцати примерно лет, когда в Советском Союзе систематически оглашалась кое-какая основная информация по статистике населения, печатались тысячи книг и статей по демографии, когда был заново пробужден интерес к этим вопросам и их стали касаться даже на партийных съездах, законом советской пропаганды подчинялась только интерпретация цифр. Увы, действие этих законов распространялось и на сами цифры. Их стали произвольно "поправлять", что в конечном итоге породило нигде, кроме СССР, невиданное отношение к статистической информации. Сначала в жертву априорно поставленной, оторванной от действительности цели принесли ее объективность, потом вообще перестали заботиться о точности. Если цифры не противоречат цели, их публикуют, но предварительная проверка, по-видимому, производится на основании не статистических, а политических критериев.

Сталкиваясь с проявлениями свойственного органам советской государственной статистики высокомерного презрения не только к тем, кто пользуется их информацией, но и к своему служебному долгу, я не раз впадал в уныние. Снова и снова всплывали в моей памяти слова одного из зарубежных коллег, который как-то сказал, что, имея дело с советской статистикой, надо выбирать между полным доверием к ней и категорическим отказом от использования каких бы то ни было поставленных ею данных. Еще дальше, исключая выбор между этими возможностями, пошел А.Безансон (1984): "Два обстоятельства, – писал он, – придают советским статистическим данным совершенно особый характер.

1. Эти статистические данные относятся к социализму. Другими словами, единственными фактами, достойными быть зафиксированными, обработанными и опубликованными, являются факты, характеризующие социализм... Все, что касается капитализма, советскую статистику не интересует, а в соответствии с советской доктриной каждое "отрицательное" явление приписывается влиянию капитализма... Таким образом... определенная часть советской действительности замалчивается.

2. В процессе селекции и сбора данных никто не может претен-

довать на роль нейтральной, "незаинтересованной" стороны... Никто не может оставаться нейтральным и по отношению к самим цифрам. Если некий директор в составляемой им сводке или отчете приводит какую-то цифру, то причина этого в том, что он должен представить именно эту цифру... На рассматриваемом этапе любая цифра представляет собой нечто среднее между тем, что требует власть, и действительностью; выражаясь точнее, она соответствует максимальному искажению действительности, совместимому с видимостью правдоподобия" (с. 289-291).

Далее автор подробно описывает функционирующий в СССР маханизм фальсификации статистических сведений. Та самая цифра, которую упомянутый директор вставил в свой липовый отчет, наверху воспринимается как основание для составления еще более нереального плана. Спущенный вниз, он приобретает характер директивы, которой руководствуются при подготовке очередного оторванного от действительности отчета. Когда "разрыв между экономикой-фикцией и реальной экономикой становится опасным в политическом отношении..., власть "спускает сверху" скорректированную цифру... Не следует, однако, впадать в иллюзию: исправленная цифра – это вовсе не значит правильная... Публикуемые цифры должны восприниматься не в их арифметическом, а в политическом значении" (там же, с. 292-293).

Отсюда уже только шаг до сокрушительного вывода. А.Безансон делает этот шаг:

"Королева Вильгельмина говорила о Наполеоне III, что тот так изолгался, что нельзя принимать за истину даже полную противоположность того, что он говорит. Ее слова должны стать девизом каждого, кто берется за интерпретацию советских источников, особенно содержащих цифровые данные. Здесь мы имеем дело не с искажением реальности путем преувеличения или преуменьшения, и не с псевдореальностью, от начала до конца сфабрикованной и не имеющей никакого отношения к подлинной действительности. И то, и другое предполагало бы знание этой подлинной реальности, что кажется в высшей степени маловероятным... Советские цифры ложны, но даже если бы они были правильными, то не стали бы от этого менее ложными, поскольку между ними и реальностью нет никакого соотношения, даже того, которое имеется между правдой и ложью" (там же, с. 294-295).

Есть веские основания полагать, что анализ А.Безансона и сформулированные им выводы применимы ко многому в советской экономической статистике. Далеко не уверен, однако, что они применимы к демографической статистике. Выкованная автором логическая цепь лишается в данном случае первого звена, ибо плановых показателей по статистике населения Советского Союза никто пока, видимо, не разрабатывает. Господствующая в СССР идеология сосуществует с признанием биологического характера таких демографических событий, как рождение и смерть, смирилась с такими непреложными фактами, как изменения численности населения, половые различия между людьми, признает категорию возраста, считается с тем, что люди перемещаются в пространстве, принадлежат к тем или иным этническим совокупностям. Эти факты, пока они не квантифицированы на определенном уровне, не вступают в конфликт с идеологической сверхдействительностью. О них дозволено упоминать и даже время от времени выражать их количественно.

Может, однако, случиться (и не раз случалось), что в результате воздействия факторов, не признаваемых или скрываемых жрецами партийной доктрины, те же демографические события, выливаясь в форму массовых явлений и процессов, приобретают неугодный характер. Например, в доктрину не вмещается возможность сокращения численности населения социалистического государства, такого повышения смертности, которое не может быть объяснено структурными сдвигами, такого изменения возрастной структуры, которое вызвано повышением смертности, и т.д. Жрецы, денно и нощно бдящие в советских идеологических храмах, могут усмотреть в той или иной статистической информации пропагандистское оружие, которое будет использовано противником. Они же могут заключить, что та или иная информация совместима с доктриной, если она характеризует советскую действительность в микро-, но не в макромасштабе, в региональном, но не всесоюзном разрезе.

Если бы вскрытие А.Безансоном закономерности полностью относились и к демографической статистике, Совнарком не аннулировал бы Всесоюзную перепись населения, проведенную в 1937 г., а попросту указал бы, какие требуются данные. Если бы эти закономерности действовали в прошлом, в советских статистических ежегодниках, изданных в 30-е гг., печатались бы фаль-

сифицированные сведения о численности населения и его естественном движении. Если бы эти закономерности действовали в настоящее время, из ежегодников ЦСУ "Народное хозяйство СССР" не исчезли бы коэффициенты повозрастной, в частности младенческой смертности, а в сборнике итогов переписи населения 1979 г. содержались сведения о его возрастном составе. Сам факт, что в советских демографических публикациях зияют глубокие бреши, исключает предположение о тотальной фальсификации данных по статистике населения.

Итак, не берясь оценивать советскую государственную статистику в целом, я готов допустить, что А.Безансон не так уж далек от истины. Полагаю все же, что на разных ее участках применяются различные методы согласования действительности с идеологическими канонами. Простейший из этих методов – замалчивание фактов, и он-то наиболее распространен в демографической и медицинской статистике. Сознательное создание информационного вакуума или дефицита информации открыто признается подцензурными авторами. Более того, кое-кто находит ему оправдание и вовсе не склонен связывать, например, с "культом личности" или "волюнтаризмом", хотя такого рода объяснения бывали в моде.

Так, О.В.Бароян (1968) бесстрастно излагает официальную, по-видимому, точку зрения: "Начиная с 30-х гг. нашего столетия публикация больших обзоров по динамике инфекционных заболеваний в различных странах мира значительно сократилась, если не сказать больше – прекратилась. Не публиковалось подобной информации и по Советскому Союзу. Объяснялось это тем, что даже такая благородная цель, как борьба с эпидемиями, стала использоваться в пропагандистских целях со стороны ряда крупных капиталистических государств.

Тенденциозно искажая отдельно выхваченные факты, полностью игнорируя историческое прошлое дореволюционной России, оставившее очень тяжелое наследие, и др., пресса ряда капиталистических держав в потоке клеветы на Советский Союз не упускала и эту возможность, чтобы очернить труд большого коллектива медиков нашей страны, посвятивших себя благородной цели ликвидации тех причин, которые создали условия в дореволюционной России для развития и распространения многих инфекционных заболеваний.

Естественно, что в этих условиях информация о заболеваемости была по сути прекращена" (с. 10).

Замалчивание статистической информации как вполне допустимое средство самозащиты в идеологической войне, как средство противодействия "волне клеветы" на советских медиков в этих строках признано и скреплено печатью Главлита. Нет сомнения, что они могут быть отнесены и к демографической статистике, хотя советские специалисты в этой области ответственны за рождаемость и смертность, следовательно, и за численность населения страны в еще меньшей степени, чем медики за заболеваемость и летальность. И их надо защищать от клеветы в буржуазной прессе. Руководствуясь этими соображениями, соответствующие органы советской власти то и дело принимали надлежащие решения: аннулировать всесоюзную перепись, прекратить публикацию сведений о численности населения, его естественном движении, особенно о смертности, о возрастном составе, о наличии в некоторых районах страны определенных этнических совокупностей и т.п.

Да не подумает читатель, что хоть в какой-то мере я реабилитирую советскую государственную статистику и пытаюсь представить ее жеманной барышней, которая не произносит некоторых слов, т.к. они считаются неприличными. Так же, как А.Безансон, я давно знаю, что ложью в советской статистике, в т.ч. и демографической, пропитана чуть ли не каждая цифра. Та самая цифра, которую один из творцов демографии назвал королевой науки... Мы расходимся во мнениях лишь в трактовке понятия ложь. Я рассматриваю его в соответствии с текстом присяги, приносимой в англо-американских судах, где свидетель клянется показывать не просто правду, а одну только правду и ничего, кроме правды. То есть правду без какого-либо ее приукрашения или сокрытия. И в этом смысле всякое умолчание есть ложь.

Но ложь, какой бы упорной и злостной она ни была, не исключает, на мой взгляд, возможности докопаться до истины. Тут я не могу стать на точку зрения А.Безансона, считающего бесполезной любую попытку корректировать цифры, поставляемые советской статистикой. Я проявил бы непростительную наивность и совершил бы грубейшую ошибку, если бы счел точной и не требующей проверки каждую официально сообщенную цифру о составе и движении населения СССР. Столь же наивным и ошибоч-

ным было бы, по-моему, убеждение, что в совокупности они не складываются в ясную картину, а в их динамике не находят своего отражения те или иные процессы.

Даже пробелы в советской государственной статистике имеют немалое познавательное значение. Именно они оказываются первыми сигналами, приковывающими внимание независимого исследователя. Заметив исчезновение в очередном сообщении ЦСУ того или иного прежде публиковавшегося показателя, он сразу же видит набежавшую на советское демографическое небо тучку и догадывается, откуда начинать поиски скрытой истины. В демографической статистике многие явления и процессы, следовательно, и отражающие их цифры, взаимосвязаны. Невозможно поэтому скрыть истину путем замалчивания одного показателя даже на протяжении нескольких лет. С большей или меньшей точностью он определяется по указывающим на ту или иную тенденцию количественным характеристикам того же явления в прежние годы или по другим показателям данного года.

Целый ряд примеров свидетельствует о том, что даже в тех случаях, когда подлинная статистическая информация полностью отсутствовала, замалчивалась, скрывалась и извращалась, установление истины в конце концов оказывалось возможным. Так, например, удалось установить ориентировочную численность населения России накануне Октябрьской революции (М.Бернштам, 1979, 1980; С.Максудов, 1980; Ю.А.Поляков, И.Н.Киселев, 1981). Так приблизительно определены демографические потери Советского Союза, вызванные голодом 30-х г.г. и "большим террором", второй мировой войной и сопутствующими ей трагическими обстоятельствами (Д.Вересов, 1985; И.Г. Дядькин, 1983; Р.Конквест, 1974; С.Максудов, 1983[а,б] и мн. др.). Так, наконец, установлены точные цифры, характеризующие новые, тщательно замалчиваемые тенденции в динамике младенческой смертности и эволюции средней продолжительности жизни, а также скрытый при публикации итогов переписи 1979 г. возрастной состав населения СССР (Д.Вересов, 1985; К.Дэвис, М.Фешбах, 1982).

Подытоживая все изложенные выше соображения, хотелось бы подчеркнуть, что я убежден в возможности критического использования информационного массива, накапливаемого советской демографической статистикой. К сожалению, этот массив

никогда не импонировал своим объемом, а с середины 70-х гг. стал стремительно сокращаться. Лучшее того подтверждение – публикация информации об естественном движении населения СССР и итогов всесоюзной переписи 1979 г.

С тех пор как был издан единственный за 40 послевоенных лет статистический сборник, целиком посвященный демографической проблематике (ЦСУ СССР, "Население...", 1975), информация о численности, составе и движении населения стала появляться только в ежегодниках ЦСУ ("Народное..."', "СССР в цифрах") и ежемесячном журнале "Вестник статистики". О ее недостаточном объеме свидетельствует хотя бы факт, что в ежегодниках "Народное хозяйство СССР" раздел "Территория и население" редко когда насчитывает более тридцати страниц, а ежемесячник ЦСУ в своих "Статистических материалах" отводит демографической проблематике 4-5 страниц... в год. Характерно, что с 1973 г. ЦСУ СССР перестало оглашать информацию о младенческой смертности, которая вскоре исчезла и со страниц республиканских статистических ежегодников. В 1972 г. были опубликованы последние (да и то сокращенные) таблицы смертности и средней продолжительности жизни, в 1975-76 гг. в последний раз появились в печати повозрастные коэффициенты смертности. Естественное движение, таким образом, свелось к рождаемости.., может быть, потому, что – в отличие от смертности – она, по мнению тех, кто в СССР командует этим участком идеологического фронта, все же носит позитивный характер.

Столь же поучительна история публикации итогов всесоюзных переписей населения. Та перепись, с итогов которой целесообразно начать оценку актуальной демографической ситуации в СССР, была, как известно, седьмой по счету. Признана "вредительской" и посему аннулирована перепись 1937 г. Перепись 1939 г. якобы из-за начавшейся вскоре советско-германской войны (а до нее прошло-то ведь два с половиной года!) не удостоилась отдельной публикации и ее результаты приводились только в сопоставлении с итогами других переписей (напр., Г.И.Колосова, 1976; ЦСУ СССР, "Итоги... ", 1962). Таким образом, опубликованы лишь итоги пяти всесоюзных переписей (1920, 1926, 1959, 1970 и 1979 гг.), из коих только одна по объему информационного массива уступает последней.

Весьма характерны данные об общем объеме опубликованной

по переписям информации и времени, которое потребовалось на ее издание. Вне конкуренции оказывается перепись 1926 г.: ее предварительные и краткие итоги были опубликованы в тринадцати выпусках в течение трех лет, а окончательные и полные – в пятидесяти шести томах – к 1933 г., т.е. в течение семи лет. Переписи 1959 г., кроме двух небольших сборников, было посвящено 16 томов, причем последний из них поступил в продажу в 1963 г., т.е. примерно через 4 года. Несколько скромнее выглядят итоги переписи 1970 г.: их издание тоже продолжалось 4 года, но все они вместились в семь томов и две брошюры. Что же касается проведенной еще до окончании гражданской войны первой советской переписи населения, то ее предварительные итоги в пяти тоненьких выпусках были изданы уже в 1921 г., а окончательные – в 1928 г. Именно ее по объему информационного массива превзошла перепись 1979 г., итогам которой посвящен одинединственный том, вышедший в свет спустя пять с половиной лет. Объем этого тома (384 с.) в 7,6 раза меньше общего объема итогов переписи 1959 г., в 8,7 раза – 1970 г., в 51,8 раза – 1926 г. и только на 19% больше объема итогов первой советской переписи! Эти цифры, мне кажется, сами говорят за себя и в общем-то достаточны для оценки отдельных периодов истории отечественной демографической статистики...

На страницах этой книги не раз появятся ссылки на сборник, посвященный итогам переписи 1979 г. (ЦСУ СССР, "Численность ...", 1984), и читатель сумеет по достоинству оценить его содержание. Из вошедших в него 59 таблиц ни одна не информирует о возрастном составе, а в 24 таблицах, охватывающих информацию об этническом составе, не нашлось места для данных о распределении населения даже по полу. Тут, как говорится, комментарии излишни.

Стоит ли в связи с этим объяснять, почему на рубеже 70-х и 80-х гг. захирела советская демографическая наука? Весьма непродолжительным оказался период, в течение которого она развивалась – по советским, разумеется, меркам – более или менее нормально и наверстывала упущенное в годы небытия. Объявленная буржуазной лженаукой и запрещенная в 30-е гг., русская демография разделила участь многих общественных наук. Вторично родившаяся в первой половине 60-х гг., она вернулась на путь, проложенный создателями мировой демографической нау-

ки и плеядой русских исследователей первой четверти XX в., уже в ином своем воплощении. Теперь ей присуще все то, что проистекает из природы советской науки.

Нынешняя советская демография – закономерная стадия развития некоего уродливого плода, который снабжен не одной, а двумя пуповинами. Только по одной из них этот плод получает жизненные соки из нормального материнского организма – отечественной статистики населения и мировой науки. Вторая связывает его с господствующей в стране идеологией, с общественными науками в их советской извращенной ипостаси. В последние годы первая пуповина снова как бы закупорилась и стала омертвевать, вторая же при каждом движении душит плод, причем с каждым его движением возрастает опасность для жизни. В памяти подцензурных авторов закодированы события 30-х гг. Их генетически обусловленная осторожность ограничивает такие движения и до поры до времени продлевает существование хилой советской демографии.

Я вовсе не хочу этим сказать, что подцензурные авторы не внесли весомого вклада в международную демографическую науку. Он был бы, однако, гораздо весомее, если бы доступна была необходимая для оригинальных исследований исходная информация, если бы крепли международные связи, если бы не довлела над отечественной демографией цензура в обеих своих взаимосвязанных формах: внешней и внутренней, главлитской и добровольной. Рекомендую читателю обращать внимание на годы издания цитируемых ниже источников. Однако этого, пожалуй, достаточно, чтобы убедиться, насколько обеднела подцензурная литература во второй половине 70-х и первой 80-х гг.

По-видимому, значительная часть отечественной демографической литературы так же, как исходной информации, снабжена ограничивающими ее распространение грифами. Нередко зловещие слова: "для служебного пользования", "секретно" и "совершенно секретно" – появляются еще на этапе планирования научной работы. Полагаю, что этим обусловлена недоступность не только ряда исследований по самым острым вопросам исторической демографии, но также научных оценок актуальной демографической ситуации и перспективных исчислений.

Там, где молчит или извращает истину подцензурная литература, обычно с особой силой раздаются голоса зарубежных и не-

зависимых отечественных специалистов. И те, и другие внесли огромный вклад в изучение истории населения Советского Союза, широко использованной мной в предыдущей монографии (Д.Вересов, 1985). К сожалению, большая часть известных мне работ посвящена определению демографических последствий воздействия на население СССР различного рода экстремальных (катастрофических) факторов. Значительно меньше внимания привлекла современная демографическая обстановка и еще, пожалуй, меньше – перспективные исчисления. Именно этим я руководствовался, когда обдумывал содержание настоящей книги.

Разумеется, я исходил из того, что мог извлечь из всех названных здесь трех групп литературных источников. Используя отнесенные к первой (официальная статистика населения и подцензурная демография), приходилось заполнять немалые пробелы и преодолевать информационный шум. И в том и в другом помогли мне работы зарубежных специалистов, отнесенные ко второй группе источников. Их исследования, однако, нередко требовали существенной корректировки из-за неумения авторов проникнуть в глубины "советского образа жизни". Что же касается публикаций независимых отечественных авторов (третья группа), то в них меня более всего привлекла возможность спроецировать в будущее то, что обнаружено ими в прошлом.

Глава II

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1979-84 гг.

Приступая к анализу демографической ситуации в СССР на рубеже 70-х и 80-х гг., я исхожу из того, что она сложилась как следствие всей истории населения страны. Демографическое развитие Советского Союза проходило под влиянием трех качественно различающихся между собой групп факторов. Первая вытекала из инерционности процессов воспроизводства населения, уходящих своими корнями в дореволюционное прошлое, вторая охватывала экстремальные (катастрофические, а по официальной терминологии – экстраординарные) факторы, порожденные революцией и последовавшими за ней трагическими событиями, прежде всего войнами, голодом и политическим террором. Третья группа наименее специфична для Советского Союза. К ней я отнес факторы, проявляющиеся в своем комплексе как всеобщие демографические закономерности, в силу которых совершается демографический переход. То или иное сочетание перечисленных групп факторов в отдельные периоды демографической истории страны предопределяло возникшую в результате их взаимодействия демографическую ситуацию, накладывая неизгладимый отпечаток и на дальнейшие судьбы населения.

Само собой разумеется, что актуальная демографическая си-

туация СССР уже в весьма незначительной степени восходит к далекому дореволюционному прошлому. Его остаточное влияние, по-видимому, ощущается лишь в том, что Россия с существенным опозданием вступила на путь демографического перехода, что на некоторой части территории Советского Союза он до сих пор не завершен. Демографическая революция совершилась в стране позже, чем социальная, и этим в определенной мере обусловлены ее специфические черты.

С течением времени постепенно ослабевает отсроченное воздействие катастрофических факторов развития населения СССР. Глубокие узуры на возрастных пирамидах, запечатлевшие в своих причудливых очертаниях последствия социальных потрясений, войн, террора и голода, все более и более передвигаются к верхним этажам. Слабеет и эхо этих потрясений. Таким образом, актуальная демографическая ситуация в весьма значительной степени предопределена действием универсальных законов развития населения. Ее специфичность, однако, обусловлена не только социально-экономическими свойствами того общественного строя, который носит официальное наименование социалистического, но также свойствами СССР как последней в мире империи, замкнувшей в своих границах крайне разнородные общественные, этнические и культурные совокупности.

Как универсальные закономерности, так и специфические особенности демографического развития нашли свое отражение во всем, что характеризует актуальную демографическую ситуацию: в динамике численности населения страны, в его пространственном распределении, в возрастно-половом и национальном составе, в естественном движении. Освещению перечисленных проблем посвящены две главы моей книги (II и III), причем одна из них (настоящая) носит, пожалуй, описательно-статистический, а другая – аналитико-динамический характер. Приводимые ниже статистические сведения позволяют обнаружить в сложной и противоречивой демографической обстановке, сложившейся в СССР на рубеже 70-х и 80-х гг., следующие основные признаки, имеющие существенное прогностическое значение.

Умеренные темпы количественного роста населения по стране в целом сопровождались его ускоренным ростом в Среднеазиатских республиках. Сохранились относительно высокие темпы увеличения численности городского населения на фоне дальнейшего сокращения сельского, особенно в некоторых экономиче-

ских районах Российской Федерации. По-прежнему высокой миграционной мобильности населения не сопутствовало повышение эффективности пространственных перемещений, весьма значительная доля которых сводилась к замене одних жителей данного населенного пункта, данной категории поселений или данного региона другими.

Продолжалось постепенное выравнивание глубоко нарушенных войной и сопутствовшими ей трагическими обстоятельствами количественных соотношений между полами и между основными возрастными группами. Несколько замедлился рост численности группы лиц в пожилом и старческом возрасте, что все же не приостановило процесса демографического старения. Дифференцированные по регионам темпы количественного роста населения обусловливались прежде всего этнодемографическими их особенностями. Ускорившийся рост численности т.н. магометанских народов сопровождался относительно стабильными темпами роста славянских и прибалтийских, что привело к существенным сдвинами в этнической структуре населения страны.

Совершившийся во всесоюзном масштабе на протяжении нескольких последних десятилетий переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения несколько притормозился. Он близится к завершению на преобладающей части территории страны, но и там в 70-80-е гг. наблюдалось некоторое повышение рождаемости, вызванное, однако, прежде всего действием структурных факторов. Среднеазиатские же союзные республики переживали нечто подобное "демографическому взрыву" и по-прежнему оставались в ранних стадиях демографического перехода, характеризующихся доминированием модели многодетной семьи и весьма высокой рождаемостью.

В масштабах всей страны наблюдалось существенное повышение смертности, притом не как результат неблагоприятных изменений возрастной структуры, а вследствие повышения ее повозрастных уровней. Резко возросла младенческая смертность, уменьшились показатели средней продолжительности предстоящей жизни, увеличилась сверхсмертность мужчин. Давали себя знать тревожные сдвиги в величине и стуктуре жизненного потенциала населения Советского Союза, объясняющиеся как изменениями его структуры, так и сокращением средней продолжительности жизни, особенно мужчин.

Таковы – в самой сжатой форме – выводы, к которым приходят независимые исследователи, внимательно наблюдающие за тенденциями демографического развития СССР. Многие из них признаются и подцензурными авторами. К ним же на основании критического анализа официальной статистической информации, научной литературы и собственных оценок в своей предыдущей обширной работе пришел и я (Д.Вересов, 1985). В настоящей монографии, сосредоточив внимание не на демографическом прошлом и даже не на настоящем Советского Союза, а на его демографическом будущем, я не излагаю сокращенно всех фактов, которые легли в основу сформулированных выше выводов, а рассматриваю лишь ту их сравнительную небольшую часть, которая имеет определенное прогностическое значение.

1. Численность населения

Как я уже упоминал (см.главу 1), общая численность населения СССР, по официальной информации ЦСУ, в 1979-84 гг. возросла с 262.329 тыс. до 276.329 тыс. (ЦСУ СССР, "Естественное ...", 1984, 1985; "Народное...", 1984). Таким образом, среднегодовой прирост на протяжении шести лет составил 2.333 тыс., т.е. около 8,6%. Естественно, возникает вопрос, как оценить подобные темпы количественного роста населения. На широком международном фоне они представляются умеренными (Demographic Yearbooks, 1980-1982). Превосходя по расматриваемому показателю почти все экономические развитые страны, Советский Союз заметно уступает подавляющему большинству развивающихся. Допустимо, следовательно заключение, что по темпам количественного роста населения СССР – если его условно рассматривать как единый демографический организм, существующий в определенных государственных границах, – занимает промежуточное место между развитыми и развивающимися странами.

Закономерна, однако, и попытка локализовать приведенный показатель на оси времени, иными словами – выяснить тенденцию его изменений.

Из демографической истории СССР (Д.Вересов, 1985) известно, что до второй мировой войны численность его населения изменялась крайне неравномерно. Причиной тому – три постигшие страну демографические катастрофы. К началу нэпа численность

населения все еще не достигла дореволюционного уровня (в сопоставимых границах), в 1937 г. едва превысила уровень 1932 г., в 1945 г., несмотря на значительное расширение территории, превышала его только на 5 млн. (около 3%). Из первых 30 лет истории советского государства количественным ростом населения характеризовались только периоды 1923-32 и 1936-40 гг. Ровно половина всего этого времени как бы выпала из демографической истории страны. Прямые и косвенные людские потери в 1917-53 гг. достигли по меньшей мере 69 млн., а с учетом их отсроченного влияния к 1982 г. приблизились к 89 млн. (Д.Вересов, 1985).

Все же в 1923-32 и 1936-40 гг. отмечались весьма высокие темпы количественного роста населения, явно унаследованные от дореволюционной России. Характерно, что рекордно высокими они были в период нэпа, когда на фоне приближавшейся к дореволюционному уровню рождаемости наметилось быстрое снижение смертности. В последние предвоенные годы среднегодовой прирост населения приближался к 1,5%, т.е. был почти в полтора раза меньше, чем в период нэпа.

По ряду причин в Советском Союзе не проявилась одна из универсальных закономерностей демографического развития — послевоенные показатели рождаемости не превысили довоенного уровня. Отсутствием т.н. компенсационного пика рождаемости объясняется факт, что за весь послевоенный период самые высокие темпы количественного роста населения пришлось на 50-е гг. На протяжении двух последующих десятилетий они существенно снизились, а в 1979-84 гг. были вдвое меньше, чем в 1950-60 гг. Актуальная демографическая ситуация характеризуется, следовательно, прежде всего резким снижение темпов количественного роста населения. Поскольку на рубеже 70-х и 80-х годов миграция не играла существенной роли, это явление целиком и полностью объясняется изменением режима воспроизводства населения (см. главу III).

Замедлению темпов количественного роста населения СССР сопутствовали заметные изменения в его пространственном (территориальном) распределении. Разобраться в этом, впрочем, нелегко, ибо схема административно-территориального деления страны поражает своей сложностью. Обветшалый и не принимаемый всерьез критерий "самоопределения наций" соседствует в

ней с прагматическими критериями. Сочетание этих не взаимоисключающихся, но и не дополняющих друг друга критериев привело к тому, что государство, насчитывающее 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов, делится, кроме того, на 6 краев и 122 области.

Подцензурные авторы все чаще отходят от сложной и противоречивой схемы административно-территориального деления, основываясь на разработанной в 1963 г. таксономической сетке, включающей 18 крупных экономических районов и Молдавскую СССР, или даже применяя систему экономико-географического зонирования, которая была создана для долгосрочного прогнозирования развития производительных сил. Согласно последней, на территории СССР выделяют 7 зон, в т.ч. 4 – в азиатской части страны (И.И.Белоусов, 1976). Оригинальную схему макрорайонирования применил В.И.Переведенцев (1982[б]), разделивший территорию СССР на три большие части – "Запад, Юго-Восток и Восток. В первый регион входит вся европейская часть страны, кроме Северного Кавказа, во второй – Закавказье, Средняя Азия, Казахстан и Северный Кавказ, в третий – азиатская часть РСФСР – Сибирь и Дальний Восток" (с. 45).

Я не отдаю предпочтения ни одной из этих схем и готов применить любую, если она создает возможность последующего анализа. Не отказываюсь я и от традиционного деления территории СССР на европейскую и азиатскую части, причем условный рубеж между ними, согласно Б.Ц.Урланису (1941), провожу по восточным границам Коми АССР, Архангельской, Свердловской и Челябинской областей, по западным границам Казахской ССР, по северным границам Ставропольского и Краснодарского краев.

О том, что азиатская часть страны по-прежнему заселена гораздо слабее европейской, свидетельствуют данные, приведенные в таблице II.2.

На огромной территории, охватывающей 75% площади Советского Союза, по последним доступным сведениям проживает только 26,8% его населения, причем в 1979-83 гг. темпы освоения Сибири и Дальнего Востока существенно снизились по сравнению с предыдущими периодами. Это становится особенно заметным, если сосредоточиться на информации, относящейся к Азиатской части РСФСР за вычетом ее национальных автономий.

Здесь рост населения практически приостановился, рекордно же высокие темпы, отмеченные в национальных автономиях, были обусловлены главным образом огромным притоком мигрантов в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа Тюменской области, которая выдвинулась на первое в стране место по добыче нефти и газа. Стремительно, напоминая страны, расположенные в центре современного демографического взрыва, продолжало расти население Средней Азии. Следует все же отметить, что темпы его количественного роста в 1973-83 г.г. были почти в полтора раза ниже, чем в 1959-69 гг.

В европейской части страны темпы роста населения существенно снизились по сравнению с предыдущим периодом и более чем в полтора раза уступали наблюдавшимся в азиатской части. Относительно высокие темпы все еще сохранялись только в Азербайджане и Армении, а самые низкие были отмечены на Украине. Существенно снизились и в автономиях Российской Федерации. Тем не менее суммарная доля населения всех автономий РСФСР, Средней Азии и Азербайджана в общей структуре населения страны с 20,8% в 1979 г. возросла до 21,8% в 1984 г., суммарная же доля остальной части РСФСР, Украины и Белоруссии составила 65,1%, тогда как в 1979 г. составляла 66,2%, а в 1959 г. – 71,6%. Хотя эти сдвиги не столь уж велики и обусловлены воздействием противоречивых факторов, наличие определенной тенденции не оставляет сомнений.

Особо следует остановиться на содержащейся в таблице информации о численности населения исконно русских областей Нечерноземной зоны. В настоящее время в ней сосредоточено немногим меньше половины населения Европейской части Российской Федерации (без учета национальных автономий). Если условно исключить обладающие особым притяжением Московскую и Ленинградскую области, окажется, что количественный рост населения здесь практически приостановился. За четверть века оно увеличилось с 32,8 млн. до 33,8 млн. чел., т.е. только на 3,3%, а за последние 5 лет – на 0,3 млн., или 0,9% (около 1,7‰ в среднем в год). В целом ряде областей (Брянской, Ивановской, Калининской, Кировской, Костромской, Орловской, Псковской, Рязанской, Смоленской и Тульской) численность населения не достигает уровня 1959 г. Об интенсивности и стойкости депопуляционной тенденции в Нечерноземной зоне свидетельствует

факт, что по сравнению с 1926 г., т.е. чуть ли не за полвека, ее население увеличилось только на 2,3 млн. (менее 0,15% в год) и то лишь за счет Владимирской, Горьковской, Ивановской, Пермской и Свердловской областей. В двенадцати областях Нечерноземной зоны численность населения не только не достигает уровня 1926 г., но уступает ему более чем на 30%. Стоит заметить, что если бы в них в 1926-84 гг. удерживались такие же темпы роста, как во всесоюзном масштабе (около 1,05% в среднем в год), население Нечерноземной зоны – без столичных областей – достигло бы сейчас 52 млн. (вместе с Москвой и Ленинградом оно составляло в 1984 г. 55 млн.).

На протяжении ряда десятилетий центр населенности страны медленно, но верно – в соответствии с предсказаниями Д.И.Менделеева – перемещался в сторону "благодатного юга и обильного землей востока". Если накануне войны 1941-45 гг. специалисты локализовали его несколько южнее Саратова, то уже в 1970 году он перекочевал в окресности Александрова-Гая, поселка в той же Саратовской области, но на крайнем ее юго-востоке, в 20 км. от границы РСФСР с Казахстаном. В 70-х и 80-х гг. центр населенности Советского Союза перемещался все в том же направлении и ныне вышел за пределы Российской Федерации. Не приобретает ли этот факт символического значения?

По Е.В.Касимскому (1975), по-прежнему "основная масса населения СССР (более 79%) сосредоточена в полосе 45° до 60° северной широты, что позволяет считать этот интервал "главной полосой расселения" (с. 35). Однако доля населения, проживающего в этой полосе, постепенно уменьшается, причем темпы его количественного роста крайне неравномерны (самые высокие – в южной части, самые низкие – в серединной). Несмотря на стремительный рост населения Средней Азии, примерно три четверти населения страны все еще сосредоточены между меридианами 20° и 65° (в европейской части). За Уралом главная полоса расселения тянется тоненькой ниточкой до Владивостока, и только кое-где возникли новые заселенные районы, имеющие существенное экономическое и стратегическое значение. В целом восток и север страны испытывают острый дефицит людских ресурсов.

В связи с этим оценка актуальной демографической ситуации должна бы включать и развернутую характеристику миграци-

онных процессов. К сожалению, текущая статистика миграции в СССР не публикуется, определение же ее интенсивности по косвенным сведениям весьма затруднительно, а в ряде случаев невозможно. Как я уже указывал, величина действительного прироста населения СССР, определенная по ежегодно публикуемой информации об общей его численности, противоречит результату, который вытекает из сведений об естественном движении. Поскольку естественное движение не балансируется с пространственным во всесоюзном масштабе, трудно надеяться на получение достоверных данных и о межреспубликанских миграциях. Тем не менее результаты соответствующих расчетов свидетельствуют о том, что в большинстве союзных республик пространственное движение населения не играет уже сколько-нибудь заметной роли как фактор его количественного роста. Даже в Российской Федерации, население которой в 1979-84 гг. возросло за счет миграции на 747 тыс., механический прирост был в 5 с лишним раз меньше естественного (А.Шихи, 1985).

Результаты собственных расчетов показывают все же, что в 1979-83 гг. в Латвии и Эстонии естественный прирост населения уступал механическому, в в Литве последний превышал треть действительного прироста населения. В Российской Федерации механический прирост населения приближается к 16,5% действительного. Украина и Белоруссия характеризовались минимальными отрицательными величинами пространственного прироста, что, однако, отнюдь не свидетельствует о неучастии их населения в межреспубликанских перемещениях. Более вероятно, что отток здесь примерно уравновешивался притоком мигрантов из других республик.

Во всех остальных союзных республиках сальдо межреспубликанских миграций было отрицательным, но только в Казахстане это проявилось в относительно высокой степени. За 5 рассматриваемых лет число покинувших эту республику превысило число переселившихся в нее на 260 тыс. Целинный бум 50-х и начала 60-х гг. отошел в прошлое, и многие тогдашние новоселы вернулись к родным пенатам.

В этом контексте уместно напомнить, что на проходившем в конце 1982 г. Всесоюзном совещании по вопросам демографической политики как весьма положительное явление оценивался начавшийся отток из Среднеазиатских республик ("Проблемы

демографической...", 1983). Результаты моих подсчетов заставляют скептически отнестись к этому выводу, ибо суммарное отрицательное сальдо межреспубликанских миграций в указанном регионе слегка превысило 230 тыс. (40-50 тыс. в среднем в год). На фоне огромного естественного прироста, составившего в Среднеазиатских республиках в рассматриваемый период 3,6 млн., эта величина выглядит весьма скромно. Нельзя к тому же не предположить, что немалая ее доля приходится на межреспубликанские миграции в пределах Средней Азии.

Особого внимания требуют данные, касающиеся Российской Федерации. Они свидетельствуют о том, что межреспубликанские миграции приобрели в ней в последнее десятилетие противоположное направление: если до 1974 г. включительно ежегодный действительный прирост населения уступал естественному, то в 1975-83 гг. он его превосходил. Из этого следует, что до середины 70-х гг. происходил отток населения из Российской Федерации в другие республики, а во второй половине 70-х и начале 80-х – приток. Результаты моих расчетов показывают, что положительное сальдо межреспубликанских миграций за 1976-83 гг. несколько превзошло отрицательное сальдо за предыдущие 15 лет (1259 тыс.; Л.Л.Рыбаковский, В.Я.Чураков, 1978; Д.Вересов, 1985). За одно только пятилетие 1979-83 гг. приток мигрантов в РСФСР был больше оттока на 746 тыс. чел. Не исключено, что немалую, а то и преобладающую долю мигрантов здесь составили русские.

В моих расчетах нашли отражение лишь конечные итоги не сотен тысяч, а миллионов и десятков миллионов разнонаправленных переселений. Их ориентировочные масштабы, намного превосходящие величины межреспубликанских миграционных потоков, удалось определить благодаря включению в программы последних переписей вопроса о продолжительности проживания в постоянном месте жительства. К "мигрирующему населению относились лица, проживающие непрерывно в постоянном месте жительства менее двух лет" (В.Н.Короваева, 1976, с. 247). Полученные результаты, несомненно, несколько преуменьшены, поскольку "не считались нарушением непрерывности постоянного проживания в данном пункте выезд из него для прохождения срочной военной службы и за границу, а также все выезды на срок менее 6 месяцев" (там же). Вполне вероятно, что сознатель-

ное преуменьшение числа мигрантов объясняется и отсутствием на официальных картах Советского Союза островов солженицынского архипелага. Таким образом, не учитывались переселения по меньшей мере 8-10 млн. жителей СССР, т.е. 3-4% населения.

Перепись 1970 г. показала, что в 1968-69 гг. переменили место жительства в СССР 13,9 млн. чел. По данным переписи 1979 г., число проживающих в постоянном месте жительства менее двух лет достигло 20,1 млн. В первом случае среднее число лиц, меняющих постоянное место жительства, можно оценить на уровне около 7 млн., а во втором – 10 млн. в год, что составляет примерно 2,9-3,8% общей численности населения страны. Если допустимо распространение этих показателей и на рассматриваемый здесь период (а есть основания полагать, что и в данном случае они оказались бы несколько преуменьшенными), то следовало бы заключить, что в 1979-84 гг. ежегодно меняли постоянное место жительства 8-10 млн. чел., общее же число мигрантов за этот период превысило 50 млн., т.е. приблизилось к одной пятой населения страны.

По мнению некоторых исследователей, интенсивность миграций еще выше. Так В.И.Переведенцев (1982[а]) считает, что в начале 70-х гг. ежегодно происходидо 15-16 млн. переселений, т.е. 6-7% населения меняло за год место жительства. Согласно Б.С. Хореву (1976), "Ежегодный оборот мигрантов всех основных видов достигает в СССР более 30 млн. чел. (16-18 млн. переселенцев плюс 10 млн. маятниковых мигрантов, плюс 1,3-1,5 млн. учащихся и рабочих-сезонников, плюс какие-то контингенты неучтенных сельских переселенцев и сезонников" (с. 47). Комментируя эту оценку, М.С.Бедный (1979) писал, что столь высокая подвижность не может обойтись бех издержек. И хотя последнее слово употреблено автором только в "в смысле ухудшения здоровья мигрантов" (с. 8), его экономический смысл напрашивается сам собой.

В свое время В.А.Болдырев (1974) имел неосторожность противопоставить причины миграции населения в капиталистических странах. По его определению, в первых миграция стихийна, а во вторых "носит в основном планомерный характер" и "подвижность людей связана прежде всего с потребностями роста современного производства, изменением его территориальной

структуры необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот богатых природными ресурсами районов" (с. 54). Вероятно, автор не хотел сказать, что планы развития народного хозяйства, при составлении которых, несомненно, учитывается распределение природных ресурсов, разрабатываются в СССР для того, чтобы не повысить, а снизить эффективность любого экономического начинания. Если цель планового хозяйства противоположна, приведенные выше цифры опровергают декларативный вывод В.А.Болдырева. Из них следует единственный реальный вывод: массовые переселения в СССР вовсе не носят планомерного характера, а точно так же, как при капитализме, происходят стихийно.

Неустанные переселения многих миллионов людей, с семьями и жалким скарбом, со своими разочарованиями и надеждами пересекающих страну, в которой никогда не заходит солнце, похожи на беспорядочное броуновское движение. Позволю себе напомнить, что – согласно молекулярно-кинетической теории – взвешенные в жидкости или газе ничтожно малые частицы перемещаются от толчков со стороны молекул окружающей среды, и среднее смешение броуновской частицы, обусловленное действием случайных сил, оказывается нулевым. Если отдельных мигрантов сравнить с броуновскими частицами, то становится понятным, почему сводный баланс массовых переселений, хотя существенно отходит от нулевого уровня, оказывается несравненно меньше числа их участников.

Один из разделов следующей главы я посвятил региональным различиям в воспроизводстве населения. Указать на существование значительных межреспубликанских различий целесообразно, однако, также здесь, рассматривая некоторые аспекты миграции. Так, по данным переписи 1979 г., в месте постоянного жительства проживало с рождения более 70% населения Азербайджанской, Армянской, Таджикской и Туркменской республик и почти 80% населения Узбекской ССР, но менее 50% – Казахской, Латвийской, Литовской и Эстоноской ССР, а также Российской Федерации. На протяжении последних двух лет переменило постоянное место жительства более 8% населения Российской Федерации, Казахстана, Литвы, Латвии и Эстонии, но только 3-5% жителей Закавказских и Среднеазиатских республик (кроме Киргизии). Среди 20,1 млн. новоселов 75,6% составляли жители

РСФСР и Украины, 7,0% – Казахстана. На все остальные союзные республики, в которых проживает 23,0% населения Советского Союза, пришлось 17,4% мигрантов.

2. Урбанизация.

Органы государственной статистики СССР менее всего ограничивают объем информации о распределении населения страны между городом и селом. По-видимому, это проявление то ли наивной убежденности, что высокие темпы урбанизации отражают успехи развернутого строительства социализма, "ввода в действие новых производственных предприятий и объектов социально-культурного назначения, дальнейшего развития индустриальных и культурных центров" (Г.М.Максимов, 1976, с. 158), то ли просто веры в политическую безобидность публикуемых цифр. Так или иначе, объем доступной информации достаточен для вскрытия основных факторов роста городского населения СССР, его распределения по союзным республикам и экономическим районам, размещения по городам различной людности и т.п. Однако ее прогностическое значение ничтожно, т.к. не публикуются данные о возрастном, этническом и социальном составе мигрантов. Поэтому перспективные исчисления приходится заменять ориентировочными оценками.

Численность городского населения Советского Союза в послевоенные годы увеличилась более чем в 2,5 раза, примерно на 110 млн. чел. Прирост городского населения был, таким образом, больше общего прироста населения страны. Один этот факт указывает, что существеннейшим фактором урбанизации стал отток сельского населения в города. За послевоенные годы его численность сократилась примерно на 13 млн. (около 12%).

Немалую роль играли также административные преобразования. Об этом свидетельствует, в частности, рост числа городов и поселков городского типа. За одно только пятилетие 1979-83 гг. число первых увеличилось на 77, а вторых – на 92 и достигло соответственно 2138 и 3937. Следует все же отметить, что на протяжении последнего пятилетия административные преобразования были умереннее, чем в 70-е гг. В 1979-83 гг. общее число поселений городского типа увеличивалось на 34 в среднем в год, тогда как в 1970-78 гг. этот показатель составлял 44.

В 1979-84 гг. прирост городского населения был таким же, как в предыдущем пятилетии, и составлял примерно 2,8 млн. в год, тогда как в 60-е гг. он достигал 3,0-3,3 млн., а в 50-е – 3,4-3,5 млн. Относительный прирост городского населения в рассматриваемый здесь период (1,65%) был ровно вдвое меньше, чем в 1959-64 гг. Для современного этапа урбанизации характерен, однако, факт, что хотя на азиатскую часть приходится около четверти городского населения страны, его прирост в 1979-84 гг. превысил там треть общего прироста. Если городское население Европейской части СССР увеличилось со 125.307 тыс. до 134.504 тыс., т.е. на 7,3%, то Азиатской – с 38.284 тыс. до 42.984 тыс., т.е. на 12,3%.

Наибольшими среди союзных республик долями городского населения (показателями урбанизации) характеризовались Российская Федерация (72,2%), Эстонская (71,3%) и Латвийская (70,3%), а наименьшими – Киргизская (39,3%) и Таджикская (33,6%). Отмечу, что в последней, подобно как в Туркменской ССР, показатель урбанизации – в отличие от всех остальных союзных республик – в рассматриваемый период не увеличился, а уменьшился. Среди экономических районов максимальными величинами показателя урбанизации характеризовались Северо-Западный (81,6%), Центральный (81,2%) и Донецко-Приднепровский (77,7%), а минимальными – Среднеазиатский (41,2%) и Закавказский (56,5%).

Соответственно максимальная убыль сельского населения наблюдалась в Центрально-Черноземном, Центральном и Волго-Вятском экономических районах РСФСР, а также на преобладающей части территории Украины и в Белоруссии, тогда как в Среднеазиатских республиках сельское население продолжало увеличиваться, причем в Таджикской ССР его прирост превосходил прирост городского. Сельское население составляет теперь большинство только в Среднеазиатских республиках и в Молдавии, тогда как в 1979 г. тем же отличался и Юго-Западный экономический район Украины.

Предполагаю, что в целом за 60-80-е гг., т.е. за период жизни одного поколения, доля естественного прироста в приросте городского населения не превышала 43-45%, на миграции же и административные преобразования пришлось 55-57%. Таким образом, из 73,9 млн. чел., на которые увеличилось число жителей го-

родов, потомственными горожанами (да и то преимущественно второго поколения) можно считать не более 33 млн., чем в серьезной степени объясняются специфические особенности режима воспроизводства городского и сельского населения. Отнюдь не исключено, что небольшая разница между коэффициентами воспроизводства, величина которых свободна от влияния возрастной структуры, обусловлена не тем, что нормы демографического поведения, свойственные городскому населению, прививаются и сельскому. Не менее вероятно, что значительной части жителей городов, относительно недавно переселившихся из сельских местностей, все еще присущи типичные для деревни нормы.

Чрезвычайно характерно для Советского Союза то, что к стойким сдвигам в распределении населения между городом и деревней приводит только 12-15% всех переселений. В подавляющем большинстве переселения ведут лишь к замещению одних лиц другими в тех же совокупностях населенных мест. В крайних случаях (Урал и Восточная Сибирь) только "5-6 человек из ста прибывших в города увеличивают городское население" (В.И.Переведенцев, 1972, с. 128). В другой своей работе тот же автор указывает, что "одна из самых замечательных особенностей современной миграции населения – равновеликость (однопорядковость размеров) противоположных миграционных потоков в случаях миграционных связей между социально близкими совокупностями населенных мест (города с городом, села с селом). Этим современная миграция резко отличается от переселений конца прошлого – начала нашего века, когда был значителен перевес движения в одном направлении... Теперь даже размеры всего выбытия из городов близки в большинстве случаев к размерам прибытия в них... Подавляющее большинство прибывающих в города не увеличивает их населения, а лишь замещает его" (В.И.Переведенцев, 1975, с. 65-66).

Итак, согласно данным на начало 1984 г. в городах и поселках городского типа проживает почти 180 млн. чел., т.е. около двух третей населения страны. В этом контексте уместно напомнить, что еще в 1939 г. соотношение между городским и сельским населением было обратным, а сравнялась численность первого с численностью второго только в 1961 г. Минувшее пятилетие отмечено дальнейшим развитием тенденций 60-70-х гг.

К числу этих тенденций относятся и изменения в распределе-

нии городского населения по городам различной величины (или, как говорят специалисты, различной людности). Правда, единая их классификация по людности до сих пор не принята, однако в рабочем порядке к группе крупнейших можно отнести т.н. города-миллионеры, в которых число жителей превышает 1 млн., к группе крупных – с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн., к группе средних – от 100 тыс. до 499 тыс. и к группе мелких – с числом жителей менее 100 тыс. (в каждом). В последней группе целесообразно выделить города с населением от 50 до 99 тыс. жителей в каждом.

В первую очередь хочется отметить, что наиболее быстрыми темпами в рассматриваемый период росли крупнейшие города, поглотившие почти половину общего прироста городского населения, причем общее число их жителей увеличилось на 20%. Несколько более четверти общего прироста пришлось, однако, на мелкие города и поселки городского типа, общее число жителей которых возросло на 6%. Несомненно, и в Советском Союзе продолжается концентрация населения в крупнейших городах. Тем не менее не они, а поселки городского типа и города-карлики попрежнему сосредоточивают гораздо большее число жителей (в 1979 г. соответственно 19,5% и 40,8%, а в 1984 г. – 21,6% и 39,8%).

На крупные и средние города вместе взятые пришлась примерно такая же часть общего прироста городского населения, как на мелкие города и поселки городского типа, причем темпы роста общего числа их жителей были того же порядка. По последним доступным мне данным, в крупных городах сосредоточено всего 11%, а в средних – 28% городского населения страны. Медленно возрастает и количество городов, относящихся к этим двум группам. За рассматриваемый период прибавились только 3 крупных и 7 средних городов, а также 4 крупнейших, тогда как в период между переписями 1970 и 1979 гг. число городов средней величины возросло на 38 (на 20%). Почти не изменилась и их средняя людность, составившая к началу 1984 г. в крупнейших городах 1739 тыс., в крупных – 649 тыс. и в средних – 211 тыс.

Значительно (на 12,5%) увеличилось в рассматриваемый период и общее число населения той группы городов, к которой я от-

нес города с 50-99 тыс. жителей в каждом. Ныне в них проживает 16.343 тыс. чел., т.е. 7,5% городского населения страны, тогда как в 1979 г. проживали 14.523 тыс., т.е. 8,9%. Несмотря на рост, доля этой группы в структуре городского населения СССР заметно сократилась.

Сократилась также доля населения поселений городского типа. Если в 1979 г. она составляла 31,9% городского населения страны, то в 1984 г. – 30,5%. Все же и теперь на такие поселения, которые, строго говоря, трудно даже назвать городами, приходится почти такое же число жителей, как на крупнейшие и крупные города вместе взятые.

В свете приведенных данных следует согласиться с П.С.Коваленко (1980), что "в настоящее время система городского расселения Советского Союза, сформировавшаяся под влиянием природно-экономических условий и хозяйственной специализации промышленного и сельскохозяйственного производства, в основном характеризуется преимуществом малых и средних городов" (с. 152; к последним цитируемый автор относит города с числом жителей 50-100 тыс. в каждом, которые я называю малыми.

Напрашивается вывод, что преобладающая часть городского населения Советского Союза только в будущем может стать подлинно городским, пока же, хотя и перестала быть сельским, городским еще не стала.

Оценка П.С.Коваленко приобретает тем большее значение, что, по мнению специалистов, занимающихся не только демографическими, но и социологическими аспектами урбанизации, наиболее благоприятными социал-экономическими и культурно-бытовыми условиями в СССР характеризуются не мелкие и даже не средние города, а крупные, с числом жителей свыше 500 тыс. в каждом, причем оптимальная их людность, по-видимому, приближается к 1-2 млн.

Рост численности населения в таких городах в целом рассматривается как положительное явление, объективно отражающее существенные структурные сдвиги в уровнях урбанизационных процессов.

Вместе с тем кое-кто из подцензурных авторов выражает озабоченность по поводу ряда "отрицательных моментов, таких,

как несбалансированность материалного производства и непроизводственной сферы" (П.С.Коваленко, 1980, с. 79).

Любопытно распределение крупнейших и крупных городов по регионам. По-прежнему почти все они расположены в главной полосе расселения, причем более половины – в РСФСР. Их число в Закавказье не изменяется с 1959 г., а в Средней Азии и Казахстане все еще не сравнялось с числом таких городов в Азиатской части РСФСР. В 1979-83 гг. три новых крупнейших и крупных города появились в азиатской части страны и четыре – в европейской.

Несмотря на возникновение городов-миллионеров в Средней Азии и Белоруссии, в Сибири и Закавказье, в Поволжье и на Урале, несмотря на развитие крупных городов буквально во всех экономических районах страны, изменения в общем городском пейзаже не столь уж существенны. Одной из характеристик последнего может послужить такой показатель, как среднее расстояние между городскими поселениями (его величина равна квадратному корню из отношения общей площади изучаемой территории к числу расположенных на ней городских поселений). Рассчитав этот показатель для Советского Союза в целом, нетрудно заметить, что городские поселения все еще представляются затерявшимися в безбрежном океане островками, тогда как на Украине и в Европейской части РСФСР их плотность постепенно приближается к типичной для Европы. Картина, однако, зависит и от того, какие городские поселения принимать в расчет. Если сюда включить все города и поселки городского типа, независимо от их людности, то окажется, что среднее расстояние между ними в 1959-78 гг. сократилось с 69,6 км до 61,6 км и в 1979-83 гг. до 60,7 км, причем на Украине, например, оно во все указанные годы было примерно втрое меньше, чем по СССР в целом.

Гораздо большей оказывается разница, если задаться целью определить среднее расстояние не между всеми городскими поселениями, а только с числом жителей свыше 50 тыс. в каждом. Число таких городов в 1979-83 гг. несколько увеличилось, но как в начале, так и в конце рассматриваемого периода подавляющее их большинство (около трех четвертей) находилось в европейской части страны. Поскольку ее территория составляет то-

лько четверть территории СССР, априори можно констатировать, что и величина примененного показателя должна здесь существенно уступать цифрам, определенным для страны в целом и для ее азиатской части. Результаты расчетов подтверждают это предположение. Особого внимания заслуживает факт, что среднее расстояние между городами не достигает 100 км только в двух экономических районах РСФСР (Центральном и Северо-Кавказском), на Украине, в Эстонии, Белоруссии, Армении и Молдавии. В перечисленных районах и республиках, общая площадь которых составляет менее 8% территории страны, сосредоточена почти половина принимаемых тут во внимание городов.

Величины этого показателя в пределах 100-200 км отмечены в четырех европейских экономических районах РСФСР (Волго-Вятском, Центрально-Черноземном, Поволжском и Уральском), а также в Литовской, Латвийской, Грузинской, Азербайджанской, Узбекской и Киргизской ССР. На их территории, т.е. на 15% территории страны, приходится почти треть всех городов с числом жителей 50 тыс. и более в каждом. Таким образом, величина общесоюзного показателя превосходит указанный уровень за счет четырех экономических районов РСФСР (трех азиатских и Северо-Западного), а также Казахской, Таджикской и Туркменской ССР. Их общая площадь превышает три четверти территории страны, но сосредоточивает только четверть общего числа городов рассматриваемого класса.

Приведенные показатели с более чем достаточной убедительностью говорят, что процесс урбанизации все еще протекает далеко не так, как можно бы полагать, руководствуясь только самыми общими данными. К тому же урбанизационная модель, которой так гордятся составители официальных публикаций ЦСУ, не прислушивающиеся к предостережениям специалистов (П.С.Коваленко, 1980; Б.С.Хорев, Г.П.Киселева, 1982), все еще поворачивается своей оборотной стороной – неравномерностью распределения и оттоком в ряде районов сельского населения.

Правда, для некоторых экономических районов (Средней Азии, Молдавии, Закавказья, Северного Кавказа), как и для страны в целом все еще характерна трудоизбыточность сельских местностей. Напротив, в Нечерноземной зоне РСФСР давно назрела противоположная проблема – ощущаемый именно на селе дефицит трудовых ресурсов. Весьма показательно в этом отноше-

нии продолжающееся перераспределение сельского населения между экономическими районами. За одно только рассматриваемое пятилетие доля трудонедостаточных Северо-Западного, Центрального и Волго-Вятского районов в составе сельского населения страны сократилась с 12,3% до 11,3%, тогда как доля перечисленных выше трудоизбыточных районов возросла с 31,1% до 34%. Всего четверть века назад, в 1959 г., величины соответствующих показателей составляли 17,7% и 21,1%, т.е. разница между ними была крайне незначительной.

3.Возрастно-половой состав

Всесоюзная перепись населения 1979 г. показала, что за 20 лет, прошедших с первой послевоенной переписи, дефицит мужчин существенно уменьшился, но глубоко извращенное войной количественном соотношение между полами все еще серьезно отклоняется от признаваемого более или менее нормальным. Численное превосходство женщин над мужчинами в 1979 г. составляло 17,8 млн., тогда как в 1959 г. – 20,8 млн, а в 1939 г. – 7,9 млн. и в 1926 г. – 5,0 млн. Их доля в структуре всего населения соответственно равнялась 53,4%, 55,0%, 52,1% и 51,7%. Относительно высокая рождаемость и отсутствие внешних миграций способствовали тому, что за период, составляющий предмет исследования в настоящей главе, дефицит мужчин уменьшился более чем на полмиллиона (на 31%), а доля женщин в структуре населения страны – до 53,1%. Все же оба эти показателя значительно превышают уровни, зарегистрированные отечественной статистикой в 1939 и 1926 гг., хотя и тогда ощущалось деформирующее влияние катастрофических факторов (первой мировой и гражданской войн, голода, массового политического террора).

Несомненно, факт, что даже через 35-40 лет после окончания второй мировой войны не изгладились ее трагические последствия, свидетельствует о небывалой демографической катастрофичности 1941-45 гг. Об этом, в частности, говорят данные, которые я сопоставил в таблице II.4. Весьма характерно, что во всех европейских союзных республиках, кроме Армянской и Азербайджанской, на каждые сто мужчин приходилось более 110 женщин, а доля последних в структуре населения составляла не менее 53%, тогда как в азиатских эти показатели не достигали

всесоюзного уровня. Как свидетельствует таблица II.5, к рассмотрению которой я перейду несколько ниже, в возрасте моложе 45 лет ныне достигнуто почти полное равновесие полов (показатель феминизации составлял в нем в 1980 г. 988, а в 1985 г. — 983). Весь дефицит мужчин приходится, таким образом, на старшие возрастные группы, в которых этот показатель в 1980-85 гг. сократился с 1621 до 1527, однако дефицит мужчин все еще превышал 18 млн.

Не следует все же считать, что и здесь сказываются только отсроченные демографические последствия войны и связанных с ней событий. Вызванные войной структурные деформации сглаживались в отдельных союзных республиках более или менее интенсивно вследствие межреспубликанских миграций, а также в зависимости от уровней рождаемости и сверхсмертности мужчин. Высокая рождаемость на протяжении почти всего послевоенного периода была характерна для Среднеазиатских республик, Азербайджана, Армении, коренного населения Казахстана. Именно поэтому названные республики отличаются гораздо меньшими показателями феминизации, чем славянские, Прибалтийские, Грузия и Молдавия. Квантификация роли, которую в этом отношении играли межреспубликанские миграции, а также различия в уровнях смертности мужчин и женщин, к сожалению, невозможна из-за вопиющих недостатков официальной статистической информации.

Более всего поражает и более всего затрудняет анализ полное отсутствие сведений о возрастном составе населения СССР. ЦСУ, заявив, что в программе переписи 1979 г. учтена необходимость получения данных "о распределении населения как по одногодичным возрастам, так и по более крупным возрастным группам" (А.Исупов, 1980, с. 36), и обещав, что основные итоги переписи будут разработаны к концу 1979 г., а в 1981 г. полученные данные по всей программе (он же, 1979), не сдержало слова. Прошло несколько лет, а сведения о возрастном составе все еще не опубликованы, и, по-видимому, на ЦСУ как на источник информации по этому вопросу уже надеяться нечего. Разумеется, я не в праве категорически утверждать, что они засекречены, но чем больше времени проходит со дня переписи, тем более обоснованным мне кажется такое предположение. Впрочем, удивляться не приходится, поскольку, располагая данными о возрастном соста-

ве населения СССР в 1979 г., любой зарубежный демограф сумел бы определить его повозрастную смертность в 70-е гг. А этого даже своим специалистам, судя по всему, знать не положено.

Итак, перепись 1979 г. оказалась уникальной, потому что после всех предыдущих (кроме, конечно, аннулированной переписи 1937 г.) более или менее детально разработанная информация о возрастно-половом составе населения СССР все же публиковалась Самые подробные данные были оглашены на основе переписей 1926 и 1970 гг., самые же краткие и маловразумительные – после переписи 1939 г. Но и в этом случае кратенькое сообщение поместили в центральной печати уже весной 1940 г. ("Правда" от 29.1У.1940) и почему-то повторили спустя 16 лет (ЦУНХУ СССР, "Численность...", 1956). Подробные же разработки информации о возрастном составе населения СССР в 1939 г. появились в подцензурной литературе только в связи с публикацией итогов последующих переписей (ЦСУ СССР, "Итоги...", 1962; Г.И.Колосова, 1976). Однако и они не были полными.

Столько времени ждать я не хотел и не мог. Поняв, что информационный вакуум, преднамеренно созданный советскими статистическими органами, вынужден заполнять своими силами, я уже к осени 1981 г. завершил исчисления возрастного состава населения СССР по состоянию на начало 1979 г. Нет смысла вдаваться в детальный разбор полученных тогда результатов, т.к. вся разработка носила, в сущности, аналитический характер. Стоит все же отметить, что, исходя из доступных официальных материалов и собственных гипотетических таблиц смертности (см. ниже), я пришел к выводам, которые, как вскоре выяснилось, были весьма близки к истине.

По иному пути, открывшемуся уже после публикации некоторых итогов переписи 1979 г., пошел М.Фешбах (1982). Еще со страниц "Вестника статистики", который начал (дословно: через час по чайной ложке) их печатать в феврале 1980 г. и завершил в декабре 1983 г. (ЦСУ СССР, "Всесоюзная...", 1980-83), он выбрал две любопытнейшие таблицы. Теперь они попали в свободный том итогов переписи (ЦСУ СССР, "Численность...", с. 24-41). В таблице 8 информация о распределении населения СССР и союзных республик приведена в абсолютных цифрах, в таблице же 9 – в относительных в расчете на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше. М.Фешбах воспользовался притуплением бдительности

ЦСУ СССР и весной 1982 г. опубликовал результаты своих расчетов, в которых подразделил население СССР и союзных республик на две группы: моложе 10 лет и старше.

Находка и остроумнейшее решение американского исследователя облегчили мне дальнейшие изыскания. Пренебрегая неизбежными из-за незнания возрастного состава мигрантов ошибками, но руководствуясь результатами М.Фешбаха (1982) и итогами предыдущей переписи (ЦСУ СССР, "Итоги...", 1972, т. 2), я рассчитал предполагаемую возрастную структуру населения СССР по состоянию на 15 января 1979 г., а также на начало и середину 1980 г. (таблица II.5).

Разумеется, полученные таким необычным способом результаты не могут претендовать на точность. Напротив, невооруженным глазом видно, что кое в чем они противоречат другой информации, которую – вслед за доступными источниками – я воспроизвел на страницах этой книги. Так, исходя из официальных сведений о рождаемости в 70-е гг. (таблица III.1), своих гипотетических таблиц смертности (таблица Ш.4), а также итогов переписи 1970 г. (ЦСУ СССР, "Итоги...", 1972, т.2) и новейшей оценки экспертов ООН (Demographic Indicators.., 1982), я вывел данные, несколько отличающиеся от содержащихся в таблице П.5. Несомненно, применение других методов и гипотетических коэффициентов привело бы к иным более или менее правдоподобным, столь же обоснованным и столь же, вероятно, отклоняющимся от действительности колонкам цифр, представляющим возрастной состав населения СССР на 1980 г. Я остановился на одном из многих одинаково приемлемых, но в равной степени ориентировочных вариантов и рассматриваю свое решение как паллиативное. Полагаю, что окончательный вывод потребует дальнейших совместных усилий многих независимых исследователей. Потребует он и времени, чтобы накопить, обработать и критически осмыслить информационный массив, достаточный для обоснованной оценки достоверности данных ЦСУ.

Надеюсь все же, что допущенные мной неточности несущественны. В этом убеждает, в частности, сопоставление полученных результатов с оценкой экспертов ООН (Demographic Indicators.., 1982). Расхождения столь невелики, что я счел возможным использовать для дальнейшего анализа и перспективных исчислений собственные данные. Их корректировка – дело несложное,

но до окончательного прорыва информационной блокады по этому вопросу она мне кажется преждевременной.

Во всем описанном статистическом приключении я усматриваю не только его методический аспект. Гораздо важнее, что работы М.Фешбаха (1982), экспертов ООН (Demographic Indicators .., 1982) и, надеюсь, мои (Д.Вересов, 1985) в конечном итоге позволили ориетировочно установить возрастно-половой состав населения Советского Союза по состоянию на январь 1979 г. Они отразили, таким образом, весьма важный фрагмент объективной действительности, хотя именно это статистическое зеркало решением ЦСУ или вышестоящих органов было – словно в доме, где лежит покойник, – плотно занавешено. Незамысловатые операции оказались не напрасными, и это внушает мне веру, что рано или поздно солнечные лучи пробьются сквозь все завесы, и яркие зайчики фактов, разбежавшись по сотням таких зеркал, не оставят ни единого неосвещенного уголка на маскируемой демографической картине. Благодаря определенной и известной специалистам взаимосвязанности, казалось бы, разрозненных статистических фактов их установление возможно даже при таких ограничениях, какие введены в СССР. На полное же засекречивание информации по демографической статистике ЦСУ пока, видимо, не пойдет.

Прежде чем перейти к таблицам П.5 и П.6, в которых сведены результаты моих расчетов, раскрою еще один "секрет". В этих таблицах сопоставлены данные о возрастно-половом составе населения СССР в 1980 и 1985 гг. О том, как были получены первые, я рассказал. Что же касается вторых, то они рассчитаны на основе данных, относящихся к 1980 г., использованных в качестве базы моих перспективных исчислений (см. главы У и У1). Первый шаг в этих исчислениях приводил к результатам на 1985 г. Получив официальные сведения об общей численности населения СССР и союзных республик на 1 января 1985 г. (расхождения СССР и союзных республик на 1 января 1985 г. (расхождение составило только 54 тыс. или 0,02%), я смог воспользоваться ими для предварительной проверки предпосылок, положенных в основу моего прогноза. Почти идеальное совпадение моих расчетов с официальной информацией позволило мне констатировать, что предпосылки выдержали первое испытание. Это дает основание рассматривать рассчитанные результаты как отражающие реальную действительность не только в целом, но и в деталях. Кро-

ме того, удачная проверка предпосылок вселяет надежду, что и конечные результаты перспективных исчислений совпадут с действительностью, которая предстанет перед исследователями, когда завершится почти 40-летний перспективный период.

О чем же говорят приведенные цифры? Оценивая их, следует в первую очередь помнить, что актуальная ситуация характеризуется все большей долей в населении СССР когорт, появившихся на свет после второй мировой войны. В 1980 г. она составляла 57,4% и в 1985 г. – 63,4%, тогда как в 1970 г. – 45,4% и в 1959 г. – 30,7%. Современная численность этих когорт и количественное соотношение в них между полами обусловлены уже только колебаниями уровня рождаемости и "нормально" повозрастной смертностью. Дополнительное влияние катастрофических факторов отразилось на них в значительно меньшей степени – лишь снижением исходной численности из-за сокращения числа потенциальных родителей. Именно этот фактор сыграл немалую роль, например, в падении рождаемости во второй половине 60-х и первой 70-х гг., когда в возрасте наибольшей репродуктивной активности находились когорты родившихся во время второй мировой войны.

Когорты родившихся до середины 20-х гг. резко отличаются от послевоенных как глубоко нарушенным количественным соотношением между полами, так и отношением своей актуальной численности к исходной. Это обусловлено высоким уровнем рождаемости до 1914 г. и в годы нэпа, его снижением в годы мировой и гражданской войн, а также катастрофическим повышением смертности вследствие политических катаклизм, которыми изобиловала история Советского Союза. Воздействие обоих названных факторов особенно отразилось на численности и структуре когорт 1915-24 гг. рождения, т.е. тех, которым в 1980 г. было 55-64, а в 1985 г. – 60-69 лет. Их сильное влияние ощутили также когорты родившихся в первой половине 30-х гг., когда вызванное первой мировой и гражданской войной сокращение численности потенциальных родителей сопровождалось детской смертностью в период коллективизации и голода.

Таким образом, глубокие узуры, которыми характеризуются возрастные пирамиды населения СССР, переместились вверх. Узуру, соответсвующую численности родившихся в 1940-49 гг., обусловило снижение рождаемости и высокий уровень детской

смертности во время второй мировой воны и в первые послевоенные годы. Следующая узура вызвана аналогичными причинами в первой половине 30-х гг. Актуальную численность когорт родившихся в период нэпа уменьшили огромные потери, понесенные ими в годы второй мировой войны; их нынешнее численное превосходство над родившимися в первой половине 30-х гг. объясняется сочетанным отсроченным влиянием разнородных факторов, приведших к повышению рождаемости в 1925-29 гг. и ее снижению в последующие годы.

Обе эти узуры уже в 1980 г. располагались выше уровня, соответствующего 30-му году жизни. Возрастные пирамиды населения СССР, левая часть которых отражает численность мужчин, а правая – женщин, приобрели в связи с этим весьма специфические очертания. На симметричном и более или менее нормально суживающемся кверху основании образовалась причудливая, зазубренная и перекошенная вправо фигура, которая мало чем напоминает вершину пирамиды. Ее шпиль, соответсвующий численности самых старших возрастных групп (80 и более лет), тоже асимметричен и на некотрых уровнях превосходит по ширине более низкие этажи.

Однозначная оценка возрастной структуры населения СССР в 1980-85 гг. затруднительна. Ее осложняет явно преходящий характер соотношений между некоторыми возрастными группами. Велика в данном случае и роль методологического подхода, в частности, выбора той или иной классификационной схемы. Так, например, поскольку процесс демографического старения оценивается по доле группы лиц в пожилом и старческом возрасте в общей структуре населения, вычисляемый показатель зависит от того, какие (и сколько!) когорты входят в эту группу, а его интерпретация - от принятых классификации и шкалы. Но ведь как раз в 1980-85 гг. условные рубежи пожилого возраста переходят когорты, понесшие наибольшие потери под воздействием экстремальных факторов. Проводя границу между старшей группой трудоспособного возраста и нетрудоспособным населением – в соответствии с рекомендациями экспертов ООН – на уровне 65-го года жизни, к пожилому и старческому возрасту в 1980 г. следовало бы отнести родившихся в 1915 г. и ранее, а в 1985 г. – в 1920 г. и ранее. Если же эту границу – по предложению Э.Россета (1968), принятому отечественными специалиста-

ми – опустить до 60-го года жизни, группа пожилого и старческого возраста охватит еще пять с самого начала относительно малочисленных, а впоследствии обескровленных когорт.

Доля группы лиц в возрасте 65 лет и старше в общей структуре населения страны уменьшилась с 10,0% в 1980 г. до 9,5% в 1985 г., а в возрасте 60 лет и старше возросла с 13,0% до 13,3% (таблицы П.5 и П.6). Следовательно, предложенная Э.Россетом (1968) шкала заставляет констатировать, что Советский Союз, еще в 1960 г. вступивший в раннюю переходную фазу между демографической молодостью и старостью, ныне находится в поздней. Согласно же схеме С.Кленовича (1979), учитывающей рекомендации экспертов ООН, в 1980 г. страна перешагнула нижнюю границу фазы, которую автор назвал "собственно старостью", а в 1985 г. вернулась в позднюю переходную фазу между демографической молодостью и старостью. Оптимистическая оценка этого явления была бы, однако, необоснованной, т.к. оно обусловлено только тем, что с 1980 г. повышенный рубеж старости начали форсировать самые обескровленные когорты. В ближайшем будущем их сменят самые многочисленные – и страна начнет необратимо стареть.

В качестве обобщенной, хотя и малочувствительной меры процесса демографического старения иногда используется средний возраст изучаемого населения. В Советском Союзе его динамика настолько показательна, что оправдывает применение этого довольно грубого статистического метода, не дающего возможности вникнуть в тонкости возрастной структуры. Вплоть до 1960 г. средний возраст населения СССР не достигал 30 лет, в 1970 г. составил 31,3 года, а в 1980 и 1985 гг. достиг соответственно 32,9 и 33,3 года.

Советский Союз постепенно становится страной пенсионеров. Согласно ныне действующим правовым нормам, основная масса занятых в народном хозяйстве мужчин охватывается пенсионным обеспечением по достижении 60 лет, а женщин – пятью годами раньше. Их общее число в 1970-80 гг. ежегодно увеличивалось примерно на 1,0 млн., а в 1980-83 гг. – на 900 тыс. и ныне превысило 46,2 млн. Таким образом, к началу 1985 г. пенсионного возраста достиг каждый шестой гражданин Советского Союза, тогда как в 1970 г. – каждый седьмой, а в 1960 г. – каждый восьмой.

Характерной чертой демографической ситуации, сложившейся в СССР в 1980-85 гг., стало также некоторое снижение темпов прироста трудовых ресурсов. Правда, среднегодовые темпы прироста потенциальной рабочей силы (население в возрасте 20-59 лет) и ныне вдвое выше, чем в 1960-69 гг., когда в трудоспособный возраст вступали когорты родившихся в годы войны, но примерно в полтора раза меньше, чем в 1950-59 и 1970-79 гг. Причиной тому, несомненно, снижение рождаемости, наблюдавшееся в СССР в 60-е гг. Одновременно происходят неблагоприятные изменения возрастной структуры трудоспособного населения. Хотя процесс общего демографического старения не сопровождается пока отчетливо выраженным постарением трудовых ресурсов, их средний возраст постепенно увеличивается. В 1950 и 1960 гг. он не достигал 37 лет, а с 1970 г. постоянно превышает 38 лет, не проявляя тенденции к снижению.

Весьма существенным и все более тревожным явлением, бросающим густую тень на демографическую обстановку в СССР, стало неблагоприятное количественное соотношение между когортами, которые в первой половине 80-х гг. пополняли трудовые ресурсы, и теми, которые выходили за пределы трудоспособного возраста. На пенсию выходили мужчины 1920-24 и женщины 1925-29 гг, рождения, начинали же производственную деятельность родившиеся во второй половине 60-х гг. Несмотря на значительные потери, средняя численность первых в 1980-85 гг. составляла 14,6 млн., тогда как вторых едва превышала 20 млн. При столь незначительном превосходстве пополнения (часть которого к тому же поглощают вооруженные силы) над убылью об экстенсивном развитии экономики не может быть и речи, а интенсивное пока остается в сфере благих намерений и планов. Так демографический кризис смыкается с экономическим и становится его дополнительным двигателем. Вырвется ли страна из этого заколдованного круга?

Замедленный рост трудовых ресурсов отразился на динамике показателя демографической нагрузки, величина которого соответствует выраженному в промилле отношению численности нетрудоспособного населения к трудосособному (границы трудоспособного возраста специалистами ООН проводятся на уровне 15-го и 65-го года жизни). По сравнению с 1960 г. этот показатель уменьшился к 1980 г. на 12%, но к 1985 г. снова слегка воз-

рос и составляет теперь 529. При этом доля нагрузки населением в возрасте моложе трудоспособного (0-14 лет), составлявшая в 1960 г, 82%, а в 1970 г. – 79% общей нагрузки, заметно уменьшилась (до 71% в 1980 и 72% в 1985 г.), тогда как доля нагрузки населением старше трудоспособного существенно возросла.

Некоторое повышение рождаемости, наблюдавшееся на протяжении 70-х и в первой половине 80-х гг., привело к тому, что численность детей и подростков (0-14 лет) в 1980-85 гг. увеличилась на 4,5 млн. (6,9%), тогда как младшей подгруппы трудоспособного населения (15-39 лет) – на 5,7 млн. (5,7%) и старшей – на 1,8 млн. (2,5%). Есть, однако, основания считать такое соотношение темпов прироста разных групп населения преходящим явлением. Это представляется очевидным в свете классификационной схемы, распространенной среди отечественных специалистов. Результаты расчетов показывают, что в 1980-85 гг. прирост численности населения в возрасте старше трудоспособного был весьма заметным (на 2,1 млн., или 6,2%), а младшей подгруппы трудоспособного населения – более чем существенным (на 9,8 млн., или 12,9%), тогда как старшая подгруппа трудоспособного населения несколько сократилась (на 0,5 млн., или 0,8%), а численность детей, подростков и юношества (0-19 лет) осталась практически неизменной (возросла всего на 0,3 млн., или 0,3%).

Все приведенные выше показатели и комментарии к ним относились к населению Советского Союза, рассматриваемому как единое целое. При использовании таких усредненных показателей теряется из виду его регмальная дифференциация по возрастно-половому составу. Она особенно отчетливо выявляется при сопоставлении структурных показателей, характеризующих возрастно-половой состав населения Прибалтийских и Среднеазиатских республик. Если в первых в 1980 г. показатель феминизации всего населения составлял 1147, на долю населения в возрасте моложе 20 лет приходилось 30,0%, в возрасте 60 лет и старше – 15,4%, то по Среднеазиатским республикам отмечены существенно отличавшиеся показатели: соответственно 1036, 52,7% и 7,1%. Славянские республики, где в 1980 г. проживали почти три четверти населения СССР, по его структуре почти не отличались от Прибалтийских (их характеризовала несколько большая феминизация и меньшие доли как старшей, так и младшей групп населения).

Особенно показателен факт, что на протяжении длительного, охватывающего четверть века периода между первой послевоенной переписью и 1985 г., население ряда союзных республик не только не постарело, но, напротив, помолодело. Хотя численность старших возрастных групп в Средней Азии, Закавказье (кроме Грузии) и Казахстане уже к 1980 г. возросла по сравнению с 1959 г. более чем в полтора раза, их доля с 8,8% сократилась до 7,9%. На каждую тысячу детей, подростков и юношества в этих республиках в 1959 г. приходилось лишь 200, а в 1980 г. – менее 170 чел. в пожилом и старческом возрасте (в славянских республиках соответственно 261 и 483). Весьма похожи и различия по индексу А.Сови. В "состарившихся" союзных республиках его величина за рассматриваемый период возросла чуть ли не вдвое и к 1980 г. достигла 48,1, тогда как в "помолодевших", напротив, несколько сократилась (до 16,7). Индекс А.Сови в приложении к структуре населения Средней Азии теперь чуть ли не втрое меньше соответсвующего показателя в славянских республиках.

Далеко не уверен, что броское, сенсационное заглавие книги Э.Карре д'Анкос (1982) вполне адекватно содержанию. Однако оно как нельзя более подходит ко всему, что относится к различиям в возрастно-половой структуре населения славянских и Прибалтийских республик, с одной стороны, Средней Азии, Закавказья и Казахстана – с другой. Раскол советской империи, характер образующихся в ней трещин, их демографическая обусловленность и сегодняшняя роль с исключительной силой проявляются именно в возрастной структуре населения. В то же время последняя в сочетании с этническими особенностями демографического поведения отражается на режиме воспроизводства населения. Регионально дифференцированная возрастно-половая структура населения, таким образом, становится не только критерием оценки актуальной демографической обстановки, но и имеет огромное прогностическое значение.

4. Национальный состав

Хотя общая численность населения СССР на 17.1.1979 г., по уточненным итогам переписи, составила 262.436 тыс., сведения о национальном его составе охватывают 262.084 тыс. чел. Расхождение столь невелико (352 тыс., или 0,13%), что можно им пре-

небречь. Законны все же попытки вскрыть его причины. Эти попытки, скажу прямо, ни к чему не привели (Д.Вересов, 1985). Остается принять к сведению явно запоздавшее разъяснение ЦСУ СССР ("Численность...", 1984), согласно которому по национальностям распределялось только постоянное население. Непонятно все же, почему на сей раз советские статистики изменили своим же правилам и – вопреки опыту предыдущих переписей – не исходили из несколько большей общей численности наличного населения. С.И.Брук (1981), который первым указал на сам факт, по каким-то соображениям не стал его комментировать. Остается лишь надеяться, что когда-нибудь независимые исследователи раскроют этот не столь существенный, но любопытный секрет советских статистических органов.

Можно, разумеется, отнести упомянутые 352 тыс. чел. к "другим национальностям" или распределить по перечисляемым в сообщениях ЦСУ пропорционально их долям в структуре наличного населения. Я отказался от применения этих обычных методов логической корректировки полученной информации, т.к. опасался серьезных ошибок, вызванных отсутствием каких бы то ни было сведений об этнической структуре мигрантов. По этим соображениям во всем последующем изложении сдвиги в национальном составе населения СССР мне пришлось анализировать, сопоставляя итоги переписей 1959 и 1979 гг., хотя в первом случае они относятся к наличному, а во втором – к постоянному населению.

Подцензурные авторы неустанно подчеркивают, что "Советский Союз – одна из самых многонациональных стран мира. Его население состоит более чем из ста братских равноправных народов" (В.И.Переведенцев, 1982[б], с. 87). Братство и равноправие – особая статья, к демографии, казалось бы, отношения не имеющая. Мне придется все же вернуться к этому вопросу, а пока отмечу, что если в итогах переписи 1959 г. (ЦСУ СССР, "Итоги ...", 1962) приводились сведения о 109 национальностях (в т.ч. о таинственных югославах), то через 20 лет (ЦСУ СССР, "Численность...", 1984) упоминались только 100. Из перечня исчезли преимущественно иностранцы (китайцы, албанцы, испанцы и др.). По последним данным, только 22 национальности насчитывали более 1 млн. чел. каждая, 29 – от 100 тыс. до 1 млн. чел., 25 – от 10 тыс. до 100 тыс. 16 народов Севера, Сибири и Дальне-

го Востока не насчитывали и по 10 тыс. чел. Численностью того же порядка, видимо, характеризовалось и большинство народов, отнесенных к "прочим".

Данные, содержащиеся в таблице П.7, не только свидетельствуют о существенной дифференциации темпов количественного роста народов СССР, но и позволяют сразу же выявить характернейшую особенность этого явления. Не стану пока касаться шести случаев сокращения численности и пяти – ее практической стабилизации, т.к. некоторые, наиболее типичные, детально рассмотрю ниже. Численность всех остальных этнических совокупностей увеличилась. Минимальные показатели прироста (менее 25% за 20 лет от первой послевоенной переписи населения до переписи 1979 г.) были характерны для славянских и прибалтийских народов, нескольких коренных национальностей автономий Российской Федерации (чувашей, удмуртов, марийцев и коми), а также для большинства национальностей, лишь незначительные совокупности которых проживают в СССР, основная же масса – в соответствующих зарубежных странах (немцев, болгар, греков, венгров, румын и корейцев). К этой же группе относились народности Севера, Сибири и Дальнего Востока – шорцы, ассирийцы и хакасы. Общая численность населения СССР, принадлежащего к указанным двадцати национальностям, в период 1959-78 гг. возросла со 170,0 млн. до 201,7 млн. (на 18,6%), в т.ч. славянских народов – со 161,0 млн. до 190,7 млн. (на 18,4%), прибалтийских – с 4,7 млн. до 5,3 млн. (на 12,6%) и коренных национальностей автономий РСФСР – с 3,0 млн. до 3,6 млн. (на 17,6%).

Вчетверо-впятеро высшими показателями прироста характеризовалась обширная группа, к которой относятся шесть коренных народов союзных республик (узбеки, таджики, туркмены, казахи, азербайджанцы и киргизы), семь – автономных (дагестанцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы, каракалпаки, тувинцы), а также уйгуры, дунгане, турки, курды, таты, цыгане, карачаевцы и черкесы. Общая численность населения СССР, входящего в группу народностей, для которых характерно доминирующее влияние ислама (исключение в ней составляют только тувинцы и цыгане), с 18,4 млн. в 1959 г. возросла до 35,7 млн. в 1979 г. (на 93,6%). Нелишне добавить, что в этой группе во вто-

рой половине рассматриваемого периода (1970-78 гг.) темпы количественного роста по сравнению с первой (1959-69 гг.) заметно уменьшились (общий прирост сократился с 49,7% до 29,4%, а среднегодовые его показатели – с 3,7% до 2,9%). Этот процесс протекал, однако, с существенно меньшей скоростью, чем в предыдущей группе с ее и без того относительно низкими темпами количественного роста (среднегодовые показатели прироста составили в ней соответственно 1,0% и 0,6%).

Ускоренный количественный рост одних национальностей по сравнению с другими обусловил заметные изменения этнической структуры населения Советского Союза. Анализируя их, прежде всего следует отметить уменьшение доли славянских народов (с 78,6% в 1959 г. до 72,8% в 1979 г. (в т.ч. русских) с 54,6% до 52,4%). В то же время существенно увеличилась доля национальностей, по этническим признакам относимых к тюркской группе, которая по своему составу почти совпадает с группой магометанских народов (из тюркоязычных народов не исповедуют ислама только чуваши, якуты и гагаузы, но, с другой стороны, магометанами можно считать таджиков, черкесов, кабардинцев, чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев, татов и курдов, входящих в иные языковые группы).

Поскольку сведения о национальном составе населения оглашаются в СССР только при публикации итогов переписей, трудно определить, какие сдвиги произошли в 1979-84 гг. Предположив, что на протяжении этого пятилетнего периода сохранились такие же темпы в направлении изменений численности отдельных национальностей, какие наблюдались в 1970-78 гг., можно, однако, дать их ориентировочную оценку. Общая численность трех крупнейших славянских народов к 1985 г., по-видимому, достигла 196,0 млн., десяти перечисленных в таблице магометанских – 48,0 млн., прибалтийских – 5,5 млн., армян – 4,6 млн., грузин – 3,8 млн. и трех поволжских коренных народов автономий РСФСР – 3,6 млн. В то же время, вероятно, продолжала сокращаться численность евреев и поляков (к 1985 г. эти национальности насчитывали в СССР соответственно 1,6 млн. и 1,1 млн.). Есть основания полагать, что сдвиги в этнической структуре населения страны, совершавшиеся в 1979-84 гг., не внушали оптимизма в Кремле: доля славянских народов сократилась с 72,2% до 71,0% (в т.ч. русских – с 52,4% до 51,1%, а магометанских, напротив, возросла с 15,8% до 17,4%.

В составе весьма разнородной тюркской ("магометанской") группы целесообразно выделить четыре подгруппы: среднеазиатских, урало-поволжских, кавказских и прочих магометанских народов. Наиболее веским основанием для такого подразделения служит дифференцированность темпов количественного роста, в которой обобщенно отражаются различия в показателях естественного движения, а также в интенсивности социально-этнических процессов (консолидации, ассимиляции).

В 1958-79 гг. наибольший относительный прирост (98,4%) отмечался в указанной группе у среднеазиатских народов, численность которых увеличилась с 13,3 млн. до 26,4 млн., а наименьший — у урало-поволжских (с 6,0 млн. до 7,7 млн.). Кавказские магометанские народы, численность которых возросла с 5,2 млн. до 9,2 млн., т.е. на 76,9% по темпам количественного роста приближались к среднеазиатским, однако отличались от них большим сокращением прироста во второй половине рассматриваемого периода по сравнению с первой.

Следует подчеркнуть, что численность татар и башкир, еще в 1959-69 гг. возраставшая интенсивнее, чем население СССР в целом (соответственно на 20,4% и 15,8%), в 1970-78 гг. увеличилась только на 7,2%, тогда как прирост населения во всесоюзном масштабе составил 8,4%. Эти данные явственно показывают, что многовековая принадлежность к определенному типу культуры не препятствует модификации норм демографического поведения и выработке иных демографических установок.

Есть однако, и другие имеющие немалое значение демографические черты, которые урало-поволжскую подгруппу магометанских народов отличают от среднеазиатской. К ним в первую очередь относится степень административной компактности, определяемая выраженными в процентах долями лиц данной национальности, проживающих на территории соответсвующей ("своей") административно-территориальной единицы и за ее пределами. Вторую величину по аналогии можно назвать коэффициентом рассеяния или диаспоризации. Степень диаспоризации среднеазиатских народов и казахов все еще ничтожна. Из общего числа 25,8 млн. узбеков, казахов, туркмен, таджиков и киргизов, зарегистрированных во время переписи 1979 г., 25,2 млн., т.е. 97,7% проживали в Средней Азии и Казахстане, причем 21,7 млн.

(84,1%) на территориях "своих" и 3,5 млн. (13,6%) – соседних Среднеазиатских союзных республик, тогда как за пределами "своих" автономных республик, по тем же данным проживали 4,7 млн. (74,0%) татар и 0,4 млн. (31,7%) башкир, т.е. две трети общей численности урало-поволжской подгруппы.

Несомненно, столь значительная доля проживающих в диаспоре татар объясняется не только миграционной мобильностью, но и тем, что советские статистики не признают этнической самостоятельности насильственно переселенных крымских татар и механически объединяют их с казанскими и сибирскими. Все же, даже с учетом этой грубой передержки, нельзя не признать, что по степени рассеяния татары резко отличаются теперь не только от остальных народов своей подгруппы, но и от подавляющего большинства коренных народов национальных автономий (республик, областей, округов). Столь высокие доли проживающих вне территории "своей" национально-административной единицы отмечаются только среди мордвы (даже марийцы, чуваши, карелы, а также народности Севера, Сибири и Дальнего Востока обладают несколько большей административной компактностью.

В оценке распределения национальностей по территории Советского Союза важным инструментом служит система относительных показателей, величины которых и изменения во времени свидетельствуют как о характере распределения, так и о происходящих в нем сдвигах. Наряду с уже примененными коэффициентами административной компактности, концентрации и диаспоризации, я предлагаю отнести к числу таких показателей коэффициент территориальной русификации, соответствующий выраженной в процентах доле русских в составе коренного населения данной национально-административной единицы (при изучении процесса этнической ассимиляции целесообразно и применение коэффициента языковой ассимиляции; см. ниже).

У коренных национальностей союзных республик величины коэффициента диаспоризации в 1959-78 гг. преимущественно колебались в пределах 10-25%, однако у грузин, литовцев, латышей, эстонцев и туркмен были заметно меньше, а у армян – существенно больше. На протяжении рассматриваемого периода коэффициенты диаспоризации русских и белорусов систематически возрастали, а среднеазиатских и прибалтийских народов, равно как азербайджанцев, – уменьшались. Почти не изменились

величины коэффициента диаспоризации украинцев, грузин и молдаван (у казахов относительная стабилизация наметилась в 70-е гг.). Следует полагать, что направление сдвигов этого показателя зависит не только от миграционной мобильности, но и от уровня естественного прироста (в некоторых случаях в диаспоре отмечается его снижение, в других – повышение; В.И.Козлов, 1969,1975).

Оценивая степень диаспоризации русских, нельзя забывать, что общая величина этого показателя существенно занижена, поскольку при таком ее определении не выделяются совокупности проживающих, правда, в пределах РСФСР, но не в коренных русских областях, а на территории автономных республик, областей, округов. Административно-политическая роль этих совокупностей очевидна: именно они оказываются прямыми или косвенными, сознательными или объективными, активными или пассивными проводниками русификаторской политики. Поэтому столь существенен факт, что с их учетом величина показателя диаспоризации русских, рассчитанного на основе итогов переписи 1979г., возрастает до 25,1% и превышает величины, отмеченные среди всех коренных национальностей союзных республик (кроме армян). Некоторое сокращение этого показателя по сравнению с годами предыдущих переписей несомненно вызвано различиями в уровнях естественного прироста (в подавляющем большинстве случаев у русских он ниже, чем у коренных национальностей).

При рассмотрении результатов расчетов показателя концентрации бросается в глаза целый ряд по меньшей мере странных случаев. Из них следует, что далеко не все коренные народы союзных и автономных республик составляют в "своих" национально-территориальных образованиях не только абсолютное, но даже простое большинство. К таким народам относятся казахи и киргизы, а также абхазы, башкиры, калмыки, каракалпаки, карелы, коми, марийцы, мордва, татары, удмурты и якуты. Наиболее поразительно, что в нацменьшинства в соответсвующих союзных и автономных республиках превратились столь многочисленные народы, как казахи, татары, киргизы, башкиры, мордва (к каждому из названных отнесло себя во время последней переписи более миллиона граждан СССР).

Проще всего выявить причины этого анормального явления

на примере казахов, которые стали в "своей" республике нацменьшинством в результате проводившейся долгие годы весьма своеобразной политики. Достаточно напомнить, что северные (и не только северные) области Казахстана с конца 20-х гг. принудительно заселялись "раскулаченными", а вслед за ними именно сюда направлялись потоки сосланных корейцев, поляков, немцев (да разве всех перечесть!). 50-е гг. ознаменовались прибытием в Казахстане сотен тысяч "целинников".

В результате численность пришлого населения еще между переписями 1926 и 1939 гг, возросла с 2,8 млн. до 3,8 млн., или на 36%, тогда как численность казахов сократилась с 3,7 млн. до 2,3 млн., или на 38% (с ними советская власть расправилась на месте с помощью искуственно вызванного голода). К переписи 1959 г. Казахстан подошел как многонациональная республика, в которой доля коренного народа (30,0%) уступала доле русских (42,7%) и лишь незначительно превосходила долю всех остальных (27,3%). Подобные соотношения сохранились и к датам переписей 1970-1979 гг. Правда, доля русских за межпереписной период уменьшилась до 40,8%, но отнюдь не за счет сокращения их численности, а под воздействием иных факторов, доля же остальных народов снизилась до 23,2%, хотя их численность тоже несколько возросла.

Иначе следует оценить динамику этнического состава населения Киргизии, где доля коренного населения до 1959 г. тоже уменьшалась, а затем несколько увеличилась. Сюда не ссылали, однако, раскулаченных, а в составе некоренного населения всегда довольно значительной была доля среднеазиатских народов (узбеков, казахов, таджиков, уйгуров, дунган), численность же русских хотя и возрастала, но не столь стремительными темпами, как в Казахстане (их доля достигла наивысшего уровня в 1959 г.). Систематически увеличивалась к тому же численность коренного населения (темпы его количественного роста после 1959 г. заметно повысились по сравнению не только с 1939-58, но и 1927-38 гг.). Есть основания полагать, что дополнительной причиной превращения киргизов у себя на родине в нацменьшинство были – наряду с переселением туда значительного числа русских – ошибки, допущенные по ходу т.н. размежевания Среднеазиатских республик.

По-видимому, например, значительная часть Ошской области, граничащей с Ферганской, с не меньшими, а то и с большими основаниями могла быть включена в Узбекскую ССР (доля узбеков в составе ее населения приближается к 26%).

Пристальное внимание зарубежных авторов привлекают в последнее время все более отчетливые признаки русификации Прибалтийских республик. Ее движущей силой стала недвусмысленная экономическая политика, влияющая на интенсивность и направление миграционных потоков. Особенно ярко выражен этот процесс в Латвии, где усиливающийся приток русских сочетается с уменьшающейся от переписи к переписи концентрацией коренной национальности.

Коэффициенты концентрации коренных народов автономных республик, рассматриваемые в сопоставлении с коэффициентами русификации, все убедительнее свидетельствуют о том, что конституционные принципы национально-государственного устройства СССР находятся в вопиющем противоречии с великодержавной политикой и представляют собой очередную фикцию. Русские, составлявшие в 1959 г. большинство населения в пяти автономных республиках, спустя 20 лет обладали им в шести (Бурятской, Карельской, Коми, Мордовской, Удмуртской и Якутской), а их доля в составе населения еще четырех (Башкирской, Калмыцкой, Марийской и Татарской) превысила 40%. В то же время только в шести автономных республиках (Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Тувинской, Чечено-Ингушской и Чувашской) большинство составляют коренные народы, однако в значительной части они рассеяны по соседним областям Российской Федерации (особенно поволжским и уральским). Что же касается Карельской, Абхазской и Башкирской АССР, в которых доля коренных народов не достигает 20% общей численности населения, то перспективы их дальнейшего существования в форме автономий все более сомнительны.

Мощнейшим фактором изменения этнической структуры ряда национальных республик является урбанизация. К сожалению, в опубликованных итогах последней переписи национальный состав населения административно-территориальных единиц приводится без разбивки на город и село. Разумеется,

этот факт заставляет предположить, что пропущенные в официальной публикации цифры складываются в картину, которую ЦСУ по тем или иным причинам экспонировать не собиралось. В печать просочились, однако, любопытные сведения о национальном составе Узбекской и Казахской ССР по областям. И хотя столичные города в этом сообщении не выделялись, несложные подсчеты позволили мне установить, что в Ташкенте и в Алма-Ате коренные народы составляли только (соответственно) 40,3% и 16,3%, тогда как русские – 33,8% и 65,3% жителей.

Надо все же отметить, что некоторым коренным народам союзных и автономных республик удалось вступить на путь восстановления своих, как совсем недавно могло показаться, навсегда потерянных позиций. В 1959-78 гг. увеличились коэффициенты концентрации узбеков, казахов, грузин, азербайджанцев, киргизов и турмен, а также – хотя в значительной меньшей степени – литовцев и армян. То же явление отмечалось у башкир, бурят, дагестанцев, калмыков, осетин и тувинцев. Еще более показательно, что эти изменения кое-где сопровождались уменьшением коэффициентов территориальной русификации. Существенно сократилась – несмотря на рост численности – доля русских, проживающих на территории Узбекской, Азербайджанской, Киргизской, Таджикской, Туркменской ССР, Калмыкской АССР. Этому способствовало расширенное воспроизводство коренного населения названных республик. В Грузии и Дагестане, а также Чечено-Ингушской и Абхазской АССР доля русских уменьшилась главным образом вследствие сокращения их абсолюной численности.

Если бы национальная политика в рассматриваемый период проводилась только посредством тех мер, результаты которых находят свое конечное выражение в росте коэффициента территориальной русификации, то ее плоды следовало бы оценить как весьма проблематичные. В том же направлении действует, однако, еще одно все энергичнее применяемое средство, которому подцензурные специалисты по национальному вопросу (М.И.Куличенко и соав., 1977) и этнической демографии (Ю.Бромлей, 1983; В.И.Козлов, 1975, 1977) придают исключительно важное значение. Я имею в виду русификацию языковую, выражающуюся в том, что, во-первых, в составе

некоторых коренных народов национальных автономий растут доли лиц, считающих русский своим родным языком, и, во-вторых увеличивается число лиц, считающих родным язык своего народа, но якобы уже свободно владеющих русским.

Разумеется, я далек от отрицания роли русского языка как средства межнационального общения более ста народов, населяющих Советский Союз. Вместе с тем глубоко ошибочной мне представляется его недооценка как средства т.н. естественной ассимиляции, которые подцензурные авторы с понятной в их положении настойчивостью противопоставляют принудительной. По В.И.Козлову (1975), "естественная ассимиляция возникает при непосредственном общении народных масс и обусловлена всем ходом социально-экономического развития той или иной страны. Насильственная ассимиляция, характерная для стран с национальным неравноправием (в т.ч. для царской России), связана с рядом мероприятий – ассимиляторской политикой правительства и местных властей в области школьной политики и других сферах жизни, – при помощи которых стремятся искоренить язык и культуру национальных меньшинств, ускорить изменение их этнического самосознания" (с. 197).

О полной естественности процесса ассимиляции применительно к советским условиям говорить довольно трудно. Двуязычие, а затем – измена родному языку предопределяются в них не только престижностью и рентабельностью русского языка (Р.Бретон, 1983). Они предопределяются также политикой в области высшего образования, а в еще большей степени – ролью, которую в сложной, но эффективно действующей системе языковой русификации играет армия, где явно принудительными орудиями выковывается пресловутая языковая общность. Нарастает и своеобразное психологическое давление, когда незнание русского языка рассматривается как признак некоей ущербности. Конечно, некоторые публикуемые итоги переписей внушают сомнения. Трудно, например, поверить, что всего за 9 лет доли свободно владеющих русским узбеков и каракалпаков могла возрасти более чем втрое, таджиков и азербайджанцев – почти вдвое, киргизов – примерно в полтора раза. Но если эти показатели преувеличены, то с тем большим основанием можно судить, что незнание языка "старшего брата" стало в Советском Союзе считаться серьезным недостатком, мешающим продвижению по социальной лестнице.

Вместе с тем есть немало примеров, показывающих, что и этот процесс протекает отнюдь не гладко. Ю.В.Бромлей (1983), весьма положительно оценивающий факт, что "более 60% нерусского населения страны свободно владеет русским языком", тут же с явным сожалением добавляет: "но это одновременно значит, что примерно 40% такого населения еще не владеет им свободно" (с. 63). Далее он меланхолически констатирует, что в ряде республик "наблюдается отставание числа лиц, обучающихся на русском языке, от общего числа учащихся", и что "молодежь хуже знает русский язык, чем люди среднего возраста" (там же). Разумеется, автор не отважился высказать предположение, что оба названных явления – не что иное, как форма национальной самозащиты, вторичного роста этнического самосознания малых народов. В этом я усматриваю единственное объяснение, к примеру, того, что доля эстонцев, свободно владеющих русским языком, в 1979 г. по сравнению с 1970 г. не увеличилась, как у подавляющего большинства коренных народов национально-административных единиц, а уменьшилась. Этим же можно объяснить, почему в последние годы заметно сократилось число знающих русский язык молодых грузин, армян, татар.

Среди карелов, немцев, поляков и евреев доля и численность лиц, все еще относящих себя к названным национальностям, но уже считающих родным не свой, а русский, увеличивается. В свете приведенных данных вполне логичным представляется высказанное выше предположение, что двуязычие следует рассматривать как первый этап языковой ассимиляции. Вторым ее этапом становится отказ от родного языка, что сопряжено с новой национальной идентификацией, сначала фактической, а впоследствии (нередко лишь во втором поколении) и формальной. Хотя по ходу всех послевоенных переписей зарегистрировано немало случаев, свидетельствующих о распространенности в качестве вторых и новых родных не только русского, но и других языков межнационального общения, русский среди них, бесспорно, главенствует. Общий удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком, возрос в 1970-78 гг. с 76% до 82%, тогда как другими языками – с 2,5% до 4,7%.

Огромную роль в ассимиляции (в частности, языковой) несомненно играют смешанные браки. К сожалению, в опубликованных итогах переписи 1979 г. – в отличие от предыдущих –

они не нашли никакого отражения. Можно все же полагать, что доля смешанных браков у коренного населения Среднеазиатских, Закавказских и Прибалтийских республик все еще существенно меньше, чем в славянских, Казахстане и Молдавии.

По-видимому, именно ассимиляцией следует объяснить сокращение численности мордвы, карелов и финнов, а также поляков. Ей успешно противостоят не прекращающие борьбы за право на выезд немцы. Не расстаются с мечтой об эмиграции и евреи, хотя в свое время среди них исключительно сильны были ассимиляционные тенденции. Изучение демографических судеб поляков, немцев и евреев позволяет наилучшим образом вскрыть великодержавную сущность проводимой в СССР национальной политики. Несмотря на разнообразие форм – от принудительной языковой ассимиляции до геноцида – как раз она была одной из неизменных черт советской системы и способствовала выработке представления об СССР как о последней в мире колониальной империи.

Рассеянные по всей стране, особенно густо населявшие Украину и Белоруссию, поляки еще до второй мировой войны рассматривались в СССР как потенциальные враги. Вслед за массовыми арестами польских коммунистов жесточайшие удары обрушились на преимущественно польские районы у западных границ СССР. Их население в значительной своей части было переселено в Казахстан, куда вскоре хлынул и поток депортированных из захваченных в 1939 г. Западной Ураины и Западной Белоруссии. В результате эвакуации польской армии на Ближний Восток и нескольких волн послевоенной репатриации численность поляков к переписи 1959 г. существенно сократилась по сравнению с оценочными данными на конец 1939 г., но все еще была на 119% больше, чем к 17. 1. 1939 г. и на 76% – чем к 6. XII. 1926 г. Среди более чем сотни советских народов они занимали 17-е место, опередив ранее превосходящих их по численности туркмен, мордву, башкир и киргизов, но уступая новым советским подданным: литовцам, молдаванам и латышам. Заметно возросла также доля поляков в составе населения СССР (с 0,4% до 0,7%).

Последующая их судьба все еще по-настоящему не изучена. Вопреки тому, что можно было ожидать, в последние 20 лет, т.е. в период более или менее нормального, свободного от катастрофических факторов как демографического, так и социально-эко-

номического развития, польское население Советского Союза вступило в стадию очевидного регресса. Уже к переписи 1970 г., по численности своей снова уступая туркменам, киргизам, башкирам и мордве, оно скатилось на 21-е место, а его доля в составе населения страны снизилась до 0,5% (до уровня 1926 г.). Перепись 1979 г. показала, что численность поляков еще более сократилась и, составляя только 0,4% населения СССР, среди его народов они занимают 22-е место (за последний межпереписной период их опередили и народности Дагестана).

Если бы темпы количественного роста поляков в 1959-78 гг. были такими же, как остальных славянских народов (19,4% в среднем в год), их численность достигла бы к 1979 г. 1.639 тыс. Поскольку в действительности она сократилась до 1.151 тыс., следует заключить, что этнодемографические потери выразились внушительной величиной 488 тыс., или 35,4%. Сокращение численности без учета возможного естественного прироста составило бы 229 тыс., или 16,6%.

В мирное время, в стране, давно похоронившей безумного диктатора, сотни тысяч людей не исчезают с демографической поверхности бесследно. Удалось бы, вероятно, обнаружить и следы исчезнувших поляков. Для этого достаточно эмпирически вскрыть социологические механизмы т.н. естественной ассимиляции, установить ее превалирующие направления и описать формы, которые она преимущественно приобретает. В любой многонациональной стране такая тема увлекла бы исследователей. Думаю, что влечет она и многих моих соотечественников. Опасаюсь, однако, что при советском строе никому из них не суждено не то что опубликовать результаты своих изысканий, но даже добиться разрешения приступить к такого рода работе.

Исключительный интерес представляли бы, в частности, поиски ответа на вопрос, напрашивающийся при сопоставлении судеб поляков и немцев. Наряду с крымскими татарами, последние оказались одним из двух "наказанных народов", чья национально-административная автономия не была восстановлена и после XX съезда КПСС и которым пришлось остаться в районах, предназначенных для спецпереселенцев. Численность немцев в рассматриваемый здесь период, увеличившись на 19,5%, вплотную приблизилась к 2 млн., и к его концу они занимали среди народов СССР так же, как в 1970 г., 14-е место (в 1959 г. – 13-е). По средним темпам количественного роста немцы почти не отлича-

лись от славянских народов, из чего, по-видимому, следует, что в последнее время они не подвержены ассимиляции. Нет ведь никаких оснований полагать, что рождаемость и смертность у немцев сколько-нибудь существенно отклоняются от уровней, отмеченных у славянских народов.

Этим немцы коренным образом отличаются от двух других народов, которым я здесь уделяю особое внимание, – от поляков и евреев. Правда, доля немцев, считающих свой язык родным, в 1959-78 гг. заметно сократилась, но все же и ныне вдвое превосходит соответствующий показатель у поляков и вчетверо – у евреев. Сильное национальное самосознание немцев и их устойчивость по отношению к ассимиляционным факторам тем более поразительны, что, на протяжении двухсот с лишним лет проживая в отрыве от родины, они почти полвека живут и в состоянии значительной дисперсности. К сожалению, неполные итоги последней переписи не дают возможности установить, где в настоящее время находится некоторая часть сосланных немцев. Примерно половина немцев (900 тыс.) разбросана по различным областям Казахстана и почти 800 тыс. – на востоке Российской Федерации, около 100 тыс. – в Киргизской ССР. Административные меры не только не способствовали ассимиляции немцев, но, по всей вероятности, стабилизировали и даже усилили их этническое самосознание. Во многих, хотя их предки успели врасти корнями в землю новой родины, с тех самых пор, как начались гонения, проснулась тяга к старой, что нашло свое выражение в заметном расширении борьбы за право на эмиграцию (Г.Раф, 1974). Поскольку советские лидеры, подобно городовому из рассказа Глеба Успенского "Будка", предпочитают "не пущать", можно с уверенностью предположить, что дальнейшая судьба проживающих в СССР немцев целиком и полностью зависит от того, как будут складываться советско-западногерманские отношения.

Видимо, от того, как будут складываться отношения между Советским Союзом и западными странами, прежде всего – с США, зависит и судьба евреев. Напомню, что итоги послевоенных переписей свидетельствуют о неуклонном сокращении численности евреев, которые среди народов СССР в 1939 г., до аннексии восточных районов Польши, Прибалтийских республик и Бессарабии, занимали 7-е место, в 1959 г. – в результате чудовищных

военных потерь – оказались на 10-м, а к 1979 г. скатились на 16-е. В 1959-78 гг. их численность уменьшилась на 457 тыс. (20,1%), причем этот процесс достиг особой интенсивности в последний межпереписной период, когда за 9 лет число евреев стало меньше на 340 тыс. (15,8%).

Несомненно, определенную роль сыграла эмиграция, в результате которой "к апрелю 1980 г. не менее четверти миллиона евреев покинули Советский Союз – одна восьмая официально зарегистрированного еврейского населения" (М.Скэммел, 1981, с. 196). Однако одной эмиграцией этого явления не объяснить. Определенную роль играют также глубокие изменения режима воспроизводства, обусловленные объективными и субъективными факторами. Сокращение рождаемости, которое сопровождается повышением смертности, стимулируется неблагоприятной возрастной структурой евреев. Доля лиц в возрасте 0-19 лет среди них в два с лишним раза меньше, а в возрасте 60 лет и старше – в два с лишним раза больше, чем по СССР в целом (У.О.Шмельц, 1974). Тем не менее вполне обоснованно предположение, что в таких объективных условиях среднегодовой естественный прирост этой этнической группы мог бы составить 5-7‰. А раз так, численность евреев в СССР к 1979 г. могла бы достигнуть 2,5-2,6 млн., т.е. на 700-800 тыс. превзойти действительную. Этот весьма ориентировочный расчет подсказывает, что не менее двух третей этнодемографических потерь еврейского народа вызваны ассимиляцией и только одна треть – эмиграцией.

Об интенсивности ассимиляции свидетельствует факт, что лишь одна седьмая проживающих в СССР евреев считает своим родным языком идиш, а свыше четырех пятых – русский. Как справедливо отмечено в одном из самиздатских документов, даже вымирающие алеуты превосходят в этом отношении евреев. По величине показателя языковой ассимиляции евреи не имеют себе равных. Данные последних переписей показывают, что этот процесс протекает стремительными темпами: в 1979 г. идиш назвали своим родным языком только 257 тыс. евреев – почти вдвое меньше, чем в 1970 г.

Теперь, когда благодаря активным борцам за право евреев на эмиграцию широко известны общие установки центральных и местных органов власти по этому вопросу, писать о них в контексте демографической проблематики нет ни малейшей необ-

ходимости. Стоит, может быть, только сказать, что дискриминацию испытывают на себе абсолютно все живущие в СССР евреи, включая членов Антисионистского комитета. Первой пробой обычно оказывается анкета. Тем моим читателям, которые не знают или успели забыть, какие чувства охватывают, когда приходится, – проставив в ней свою фамилию, имя, отчество, пол, дату и место рождения, – указать национальность (пресловутый "пятый пункт"), настоятельно рекомендую перечитать страницы романа В.Гроссмана (1980), где описывается, что испытал в такой момент один из его героев – крупный физик Штрум.

"Вот пятый пункт. Такой простой, незначащий в довоенное время, и какой-то чуть-чуть особенный сейчас. Штрум, нажимая на перо, решительными буквами написал "еврей". Он не знал, что будет вскоре значить для сотен тысяч людей ответить на пятый вопрос анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский татарин, еврей. Он не знал, что год от года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безысходность, кровь будут перебираться, перекочевывать в него из соседнего шестого пункта "социальное происхождение", что через несколько лет многие люди станут заполнять пятый пункт анкеты с чувством рока, с которым в прошлые десятилетия отвечали на соседний шестой вопрос дети казачьих офицеров, дворян и фабрикантов, сыновья священников. Но он уже ощущал и предчувствовал сгущение силовых линий вокруг пятого пункта анкеты" (с.399).

То, что Штрум в первые годы войны только предчувствовал, вскоре после ее победоносного завершения превратилось в повседневную советскую реальность. По старому анекдоту, в середине 50-х гг. кончилась эпидемия, но карантин, введенный, когда она свирепствовала, остался. За четыре десятка лет состарилась дочь Штрума Надя, и ее внукам тоже вот-вот придется заполнять свои первые анкеты. И хотя сама Надя – только полуеврейка, а ее дети, возможно, некто вроде квартеронов, тень пятого пункта падет и на штрумовского правнука. От бдительного ока кадровика не ускользнет никто, в чьих жилах течет (и из чьих жил иногда хлещет) хоть шестнадцатая доля еврейской крови. И этим – независимо от каких бы то ни было дополнительных причин – определяется моя уверенность, что "естественная" ассимиляция не решает и не решит еврейского вопроса в СССР.

Сотни тысяч евреев еще в годы гражданской войны ринулись из опостылевшей царской черты оседлости в центральные районы России. Резко сократилась их численность в украинских и белорусских местечках, зато возросла в крупнейших городах (М.Агурский, 1980). Это – в массе своей – была энергичнейшая молодежь, в революции увидевшая жизненные шансы, собственное будущее и составившая немалый отряд ее штурмовых колонн. Отрекаясь от старого мира, она отряхивала со своих ног прах местечкового, т.е. еврейского прошлого. Для очень многих этническая, в частности, языковая ассимиляция была вопросом не анкетного, а политического характера, определенной и совершенно искренней жизненной установкой.

Но ассимиляция – процесс двусторонний. На личном опыте люди неоднократно убеждались, как трудна и печальна безответная любовь, а современная трансплантология доказала, что далеко не каждый пересаженный даже искуснейшим хирургом орган приживается на новом месте. Разумеется, я далек от мысли, что и в данном случае существуют иммунобиологические барьеры или генетически обусловленная несовместимость. Если непреодолимый, видимо, барьер все же возник, то не русский, украинский, белорусский или еврейский народы в этом повинны, а советская власть, принявшая на вооружение расистскую теорию. Она и несет историческую ответственность за провал исключительного по своим масштабам и поначалу более чем удачного опыта этнической ассимиляции, за то, что евреями в СССР снова почувствовали себя потомки тех, кто уже считали себя русскими или украинцами, за то, что многие – даже не чувствуя себя евреями, но зная, что национального происхождения не изменить, – стремятся вырваться из Советского Союза.

Глава III

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ

Для объективной оценки демографической ситуации, сложившейся в СССР на рубеже 70-х и 80-х гг., необходимо обратиться к теории демографической революции. Сформулированная А.Ландри (1934), она получила дальнейшее развитие в исследованиях зарубежных (Ф.В.Нотстейн, 1953; З.Павлик, 1964, 1979;

В.С.Томпсон, 1942 и др.), а затем и отечественных (А.Г.Вишневский, 1973, 1976, 1982; А.Я.Кваша, 1974[а]; Б.Ц.Урланис, 1974) авторов и вылилась в современную концепцию демографического перехода. Согласно этой концепции, изменения режима воспроизводства населения находятся в сложной причинно-следственной зависимости от комплекса условий социально-экономического и социопсихологического развития общества и носят четко выраженный стадийный характер.

В соответствии со взглядами экспертов ООН ("Краткий...". 1975), "демографический переход... можно подразделить на четыре фазы. Сначала коэффициент смертности понижается быстрее, чем коэффициент рождаемости, вследствие чего коэффициент естественного прироста повышается все более быстрыми темпами до тех пор, пока он не достигнет максимального уровня. Затем коэффициент рождаемости понижается быстрее, чем коэффициент смертности, что продолжается до тех пор, пока коэффициент смертности не понизится до минимального уровня. Затем коэффициент рождаемости начинает понижаться все более медленными темпами, а коэффициент смертности одновременно повышается. И наконец, когда рождаемость понизится до уровня простого воспроизводства, коэффициент рождаемости находится близко к конечному стационарному уровню, тогда как коэффициент смертности еще должен несколько повыситься, прежде чем он достигнет того же уровня" (с.70).

Изложенная здесь вкратце концепция была сформулирована в результате выявления общих закономерностей развития населения самых передовых в демографическом отношении европейских стран и США. Она нашла свое подтверждение и в демографической истории стран, где демографический переход начался уже после второй мировой войны (напр., Японии). Ее подтверждает также все больший массив статистической информации, поступающей из ряда развивающихся стран. В то же время там, где классический четырехстадийный демографический переход, в сущности, завершен, дальнейшие изменения параметров воспроизводства населения подсказывают мысль о возможности пятой стадии. Как полагает М.С.Бедный (1972), она, "видимо, будет характеризоваться предельно достижимым уровнем средней продолжительности жизни, а рождаемость снизится до такого предела, когда вследствие сильно выраженного постарения

населения общий коэффициент смертности будет превышать общий коэффициент рождаемости. Численность населения будет уменьшаться, а если не произойдет изменений в указанной демографической ситуации, то темпы уменьшения численности населения будут ускоряться". (с.54).

Таким образом, введенное А.Ландри (1934) понятие "демографическая революция" трактуется в настоящее время прежде всего как качественный сдвиг в режиме воспроизводства населения. Этот подход нашел свое выражение, в частности, в монографиях А.Г.Вишневского (1976, 1982), который выделил три основных исторических типа воспроизводства населения: исходный (архетип), традиционный и современный, или рациональный. Переходы от одного исторического типа воспроизводства к другому совершались в результате демографических революций. Победа первой ознаменовала переход от архетипа воспроизводства населения к традиционному, а победа второй – от традиционного к современному.

История населения Советского Союза (Д.Вересов, 1985), рассматриваемого пока для упрощения как единое целое, свидетельствует о том, что на большей части его территории уже господствует современный тип воспроизводства. Это нетрудно показать, приняв в качестве обобщенных и свободных от деформирующего влияния возрастной структуры мерил рождаемости и смертности соответственно коэффициент валового воспроизводства населения и показатель средней продолжительности предстоящей жизни новорожденного. Если первый из них за относительно краткий, примерно полувековой период (с середины 20-х до начала 70-х гг.) снизился с 2,627 до 1,182, то второй увеличился с 44 до 70 лет. В переводе со статистического языка на общедоступный это означает, что в Советском Союзе (точнее, на большей части его территории) ныне доминирует модель двухтрехдетной семьи, тогда как полвека назад доминировала модель пяти-шестидетной. Почти половина гипотетической совокупности младенцев мужского пола, появившихся на свет в начале 70-х гг., имеет шансы дожить до 70-летнего возраста, тогда как полвека назад такие шансы были только у четвертой их части. Еще более благоприятными оказались изменения в средней продолжительности жизни женщин. Сравнив гипотетические совокупности родившихся в середине 20-х и начале 70-х гг., убеждаешь-

ся, что в первой исходная численность сокращается вдвое уже в возрасте 55 лет, тогда как во второй – только около 80 лет.

Эти обобщенные параметры воспроизводства населения Советского Союза неопровержимо доказывают, что сознательным контролем человека охвачены обе составляющие естественного движения: рождаемость и смертность. Первая снизилась в результате распространения идеи регулирования размеров семьи, а вторая – в результате социально-экономического прогресса, в частности, развития системы государственного здравоохранения и успехов медицины. Надеюсь, такой вывод не прозвучит панегириком советской власти и "советскому образу жизни". Как я уже отметил, демографический переход со всеми вытекающими из него позитивными последствиями совершался и совершается во всем мире. Он близок к завершению почти во всех капиталистических странах. Некоторые страны т.н. третьего мира, отнюдь не тяготеющие к социализму, переходят от традиционного к современному типу воспроизводства населения в более краткие исторические сроки, чем СССР. Данные международной статистики не оставляют сомнения, что СССР все еще существенно отстает от многих капиталистических стран в области оптимизации режима воспроизводства населения, особенно – продления жизни и распространения рациональных методов регулирования рождаемости.

И то и другое подтверждают статистические показатели, характризующие демографическую обстановку в СССР к началу 80-х гг. Создается впечатление, что демографический переход, поначалу протекавший в Советском Союзе ускоренными – по сравнению с большинством европейских стран – темпами, в последнее время, как бы натолкнувшись на невидимую преграду, приостановился. Рождаемость – хотя даже во второй половине 60-х гг. ей было еще довольно далеко до простого воспроизводства – в 70-е снова стала постепенно повышаться и ныне обеспечивает слегка расширенное воспроизводство населения (см. ниже табл. Ш.1). Среднегодовое число родившихся в первой половине 80-х гг. снова достигло величины, характерной для второй половины 50-х, общий коэффициент рождаемости в 1983 г. впервые за два последних десятилетия снова превысил 20‰, а коэффициент валового воспроизводства с 1980 г. постоянно превышал 1,1. Еще показательнее динамика смертности, точнее – все большие пробелы в сведениях о ней. Последние полные таблицы

смертности и продолжительности жизни населения СССР были опубликованы в 1974 г. С середины 70-х гг. ЦСУ перестало оглашать данные о повозрастной и младенческой смертности, причем в обоих случаях засекречиванию информации предшествовал более или менее заметный рост официально опубликованных коэффициентов. Недаром, наверное, считается, что молчание куда красноречивее слов. В советской государственной статистике оно равнозначно косвенному признанию неблагоприятных изменений ситуации, появления регрессивных тенденций. В этом контексте следует воспринимать прозвучавшие с трибуны партийного съезда общие слова об "обострении демографической обстановки" ("Материалы...", 1976).

Объективная оценка этих явлений требует тонких методов демографического анализа и учета всех обстоятельств, при которых население Советского Союза вступило на путь демографического перехода и проходило отдельные его фазы. Этой проблеме посвящены многие страницы моей предыдущей работы (Д.Вересов, 1985). Во избежание излишних повторений скажу здесь только, что специфические особенности демографического перехода в СССР объясняются условиями развития советского общества, воздействием на него катастрофических факторов. К концу 70-х началу 80-х гг. отсроченное влияние на процессы воспроизводства ряда катастрофических факторов, имевших огромное демографическое значение на протяжении жизни по меньшей мере двух поколений (от революции 1917 г. до XX съезда КПСС), стало заметно ослабевать. Во все большей степени режим воспроизводства определялся послевоенной советской действительностью, сдвигами в этнической структуре и пространственном размещении населения. Особую роль сыграли в этом отношении описанные в предыдущей главе изменения численности и состава тех возрастных групп, которые принимают непосредственное участие в процессе воспроизводства.

1. Рождаемость

Основная информация о рождаемости сопоставлена в таблице Ш.1.

Эти данные свидетельствуют о том, что среднегодовое число рождений в 1980-84 гг. превысило максимальный за послевоен-

ное время уровень 50-х гг. Наблюдавшееся в 50-60-х гг. довольно быстрое уменьшение общего ("сырого", как говорят специалисты) коэффициента рождаемости во второй половине 70-х сменилось его некоторым ростом. Эта тенденция отмечалась во всесоюзном масштабе и по всем союзным республикам. Можно ли, однако, на основании так преподносимых абсолютных и относительных цифр приходить к заключению, как это сделали А.Г. Вишевский и А.Г.Волков (1983), что "длительная тенденция к снижению рождаемости исчерпала себя и наступил перелом, в результате которого возникла новая тенденция – к повышению или по крайней мере к стабилизации уровня рождаемости" (с.179; впрочем, и авторы поставили здесь вопросительный знак)? Оправданна ли радость, с которой тогдашний премьер Советского Союза сообщил о "рекордно высоком числе рождений" в 1983 г. (А.Н.Тихонов, 1984)?

Прежде всего подчеркну, что абсолютные цифры сами по себе в данном случае почти ничего не говорят. Ведь в период 1955-84 гг. общая численность населения СССР увеличилась со 194,4 млн. до 276,3 млн., или на 42%, а контингента женщин в детородном возрасте – с 58,6 млн. до 69,6 млн., т.е. на 19%. Стало быть, примерное равенство абсолютных чисел рождения означает, что относительные показатели рождаемости не возросли, а снизились. Одновременно изменилась и структура контингента женщин в детородном возрасте. Если в 1955 г. на долю двух подгрупп, проявляющих наибольшую репродуктивную активность (20-24 и 25-29 лет), приходилось 32,4% общей численности этого контингента, а в 1970 г. – только 24,2%, то к 1985 г. она снова существенно выросла и достигла 34,0%. Столь благоприятные структурные изменения при прочих равных условиях должны были привести не только к росту абсолютного числа рождения, но и к увеличению специфического коэффициента рождаемости. Так оно и получилось.

Сопоставленные в таблице Ш. 2 повозрастные коэффициенты рождаемости требуют тщательного анализа и всесторонней интерпретации. Правда, по сравнению с 1964-65 гг. в старших группах, начиная с 30-34 лет, все они более или менее заметно уменьшались, но в двух самых младших существенно увеличились, а в возрасте 25-29 лет имели место разнонаправленные тенденции. Подлинную динамическую картину удается воспроизвести с по-

мощью более чувствительных методов, позволяющих устранить деформирующее влияние изменяющейся структуры как населения в целом, так и контингета женщин в детородном возрасте. Один из этих методов состоит в обобщении повозрастных коэффициентов рождаемости путем определения суммарной. Величина коэффициента последней соответствует гипотетическому числу рождения, приходящихся на "среднестатистическую женщину" на протяжении всего периода ее пребывания в детородном возрасте при условии стабилизации повозрастной рождаемости на уровне данного года. Как свидетельствует доступная информация, хотя изменения этого коэффициента у городского и сельского населения не были одинаковыми, "для всего... населения страны сохраняется скорее тенденция к снижению, отражающая процессы перераспределения населения между городом и селом" (А.Г.Вишневский, А.Г.Волков, 1983, с. 183).

Коэффициент суммарной рождаемости у городского населения уже более двадцати лет назад снизился до уровня простого воспроизводства. У сельского населения он по-прежнему превышает этот уровень, но в связи с продолжающейся урбанизацией возникающий таким образом "демографический запас прочности" все более и более уменьшается. Нетрудно представить себе ситуацию, когда даже при условии стабилизации повозрастной рождаемости на современном уровне коэффициент суммарной рождаемости, следовательно, и коэффициент воспроизводства населения снизятся до уровня, не гарантирующего даже простой замены поколений. Для этого достаточно, чтобы теми же темпами шло перераспределение населения страны между городом и селом, влекущее за собой уменьшение доли сельского населения

К еще более убедительным результатам приводит методика, предложенная Э.Коулом и П.Демени (1966). Ими рассматривается динамика не "сырого", а стандартизированного общего коэффициента рождаемости, определяемого на модели населения с неизменной возрастной структурой. Результаты соответствующих расчетов, приведенные в цитированной выше монографии А.Г.Вишневского и А.Г.Волкова (1983), свидетельствуют об иллюзорности повышения общего коэффициента рождаемости в 70-80-е гг. Его росту способствовали только изменения возрастной структуры населения СССР. Даже несомненное увеличение коэффициентов рождаемости женщин в возрасте 15-19 и 20-24

лет не было достаточным для того, чтобы увеличился ее стандартизованный коэффициент, определенный для стабильного населения. Напротив, если бы возрастная структура как городского населения, так и населения страны в целом не претерпела изменений на протяжении 70-80-х гг., так же, как в 60-е, общий коэффициент рождаемости продолжал бы уменьшаться. Его рост возможен при таком условии только у сельского населения.

Исключительный интерес представляют приводимые теми же авторами результаты выборочных обследований, в ходе которых определялись средние числа детей, рожденных одной женщиной в каждом реальном поколении. К концу 70-х гг., т.е. к моменту, когда было проведено одно из таких обследований и который я счел исходным в своей оценке актуальных тенденций в воспроизводстве населения Советского Союза, поколения женщин, родившихся ранее 1920 г., в основном закончили процесс прокреации, а поколения женщин, родившихся в начале 60-х гг., вступили в возраст интенсивного деторождения. Результаты определения столь чувствительного показателя, как среднее число детей, рожденных одной замужней женщиной, особенно при применении когортного анализа, не оставляют сомнения, что городское население в этом отношении отличается от сельского. В первом различия между отдельными поколениями почти не отмечались, во втором же обнаружилась явная зависимость от факторов военного времени (некоторая тенденция к уменьшению показателя наметилась только после прекращения их действия). Следует, таким образом, полагать, что переход к современному типу воспроизводства, характеризующемуся, в частности, доминированием модели двухдетной семьи, совершился в городах в самом начале послевоенного периода, в селах же, где доминирует модель трехдетной семьи, он все еще продолжается.

Стоит заодно добавить, что и городское население в этом отношении отнюдь не однородно. По мнению А.Г.Вишневского и А.Г.Волкова (1883), "среднее число детей уменьшается не только при переходе от села к городу, но и от менее крупных к более крупным городским поселениям" (с. 190). Из этого следует, что снижению рождаемости в масштабах всей страны способствовало и впредь будет способствовать не только увеличение численности городского населения, связанное с оттоком сельского, но также концентрация его в крупных городах. Второй из на-

званных процессов в Советском Союзе отстает по темпам от первого, и значительная часть городского населения по-прежнему сосредоточена в городах с незначительной людностью (см. главу II). Этим объясняется несущественная разница между показателем, рассчитанным для городского населения в целом, и показателем, характеризующим города с числом жителей до 20 тыс. в каждом.

Несомненное влияние на динамику рождаемости оказывали совершавшиеся после войны изменения в количественном соотношении мужчин и женщин. Учитывая традиционную, примерно пятилетнюю разницу в возрасте супругов, структуру контингентов в детородном возрасте целесообразно оценивать с помощью модифицированного показателя феминизации, величина которого соответствует числу женщин в возрасте 20-34 лет, приходящемуся на каждую тысячу мужчин в возрасте 25-44 лет (Д.Вересов, 1985; И.П.Ильина, 1977). Некоторое сужение границ детородного возраста мне представляется в данном случае вполне обоснованным, т.к., с одной стороны, в возрасте до 20 лет все более сокращается доля замужних женщин, с другой же – репродуктивная активность в возрасте 35 лет и старше не имеет ныне существенного статистического значения. С 1970 г. в состав рассматриваемых контингентов не входила уже ни одна когорта мужчин, активно участвовавших во второй мировой войне, а около 1960 г. за пределы детородного возраста вышли и когорты, испытавшие на себе удары коллективизации, массового террора и голода. Рассчитанные таким образом показатели феминизации (с 1970 г. их величины не достигают 1100) свидетельствуют, что к настоящему времени в структуре наиболее активного в репродуктивном отношении контингента не сохранились следы воздействия катастрофических факторов.

Нормализация количественного соотношения полов коренным образом улучшила конъюнктуру на матримониальном рынке. Последствия благоприятных структурных изменений не замедлили сказаться. "После длительного периода различных колебаний брачность в СССР возвратилась примерно к тому режиму, который наблюдался за 50 лет до этого, когда половая пропорция не была существенно нарушена" (А.Г.Вишневский, А.Г. Волков, 1983, с. 206). К сожалению, из официальной публикации, посвященной итогам последней переписи (ЦСУ СССР, "Чис-

ленность..", 1984), тщательно изъяты все сведения, по которым можно было бы с необходимой точностью установить структуру населения по семейному положению и возрасту. Косвенные данные, в частности, результаты выборочных обследований, дают, однако, основание полагать, что в конце 70-х гг., когда в брачный возраст вступили женщины, родившиеся в конце 50-х – начале 60-х гг., "дефицит женихов" окончательно перестал играть роль ограничителя рождаемости. Вероятно, такую роль играли и продолжают играть другие факторы, являющиеся имманентными чертами советского строя: невиданная в демократическом мире численность заключенных и раздутые до параноидальных масштабов штаты вооруженных сил.

Из сказанного выше отнюдь не следует, что советская семья, представляющая собой субстрат процессов воспроизводства населения, функционирует вполне нормально. Напротив, есть веские основания полагать, что именно в настоящее время она переживает глубокий кризис, обусловленный всеми теми обстоятельствами, которые характерны для общего системного кризиса советского общества. Доказательством могут послужить все еще оглашаемые данные о разводимости. В настоящее время ежегодно распадается более 900 тыс. браков, причем это число постепенно приближается к миллиону. Один развод приходится, таким образом, на три заключаемых брака, к тому же показатели разводимости на протяжении длительного периода проявляют постояннную тенденцию к росту. Так, суммарный коэффициент разводимости в возрасте 16-49 лет для гипотетических поколений, величина которого соответствует сумме возрастных коэффициентов разводимости, наблюдающихся одновременно в разных реальных поколениях, за 20 лет увеличился более чем в 3 раза (у женщин – почти в 4 раза). Добавлю, что разводы, считавшиеся "феноменом городской жизни", резко участились и на селе, особенно среди молодежи.

Весьма частой причиной преждевременного угасания генеративной функции женщин, наряду с разводами, стала сверхсмертность мужчин. Этот вопрос я освещаю в следующем разделе настоящей главы. Хотелось бы все же и здесь подчеркнуть, что на протяжении 70-х гг. ежегодно не менее 16 из каждой тысячи браков заканчивалось смертью одного из супругов, причем вдвое чаще овдовевали женщины. Есть все основания полагать, что в

первой половине 80-х гг. этот показатель причины прекращения браков еще более возрос и соотношение еще более изменилось не в пользу мужчин.

Расторжение брака и прекращение его вследствие смерти мужа – таковы основные причины, по которым в последнее время сокращается срок пребывания в браке женщин. В условиях перехода к современному типу воспроизводства эти причины не играют существенной роли в снижении рождаемости, но, разумеется, не способствуют ни ее повышению, ни даже стабилизации.

Изложенные выше статистические материалы, если их по-прежнему рассматривать только во всесоюзном масштабе, не вдаваясь пока в регионально-этнические особенности, не оставляют сомнения в том, что актуальная динамика рождаемости отнюдь не противоречит всеобщим закономерностям, в соответствии с которыми совершается переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Оставляя в стороне второстепенные механизмы этого исторического процесса, следует подчеркнуть, что основной его движущей силой является внутрисемейное регулирование рождаемости. Все более широкое распространение идеи сознательного материнства объективно обусловлено совершившимися в стране социально-экономическими изменениями, прежде всего – существеннейшим увеличением занятости женщин в общественном производстве. Преломленные в коллективном сознании, эти изменения становятся все более интенсивно действующим фактором демографического развития.

Конечный итог миллионов внутрисемейных дискуссий "быть или не быть еще одному человеку" находит свое отражение в освещенной выше динамике показателей рождаемости. Если бы демография занималась только количественной стороной воспроизводства населения, вопрос можно было бы счесть исчерпанным. Небезразлична, однако, и качественная сторона, при рассмотрении которой не обойтись без оценки способов, средств и методов ограничения рождаемости. К сожалению, советская государственная статистика на эту тему хранит граничащее с фарисейством молчание. Весьма редко затрагивают ее и подцензурные авторы научно-исследовательских работ. Тем не менее можно считать установленным, что наиболее распространенным и практически важнейшим средством ограничения рождаемости в СССР до сих пор остается искусственный аборт. Предупреждение нежела-

тельной беременности все еще играет маргинальную роль, поскольку современные, наиболее эффективные и не вредящие здоровью контрацептивы, применяемые женщинами во всех западных и во многих развивающихся странах, в СССР подавляющему большинству населения недоступны. Соперничать с абортом по массовости применения как средства регулирования размеров семьи могло бы в Советском Союзе разве что известное еще Онану прерванное сношение да рекомендовавшиеся Фаллопием презервативы, качество которых сравнимо с холщевыми прототипами XVI в.

Конечно, точное определение числа ежегодно прерываемых в СССР беременностей невозможно. Советская статистика со времен Е.А.Садвокасовой (1968) не оперирует никакими – ни абсолютными, ни относительными – цифрами на этот счет. Но имеющиеся в моем распоряжении косвенные данные позволяют оценить распространенность абортов хоть приблизительно. Можно, например, сослаться на работу М.Шлиндмана и П.Звидриньша (1973), согласно которым в обследованной группе женщин "на долю каждой... в среднем приходилось 3,55 беременности. Из этого числа 1,46 закончились родами и 2,08 беременности были прерваны" (с. 145). Если условно принять, что таким же было соотношение между доношенными и прерванными беременностями по всей стране, то на 5,2 млн. рождений в 1980-84 гг. ежегодно приходится почти 7,5 млн. абортов. Эта величина несколько превышает оценку А.Титце (1983), но существенно уступает приводившимся М.Бернштамом (1983), а также К.Дэвисом и М.Фешбахом (1980). Названные авторы приходили к заключению, что число абортов в СССР ежегодно превышает 10 млн., т.е. почти вдвое больше числа рождений. Приводились в зарубежной литературе и более высокие оценки. Так, по А.Монье (1982) еще в 1965 г. число абортов достигло 11,7 млн.

Я не основывался ни на этих, по-моему, явно преувеличенных выводах, ни на, вероятно, преуменьшенных данных некоего А.Смирнова (1981). Последний был представлен редакцией "Крисчен сайенс монитор" как ответственный работник Госплана СССР. Не курировал ли он систему здравоохранения? Если да, то он, наверняка, ориентировался в нагрузке тысяч узкоспециализированных медицинских учреждений амбулаторного типа (их называют абортариями), где с утра до вечера, круглый год, бук-

вально по конвейерной системе прерываются нежелательные беременности миллионов женщин, которым не создали альтернативы в виде эффективных и повсеместно доступных контрацептивов.

К результатам, занимающим промежуточное место между оценками М.Бернштама (1983) и А.Смирнова (1981), я пришел на основании довольно сложных расчетов с применением методики определения гипотетического минимума естественной рождаемости (В.А.Борисов, 1976). Не претендуя на абсолютную точность, она дает все же представление о возможном масштабе явления и приводит к заключению, что число предупрежденных беременностей не достигает в СССР трети ориентировочного числа абортов. Итак, СССР вступил в эпоху массового сознательного ограничения рождаемости, не выходя из эпохи примитивнейших способов достижения цели.

Несмотря на расхождение результатов, я согласен с мнением М.Бернштама о самом явлении. Правда, на мой взгляд, тот непреложный факт, что СССР все еще пребывает в "варварском" периоде регулирования рождаемости, недостаточен в качестве обоснования "особого закона народонаселения для популяций, живущих в условиях марксистского социализма" (с.258). М.Бернштам утверждает, что переход от высокой к низкой рождаемости закономерно совершается в таких популяциях путем прохождения "через три историко-демографические стадии – истребления, вырождения, вымирания" (там же). И хотя ни один из элементов этой триады не может быть сочтен плодом фантазии автора, массовость абортов – почва чересчур зыбкая для сооружения на ней столь весомой логической конструкции как генеральный закон развития населения.

Я же – в отличие от М.Бернштама – пока не предприму попытки сформулировать какой бы то ни было закон демографического развития Советского Союза, хотя представил выше довольно обширную информацию о динамике рождаемости. Мне думается, впрочем, что никакого особого закона и нет. Эти данные в основном укладываются в рамки стройной концепции демографического перехода. Повышение рождаемости на рубеже 70-х и 80-х гг., так же, как распространенность самых примитивных методов ее ограничения, разумеется, объективно обусловлены, но эти два явления отнюдь не могут лечь в основу оценки ак-

туальной демографической ситуации в СССР и не опровергают названной концепции. Напротив, есть веские основания полагать, что увеличение рождаемости носит преходящий характер и в значительной степени определяется сдвигами в этническом и возрастном составе контингента женщин в детородном возрасте.

Что же касается абортов, то следует прежде всего помнить, что, независимо от степени своей распространенности, не они находятся в причинно-следственной связи с уровнем рождаемости, а те объективные условия, из-за которых миллионы женщин отказываются от ребенка. Утверждение, что предупреждение нежелательной беременности целесообразнее и гуманнее аборта и что массовость последнего — свидетельство не только экономической, но и культурной отсталости, мне представляется трюизмом. Вряд ли такие избитые истины стоит повторять, пытаясь объяснить особенности демографического перехода в Советском Союзе. Скорее это объяснение можно найти путем комплексного анализа социально-экономических условий, в которых развивается его население.

В исторической перспективе именно эти условия привели к тому, что в СССР, так же, как во всех развитых странах, рождаемость снизилась до уровня вдвое-втрое меньшего, чем в эпоху, когда господствовал традиционный тип воспроизводства. Более того, эти же условия предопределяют вовлечение в русло совершившихся в европейской части страны перемен и тех относительно немногочисленных этнических совокупностей, которые в силу своей приверженности к традиционным нормам демографического поведения пока оставались в стороне от главных магистралей и сделали только первые шаги на длинном пути демографического перехода. Рано или поздно они сделают и следующие шаги (см. главы У и У1).

2. Смертность

Как я уже упоминал, исследователь, приступающий к анализу современных тенденций смертности в СССР, располагает весьма скромным массивом статистической информации. Кроме ежегодно публикуемых чисел умерших и коэффициентов общей смертности населения страны в целом и союзных республик,

ему, в сущности, доступны лишь данные, раз в год помещаемые в "Вестнике статистики". Они исчерпываются числами умерших, а также специфическими коэффициентами смертности от болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований. Не публикуются сведения о возрастно-половой структуре умерших, об их региональном распределении. Сколько-нибудь подробная информация о повозрастной смертности перестала появляться в Советском Союзе с 1974 г. Тогда же со страниц отечественных статистических ежегодников исчезли и коэффициенты младенческой смертности. Никогда не публиковалась исчерпывающая информация о структуре смертности по причинам. СССР – единственная, пожалуй, страна, не дающая никакой информации в объемистые тома статистических ежегодников ВОЗ. Предельно скудны сведения, по которым можно было бы судить о динамике средней продолжительности жизни. В 1974 г. были напечатаны выдержки из таблиц, рассчитанных по материалам переписи 1970 г. и данным о движении населения за 1968-71 гг. (ЦСУ СССР, "Смертность...", 1974)), после чего на страницы периодических изданий и специальных работ попадали только показатели средней продолжительности предстоящей жизни новорожденных.

Подцензурные авторы к проблематике смертности обращаются весьма неохотно. И немудрено: в безвозвратное прошлое ушли времена, когда можно было бить в литавры и ссылаться на обильную статистическую информацию. Теперь остается сказать (Т.Рябушкин, А.Галецкая, 1981), что "в последние годы общий коэффициент смертности несколько повысился" и добавить: "такое поведение... коэффициента... объясняется прежде всего тем, что на его величину оказывает влияние возрастная структура населения" (с.81). Только некоторые подцензурные авторы, например, А.Я.Кваша (1977) не скрывают глубокой озабоченности наблюдаемой в стране тенденцией к увеличению показателя смертности, объясняя это как изменениями возрастного состава, так и определенным ростом повозрастной ее интенсивности, особенно у трудоспособного мужского населения. Чаще в описаниях динамики смертности прибегают к эвфемистическим формулировкам: "... переход к новому типу смертности населения СССР в целом вступил в завершающую стадию, на протяжении которой предстояло значительно уменьшить роль остававшихся

экзогенных факторов смертности. Казалось, что до полной победы над ними уже недалеко. Опыт 60-70-х гг. показал, однако, что завершающие стадии перехода оказались в то же время и самыми сложными... Изменения структуры факторов смертности были противоречивыми, и к началу 80-х гг. все еще сохранялась значительная незавершенность перехода к новому типу смертности" (А.Г.Вишневский, А.Г.Волков, 1983, с. 102-103).

Попробую проникнуть взглядом независимого исследователя за густую завесу подобных ни к чему не обязывающих эвфемизмов и прежде всего проверить, насколько обоснованно утверждение, будто единственным или хотя бы главным фактором повышения общей смертности населения СССР были сдвиги в возрастном составе.

Как нельзя более официальные данные говорят, что общее число умерших в СССР в 1958-59 гг. в среднем составляло 1548 тыс., а в 1969-70 гг. возросло до 1977 тыс. и в 1980 г. – до 2735 тыс. Однако результаты несложного подсчета показывают, что при стабилизации повозрастной смертности на уровне 1958-59 гг. среднее число умерших в 1970-71 гг. составило бы 1723 тыс. и в 1980 г. – 2379 тыс., а коэффициенты общей смертности соответственно 7,1‰ и 9,0‰ (в действительности они были на 1,0-1,5‰ выше). Если бы повозрастная смертность в 1980 г. оставалась на уровне 1973-74 гг., число умерших достигло бы не 2730 тыс., а 2530 тыс. Общий коэффициент смертности возрос бы не до 10,3‰, а только до 9,6‰.

Сравнивая актуальное положение с концом 50-х гг., следует констатировать, что объективной мерой обострения демографической ситуации в Советском Союзе стало отнюдь не постарение его населения, которое, разумеется, и при прочих равных условиях влечет за собой рост общей смертности. Не лучше ли и не честнее ли в качестве такой меры использовать ту долю этого роста, которая связана с повышением повозрастной смертности? Ведь именно им обусловлена преждевременная смерть полумиллиона советских граждан в 1970-71 гг. и более 350 тыс. в одном только 1980 г.

К концу 70-х гг. и в первой половине 80-х тенденция к росту повозрастной смертности, появившаяся еще в начале 60-х и заметно усилившаяся в 1965-75 гг., не только ослабела, но, напротив, усилилась. Математический анализ этой тенденции позволя-

ет ориентировочно определить повозрастные коэффициенты смертности обоих полов в 1975-76 и 1980-81 гг. Последние свидетельствуют о том, что смертность мужчин повысилась по сравнению с 1973-74 гг. во всех возрастных группах, причем в возрасте 15 лет и старше превзошла уровень 1958-59 гг. Смертность женщин в 1980-81 гг. превысила этот уровень только в старших возрастных группах (начиная с 40 лет), в младших же почти не отличалась от 1973-74 гг. (в некоторых возрастных группах оставалась на том же уровне или несколько превзошла его).

Наметившееся еще в середине 70-х гг. тревожное положение определяется главным образом повышением смертности мужчин. Об этом свидетельствуют как приведенные в таблице III.3 повозрастные коэффициенты, так и сопоставленные в таблице III.4 важнейшие параметры таблиц средней продолжительности жизни.

Рассчитанная мной на основании косвенных данных с учетом интенсивности обозначившихся ранее тенденций таблица 1980-81 гг. позволяет заключить, что по сравнению с 1964-65 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденных мужского пола сократилась почти на 4 г., а женского – почти на полтора года. По мере продвижения по оси времени все более существенно уменьшались и числа доживающих, что особенно заметно при сравнении таблиц средней продолжительности жизни 1968-71 и 1980-81 гг. Исключительно демонстративен в этом отношении определенный по несколько модифицированной формуле Б.Ц.Урланиса (1978[6]) показатель преждевременной смертности взрослых (в возрасте 15-65 лет). Его величина только за 1964-81 гг. у мужчин возросла на 22%, а у женщин на 4%.

Рассмотренные особенности динамики повозрастной смертности и средней продолжительности жизни привели к существенному увеличению сверхсмертности мужчин. Как бы ни рассчитывался ее показатель, нетрудно убедиться, что в этом отношении Советский Союз занимает на демографической карте мира совершенно особое место. Неблагоприятная для мужчин разница в средней продолжительности предстоящей жизни новорожденных превысила в нем к настоящему времени 10 лет, а соотношение показателей преждевременной смертности взрослых составило 130%. Соотношение между вероятностями умереть в течение предстоящего года на протяжении нескольких последних десяти-

летий было для мужчин особенно неблагоприятным в трудоспособном возрасте, что объясняется не столько биологической, сколько социал-экономической обусловленностью этого явления. Никогда все же оно не выражалось такими величинами, как в 70-80-е гг. Ныне в возрасте 30-45 лет вероятности умереть у мужчин в три и более раза превосходят соответствующие показатели у женщин, а в возрасте 25 и 50-55 лет приближаются к этому впечатляющему уровню.

Факторы увеличения сверхсмертности мужчин во всем мире привлекают в последнее время внимание многих специалистов, но все же изучены недостаточно. Их углубленному изучению в СССР мешает прежде всего отсутствие элементарных сведений о структуре смертности по причинам и возрасту умерших. Можно все же согласиться с Н.М.Римашевской и соавт. (1981), по мнению которых в росте сверхсмертности мужчин основную роль играют травмы и отравления. Другие исследователи в перечень ведущих причин сверхсмертности мужчин и факторов ее роста включали также болезни органов дыхания (М.С.Бедный, 1972) и злокачественные новообразования (А.Ф.Серенко, Г.Ф.Церковный, 1974). Судя по ряду публикаций, увеличивается и значение болезней системы кровообращения, особенно острого инфаркта миокарда и других форм ишемической болезни сердца.

Касаясь проблемы сверхсмертности мужчин, подцензурные авторы за весьма редкими исключениями не упоминали об алкоголизме. К таким исключениям относилось исследование А.Г.Федорова (1975), расчеты которого привели к впечатляющим выводам. Они свидетельствуют, в частности, о том, что при условии элиминации связанных со злоупотреблением спирными напитками смертных исходов травм и отравлений, а также болезней, вызванных хронической алкоголизацией, "продолжительность жизни мужчин всех возрастов достигла бы уровня продолжительности жизни женщин" (с.12). Разумеется, далеко не все эмпирические данные цитируемого автора, полученные при обследовании населения одного только Тосненского района Ленинградской области, могут быть распространены на страну в целом. Сомнительны и некоторые методические приемы А.Г.Федорова. Тем не менее его работа во многом перекликается со ставшими уже классическими исследованиями В.Тремля (1982,1983). Если последний доказал, что за 20-летний период 1959-79 гг. потребление

спирто-водочных изделий возросло в Советском Союзе почти вдвое, то расчеты А.Г.Федорова (1975) дают представление о том, как отразилось на величине столь чувствительного обобщенного показателя смертности и состояния здоровья населения, каким является средняя продолжительность предстоящей жизни.

Основываясь на подцензурной литературе весьма трудно оценить, как в последние годы изменялась структура смертности по причинам. В 1982 и 1983 гг., например, болезни системы кровообращения вызвали соответственно 52,8% и 53,5%, а злокачественные новообразования – по 14,3% всех смертельных исходов. Но еще по данным Б.Ц.Урланиса (1974), относящимся к 1960-70 смерности достигла 46,8%, тогда как второго – 15,5%. Таким образом, следовало бы прийти к заключению, что в СССР продолжается абсолютный и относительный рост смертности, вызванной болезнями системы кровообращения. Что же касается злокачественных новообразований, то при существенном росте абсолютного числа вызванных ими смертельных исходов наблюдается некоторое уменьшение их доли в структуре смертности. Так или иначе, на долю обоих классов причин приходится ныне почти 70% всех случаев смертности, тогда как в 1960 г. этот показатель составлял 50,9% и в 1970 г. – 62,3%. Казалось бы, это свидетельствует о прогрессивных изменениях структуры смертности по причинам. Попытки определения стандартизованных коэффициентов смертности приводят, однако, к более пессимистическим выводам. Из них следует, что наряду с повышением смертности, вызванной эндогенными причинами, растет и смертность по экзогенным причинам.

Особую роль в последней играет дорожный и производственный травматизм. Есть основания полагать, что к настоящему времени ежегодное число погибающих от травм и отравлений приближается к 200 тыс. Содержание и смысл этой цифры раскрывает факт, что, если бы повозрастные коэффициенты смертности по названным причинам в СССР не превысили уровней, отмеченных в США, число умерших по этому классу составляло бы 125-150 тыс.

Разумеется, нельзя отрицать очевидного. На протяжении трехчетырех последних десятилетий структура смертности населения СССР коренным образом изменилась. Ее модернизация, од-

нако, началась до того, как смертность, вызванная острыми заболеваниями органов дыхания и пищеварения, а также инфекционными болезнями, снизилась до уровней, которые отмечались на соответствующем этапе эволюции структуры смертности в Зарубежной Европе и США. Рост смертности, вызванной т.н. болезнями цивилизации и травматизмом, начался и продолжается в Советском Союзе на фоне более высокой смертности по т.н. архаическим причинам. Именно это стало одной из преград, на которые натолкнулась здесь эволюция средней продолжительности жизни. Если в Зарубежной Европе, США, Японии, Австралии дальнейшие успехи в борьбе за продление жизни зависят теперь главным образом от возможностей широкого внедрения в повседневную практику новых методов профилактики и лечения эндогенных заболеваний, то советскому здравоохранению приходится продолжать борьбу и с экзогенными. Оно продолжает, следовательно, решать задачи, которые в развитых странах уже решены, но притом столкнулось и с новыми. Основное отличие, таким образом, заключается в том, что отсталое советское здравоохранение вынуждено вести борьбу на два фронта, когда как лучше оснащенные и более мобильные системы здравоохранения высокоразвитых капиталистических стран могут сосредоточить свои немалые силы и средства на одном – ныне важнейшем.

Давно известно, что борьба на два фронта (к тому же с весьма опасными противниками) малоперспективна. Мерой поражения, понесенного населением СССР в этой неравной борьбе, на которую оно было обречено всем комплексом сложившихся в стране условий, может служить динамика жизненного потенциала. Рост смертности и сокращение средней продолжительности жизни привели к тому, что, несмотря на увеличение в 1960-79 гг. численности населения Советского Союза на 24,5%, его жизненный потенциал увеличился только на 12,2%. Несомненно, определенную роль сыграло тут повышение среднего возраста населения страны с 29,8г. до 31,8г. Гораздо большее значение имело все же уменьшение среднего жизненного потенциала на четыре с лишним года. Особую тревогу внушают показатели, относящиеся к мужчинам. Дополнительные расчеты показывают, что в условиях стабилизации повозрастной смертности и средней продолжительности жизни, но при фактических сдвигах в возрастном составе их жизненный потенциал к 1980 г. составил бы 5,0 млрд. человеко-лет, фактически же не достиг и 4,8 млрд. Результаты этого

гипотетического расчета не оставляют сомнения в том, что повышение повозрастной смертности обошлось "среднестатическому мужчине" по меньшей мере в полтора года жизни.

По данным государственной статистики, младенческая смертность снижалась в СССР до 1970 г. В течение последующих четырех лет она повышалась и снова дошла до уровня середины 60-х гг. Пытаясь проследить дальнейшую динамику этого показателя, можно лишь строить более или менее обоснованные гипотезы, чтобы собственными ориентировочными оценками заполнить сознательно созданный информационный вакуум. Следует все же постоянно помнить, что и ранее опубликованная в Советском Союзе информация о младенческой смертности представляет собой статистический артефакт, т.к. советские статистики исходят из дефиниций, обусловливающих, правда, искусственное преуменьшение числа живорожденных, но "зато" способствующих и преуменьшению числа умерших младенцев.

Среди зарубежных специалистов нет разногласий относительно причин, по которым информация о младенческой смертности засекречена в СССР чуть ли не в такой же степени, как сведения о новейших видах вооружения. На протяжении нескольких десятилетий снижение младенческой смертности рассматривалось советскими специалистами как один из объективнейших показателей успехов в строительстве социализма вообще и развития здравоохранения в частности. Не подлежит сомнению, что дальнейших успехов органы советской государственной статистики скрывать бы не стали. Поэтому независимые исследователи единодушно заключают, что с середины 70-х гг. вплоть до настоящего времени младенческая смертность в СССР не снижалась, а повышалась.

Нелегко, конечно, оценить интенсивность этой тенденции и определить актуальный уровень младенческой смертности в стране. Ясно все же, что начать необходимо с корректировки ранее официально оглашенных цифр. Именно такую задачу поставили перед собой К.Дэвис и М.Фешбах (1980), статью которых Н.Эберштадт (1981) сравнил с "детективным исследованием". Значение цитируемой ниже работы, однако, не только в том, что ее авторы раскрыли статистические преступления, поймали преступника с поличным и вскрыли мотивы его действий. Такого рода истории случались и до того как американские исследователи

занялись проблемой младенческой смертности в СССР. Но именно они доказали, что — при умелом использовании — можно извлечь из фальсифицированных и фрагментарных данных советской статистики, как следует к ним подходить, чтобы с их помощью выявить тщательно скрываемые факты.

Рассмотрев поочередно ряд объективных факторов, которые так или иначе влияют на уровень младенческой смертности, К.Дэвис и М.Фешбах показали, что не эти факторы сыграли в данном случае решающую роль. Так, увеличением числа родившихся в Среднеазиатских республиках, характризующихся по сравнению со славянскими и Прибалтийскими большей младенческой смертностью, хотя и повлекло за собой некоторый ее рост, но имело в этом отношении весьма ограниченное значение. Не могли столь существенного роста обусловить ни повышение рождаемости по всей стране, ни снижение среднего возраста матерей, ни, наконец, изменения структуры совокупности родившихся по очередности рождения. Следует одновременно иметь в виду, что другие структурные сдвиги в этой совокупности (напр., снижение доли родившихся в сельской местности) должны были действовать в противоположном направлении.

К каким же выводам пришли американские исследователи? Во-первых, они показали, что — вопреки официальной информации — младенческая смертность постоянно превышала 30‰ и с самого начала 70-х гг. проявляла неуклонную тенденцию к росту. Есть, следовательно, основания полагать, что ныне она снова достигла 40‰, т.е. оказалась на том же уровне, на котором — по официальным данным — была в конце 50-х гг. Во-вторых, из их работы следует, что современные тенденции младенческой смертности беспрецедентны, но не столько загадочны, сколько опасны. Во всесоюзном масштабе она в 2-3 раза превышает уровень, отмечаемый в развитых капиталистических странах, а в Среднеазиатских республиках и некоторых автономиях Российской Федерации выше уровня стран Латинской Америки. В-третьих, приведенные в статье эмпирические данные свидетельсвуют о необходимости ретроспективного пересмотра всех ранее публиковавшихся ЦСУ СССР сведений о младенческой смертности и их корректировки вверх.

Рассмотрев возможное влияние демографических факторов и исключив их ответственность за столь существенный рост мла-

денческой смертности, К.Дэвис и М.Фешбах высказали, в-четвертых, предположение, что он объясняется суммарным воздействием социально-экономических условий, отражающихся на состоянии здоровья населения СССР. Особую роль, по их мнению, сыграло увеличение числа курящих и пьющих женщин, рост их занятости, плохие жилищные условия, несоответствующее питание беременных и младенцев. Добавлю, что в дискуссии, начатой статьей названных американских авторов, высказывались и другие предположения. Многие ее участники склонялись к выводу, что в росте младенческой смертности находит свое выражение общий кризис советской экономики и кризис советского здравоохранения (М.Фильд, 1983). Важные замечания высказал в этой дискуссии известный отечественный независимый исследователь С.Максудов (1982). По его мнению, до определенного времени младенческая смертность в СССР снижалась благодаря государственным мероприятиям, которые все же почти не способствовали изменениям быта семьи. В этом – основное различие механизмов, действовавших в советском и западных обществах. Именно поэтому в капиталистических странах младенческая смертность, обусловленная эндогенными причинами, продолжает снижаться, тогда как в СССР, несмотря на все еще значительную роль экзогенных причин, она стабилизировалась на относительно высоком уровне.

Завершая освещение проблемы смертности населения Советского Союза на рубеже 70-х и 80-х гг., я хотел бы напомнить, что речь идет о стране, в которой демографический переход близится к завершению. Эпоха, когда высокая смертность компенсировалась огромной рождаемостью, канула в Лету. Поэтому вполне вероятное дальнейшее повышение младенческой смертности может пагубно отразиться на режиме вопроизводства населения. Феноменальность положения в том, что смертность в СССР начала повышаться, по-видимому, задолго до достижения ее теоретически возможного, биологически обоснованного и регистрируемого в некоторых странах уровня. Казалось бы, такое явление противоречит духу времени и логике общественного развития. Рост смертности в заключительной фазе демографического перехода, поскольку он лишь в незначительной мере связан с неблагоприятными изменениями возрастной структуры, должен рассматриваться как нечто чрезвычайное, не предусмотренное общепризнанными теориями.

Вероятно, все дело в том, что эти теории находят полное подтверждение лишь в демографическом опыте нормально развивающегося общества. Там, где оно постоянно испытывает деформирующее влияние если не катастрофических, то — во всяком случае — кризисных факторов, теории требуют серьезнейшей корректировки. В частности, в теорию демографического перехода должна быть внесена поправка, предусматривающая возможность вступления определенного общества в регрессивную фазу демографического развития, минуя фазу, характеризующуюся постепенным приближением к модели стационарного населения и оптимизацией процессов его воспроизводства. Есть основания полагать, что и депопуляционные тенденции, присущие пятой фазе демографического перехода, могут в таком обществе приобрести исключительную интенсивность.

3. Лоскутная империя

В двух предыдущих разделах настоящей главы процессы воспроизводства населения СССР рассматривались только во всесоюзном масштабе. Это описание, позволившее распознать генеральные тенденции демографического развития и сложившуюся в стране обстановку, необходимо дополнить анализом региональных различий, имеющих не только диагностическое, но и прогностическое значение. От стойкости этих различий во все большей степени зависят демографические судьбы страны, этнический и возрастной состав ее населения, структура и пространственное распределение трудовых ресурсов. Региональные различия в ходе демографического развития СССР играют, следовательно, немалую социально-экономическую роль. В этом, кстати говоря, вновь проявляется та причинно-следственная связь между демографическими и социально-экономическими процессами, которую я стремлюсь подчеркнуть.

В данном случае я имею в виду несомненный факт, что глубокие республиканские различия в воспроизводстве населения теснейшим образом связаны с неравномерностью социально-экономического развития отдельных регионов страны. Ею же в значительной мере обусловлено дальнейшее демографическое развитие как отдельных регионов, так, следовательно, и страны в

целом. Это проще всего подтвердить путем сопоставления некоторых экономических показателей, определенных по союзным республикам, с демографическими.

В качестве таких показателей можно, например, избрать подушевой национальный доход и суммарный коэффициент рождаемости по союзным республикам на 1981 г. Нет необходимости напоминать, что в определении первого из названных показателей я натолкнулся на серьезнейшие методические трудности, отсутствие же ряда исходных данных заставило меня прибегнуть к некоторым допущениям и использованию косвенной информации. Полученные абсолютные цифры следует поэтому рассматривать как грубоориентировочные. Есть все же основания полагать, что объективно неизбежные ошибки не исказили картины, в которой отражена как актуальная региональная дифференциация СССР по уровню экономического развития, так и ее связь с дифференциацией в ходе воспроизводства населения.

Не стану вдаваться в излишние методические подробности и ограничусь констатацией, что – по моим ориентировочным оценкам – подушевой национальный доход в Прибалтийских республиках, Российской Федерации и Белоруссии более или менее существенно превышает в настоящее время всесоюзный уровень, а в Среднеазиатских республиках не достигает его половины. В то же время в последних, а также в Азербайджане величины суммарного коэффициента рождаемости в 1,5-2,5 раза больше его средневзвешенного значения по СССР. Расположив союзные республики в порядке убывающих величин среднедушевого национального дохода и возрастающих – суммарного коэффициента рождаемости, получаешь удивительную по взаимному соответствию обоих элементов картину. Высокое значение коэффициента корреляции рангов (–0,8964) говорит о весьма существенной зависимости между коэффициентами, характеризующими социально-экономическое и демографическое развитие. Их внутреннее содержание позволяет в то же время заключить, что чем выше достигнутый данной республикой уровень социально-экономического развития, тем дальше она продвинулась по пути демографического перехода.

Конечно, таково общее правило, из которого возможны и действительно имеются исключения. Вероятно, при углубленном анализе, не вмещающемся в рамки настоящей монографии, они

нашли бы объяснение как в несовершенстве примененной методики, так и в особенностях демографического развития отдельных союзных республик. Для дальнейшего анализа важны, однако, не эти исключения, а общий характер региональной дифференциации. В самой сжатой форме его определение сводится к констатации, что демографический переход близится к завершению только в тех союзных республиках, которые в своем социально-экономическом развитии в настоящее время приближаются к уровню, достигнутому западноевропейскими капиталистическими странами примерно 20 лет назад. Среднеазиатские республики, где среднедушевой национальный доход и ныне не превышает уровня, достигнутого, например, Португалией или Грецией 10-15 лет назад, по величине суммарного коэффициента рождаемости гораздо ближе к т.н. развивающимся странам, чем к развитым.

Те же закономерности выявляются и при сопоставлении обычных "сырых" коэффициентов естественного движения населения.

По последним доступным мне данным, рождаемость превышала 30‰ только в четырех Среднеазиатских республиках, тогда как в семи (Прибалтийских, славянских и Грузии) не достигала 20‰. В этих республиках, а также в Молдавии смертность превышала 10‰, тогда как в остальных республиках не достигала этого уровня. Такие сочетания коэффициентов рождаемости и смертности обусловили существенные различия коэффициентов естественного прироста. В четырех Среднеазиатских республиках они превышали 20‰ (Азербайджан был близок к этому уровню), а в Прибалтийских и славянских республиках, в Грузии не достигали 10‰. Прибалтийские республики и Украина по естественному приросту населения уподобились ныне ряду стран Зарубежной Европы, тогда как Среднеазиатские республики – странам, находящимся в эпицентре демографического взрыва.

Оставшийся по понятным причинам за пределами настоящей монографии ретроспективный анализ динамики республиканских коэффициентов рождаемости убеждает в том, что, во-первых, диапазон между крайними величинами почти не изменился, что, во-вторых, на протяжении последних 20-30 лет почти не менялась и очередность союзных республик по величине этого показателя, и что, в-третьих, рождаемость наиболее существенно

уменьшилась в республиках, занимающих ныне промежуточное положение (Казахстане, Молдавии, Армении), а также в Азербайджане. Длительная относительная стабилизация рождаемости на высоком уровне в одних республиках и на низком – в других повлекла за собой существенное перераспределение населения Советского Союза. Она нашла свое отражение и в изменении региональной структуры совокупности рождающихся. Так, в 1961-65 гг. доля славянских республик в общем числе родившихся в СССР составляла 69,2%, тогда как Среднеазиатских и Азербайджана – 15,8%. В 1979-83 гг. соответствующие показатели составили 63,6% и 21,8%. По сравнению с 1955-59 гг., на протяжении которых в СССР было зарегистрировано примерно такое же число родившихся, как в 1979-83 гг., совокупность родившихся в Средней Азии и Азербайджане увеличилась на 81%, а славянских республиках – только на 37%. Повышение рождаемости в Средней Азии стало в последние годы основной причиной роста ее "сырых" коэффициентов во всесоюзном масштабе.

К почти идентичным заключениям приводит сопоставление республиканских коэффициентов естественного движения. В 1979-83 гг. общий естественный прирост в Среднеазиатских республиках и Азербайджане лишь на 17% уступал его величине в славянских республиках, хотя численность населения первых была в 6 раз меньше, чем вторых. Глубину межреспубликанских различий можно представить с помощью условного показателя периода удвоения численности населения. Приняв заведомо неправдоподобное, но облегчающее сравнительную оценку предположение о стабилизации естественного прироста на уровне конца 70-х гг., легко рассчитать, что для удвоения численности населения Таджикистана потребовалось бы менее 25 лет, тогда как Латвии – чуть ли не два столетия. Подобное предположение позволяет заключить, что при таком условии общая численность населения Средней Азии и Азербайджана в течение одного столетия увеличилась бы в 4 раза и достигла 367 млн., тогда как славянских республик – только в полтора раза, до 330 млн. чел. Само собой разумеется, столь длительная стабилизация темпов количественного роста невероятна. Поэтому такое предположение не может лечь в основу каких бы то ни было перспективных исчислений. Тем не менее оно весьма удобно для оценки актуальной демографической ситуации, чреватой серьезнейшими измене-

ниями в региональном распределении и этническом составе населения СССР.

Характерны сведения о среднем числе рожденных (ожидаемых) детей у замужних женщин, собранные и обработанные во время выборочного обследования 1978 г. (А.Г.Вишневский, А.Г.Волков, 1983). Союзные республики по величине этого показателя четко подразделились на две группы. К первой, где среднее число детей, рожденных одной женщиной, не достигало трех, относились все славянские и Прибалтийские республики, а также Грузия и Молдавия, во второй, с более высоким показателем, оказались все Среднеазиатские республики, Азербайджан, Армения и Казахстан. Комментируя эти данные с учетом новейшей статистики рождаемости, авторы обоснованно усомнились в том, что в трех последних республиках репродуктивные планы респонденток будут полностью реализованы. Эти республики можно, следовательно, отнести к третьей, промежуточной группе.

Они же попали в промежуточную группу при использовании т.н. структурного коэффициента детности, величина которого представляет собой взвешенную среднюю очередность рождения в данном году и в данном регионе (В.Елизаров, 1982). Во всесоюзном масштабе этот коэффициент в 1960-79 гг. уменьшился с 2,41 до 2,08, причем – по последним данным – только в Таджикистане, Туркмении и Киргизии он достигал высокого уровня (34), тогда как во всех славянских и Прибалтийских республиках, а также в Грузии оказался на низком (менее 2).

Я вынужден ограничиться представленными выше данными. Ущербность массива официальной статистической информации и бедность подцензурной научной литературы не позволяют мне остановиться на весьма важном вопросе региональной дифференциации смертности. Ее общие коэффициенты, хотя и зависят в значительной степени от возрастной структуры населения, позволяют все же предположить, что относительно наиболее благоприятная картина на рубеже 70-х и 80-х гг. сложилась в Белоруссии, на Украине, в Литве и Грузии, а наименее – в Среднеазиатских республиках и Азербайджане.

Отечественные специалисты довольно давно обратили внимание на региональную дифференциацию процессов воспроизводства населения (Б.Ц.Урланис, 1963). Однако лишь в последнее время эта проблема стала предметом их углубленного анализа и

привела к разработке ряда типологических схем. Так, согласно Е.Большаковой (1974), наиболее достоверную группировку территорий СССР можно дать с позиций теории демографического перехода, выделяя при этом "три группы территорий с примерно одинаковым уровнем демографического развития, т.е. находящихся на одном и том же этапе демографического перехода.

На третьем этапе демографического перехода находится наиболее многочисленная группа населения РСФСР (кроме нескольких автономных республик – Дагестанской, Чечено-Ингушской, Тувинской и Якутской, составляющих около 2% общей численности населения РСФСР на 15. 1. 1970 г.), население Украины, Белоруссии, Прибалтийских союзных республик, Грузии. Для населения этих республик характерно массовое распространение сознательного ограничения рождаемости, высокая миграционная подвижность и низкая смертность в основном от эндогенных заболеваний и травм...

Армению, Молдавию, упомянутые выше автономные республики РСФСР, городское население Средней Азии, Казахстана и Азербайджана можно отнести ко второму этапу демографического перехода, который характеризуется расширенным воспроизводством населения при резко снижающихся темпах его прироста. В этих районах в последние годы быстро снижается интенсивность деторождения у коренного населения...

Первый этап демографического перехода (присущий сельскому населению Средней Азии) характеризуется тем, что сохраняется очень высокая рождаемость при низкой смертности" (с. 25-26).

Значительно проще схема А.Я.Кваши (1974[а]), согласно которой для одной группы республик характерна низкая рождаемость при невысокой и мало меняющейся смертности, а для другой – высокая рождаемость при относительно небольшой и к тому же имеющей более значительные резервы снижения смертности. К первой группе автор отнес славянские и Прибалтийские республики, ко второй – Среднеазиатские республики, Азербайджан и Казахстан (Армения и Молдавия занимают, по его мнению, промежуточное положение).

Судя по всему, именно такой подход был типичен для отечественных специалистов вплоть до недавнего времени, когда Н.М. Римашевская и соавт. (1981) внесли в рассмотрение проблемы

нечто новое: комплексное освещение региональной демографической дифференциации в ее теснейшей связи с дифференциацией экономической. Союзные республики были ими распределены по четырем группам, причем в основу группировки положены истинный коэффициент естественного прироста, специальный коэффициент рождаемости и индекс "индустриального развития". Первая группа, по этой классификации, "включает Латвию, Эстонию, РСФСР, Украину, Белоруссию, характеризующиеся суженным типом воспроизводства. Истинный коэффициент воспроизводства, рассчитанный для условного поколения этих республик, меньше единицы. Данному уровню соответствует специальный коэффициент рождаемости, не превышающий 60‰. В этой группе республик проживает 76,7% всего населения страны.

Во вторую группу республик входят Литовская, Грузинская, Молдавская ССР — республики, имеющие слегка расширенное воспроизводство. Истинный коэффициент роста незначительно превышает единицу, ему соответствует специальный коэффициент рождаемости в пределах до 75‰. К этой группе относится 4,7% населения.

Третья группа объединяет Армянскую, Азербайджанскую, Казахскую ССР, характеризующиеся расширенным воспроизводством населения с 1,5-2,5% ежегодного прироста для условного поколения и специальным коэффициентом рождаемости до 105‰. В данную группу республик входит 9% населения страны.

И, наконец, четвертая группа населения нашей страны. Это быстрорастущее население республик Средней Азии, истинный коэффициент прироста составляет здесь от 2,5% до 4%. Специальный коэффициент рождаемости достигает 180‰. По состоянию на 1. 1. 1978 г. к этой группе населения относились 19,6% населения нашей страны...

Таким образом, определенному уровню экономического развития соответствует определенный тип воспроизводства населения, который является доминирующим фактором в дифференциации процессов рождаемости" (с.28-29).

Приведенная классификационная схема мне представляется не только с теоретической, но и с практической точки зрения наиболее приемлемой, и именно ее (лишь с некоторыми поправками) я принял за основу при обработке результатов своих перспективных исчислений (см. главу У1). Любопытны и небезус-

пешные попытки Г.А.Бондарской (1976), которая в своей типологической схеме руководствовалась этническими критериями, точнее отражающими дифференциацию процессов воспроизводства населения (прежде всего, рождаемости), чем административно-территориальные. К сожалению, возможность применения этих критериев ограничена недостатком данных о возрастно-половом составе населения СССР в сочетании с его распределением по национальностям (такие данные были включены в итоги переписей 1959 и 1970 гг., но не оглашены после переписи 1979 г.). Следует все же отметить, что Г.А.Бондарская распределила коренные национальности союзных республик по четырем группам. В первую включены только русские, во вторую – украинцы и белорусы, а также близкие к ним по происхождению, культуре и религии молдаване, в третью – национальности Прибалтики и в четвертую (с репродуктивным поведением, ориентированным на многодетность) – основные народы Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. В результате вне ее схемы остались не только все прочие этнические совокупности и группы, не возведенные в ранг коренных народов союзных республик (даже столь многочисленные, как татары, евреи, поляки, немцы), но также грузины и армяне.

К подобным результатам привела и обработка данных выборочного обследования 1978 г., при котором изучалось распределение замужних женщин коренных национальностей по числу рожденных (ожидаемых) детей. Согласно этим данным (А.Г.Вишневский, А.Г.Волков, 1983), среднее число детей у представительниц славянских и прибалтийских народов, а также грузинок и молдаванок не достигало трех, тогда как у азербайджанок и казашек приближалось к пяти, а у представительниц среднеазиатских народов составляло 5-6 (у армянок едва превышало 3).

Заканчивая обзор классификационных схем, разработанных отечественными авторами, должен сказать, что ни одна из них не снискала признания за рубежом. Исследователи, занимающиеся демографической проблематикой Советского Союза (К.Дзене, 1973; А.Марианьский, 1974; Э.Россет, 1983; М.Фешбах, 1978, 1982), склонялись скорее в пользу несколько упрощенной типологии, подобной той, что в отечественной литературе была представлена И.Калинюк и И.Веселковой (1982). За основу приняты в ней демографические показатели, характеризующие уровень

воспроизводства населения, сальдо миграции и эмпирический коэффициент завершенности демографического перехода (Д.Богю, 1969). Величина последнего во всех славянских и Прибалтийских республиках к концу 70-х гг. достигла 100%, в Грузинской и Молдавской превысила 90%, в Армянской, Казахской и Азербайджанской составила соответственно 88%, 81% и 73%, а в Среднеазиатских республиках едва превзошла или даже не достигла 50% (в Таджикистане зарегистрирована минимальная величина – 32%).

Обобщая данные анализа экономико-демографического развития союзных республик, И.Калинюк и И.Веселкова (1982) к первому типу отнесли Российскую Федерацию, Украину, Белоруссию, Латвию, Литву и Эстонию, для населения которых характерны крайне низкие темпы роста и высокий удельный вес пожилых и старых людей. Усиленные темпы урбанизации сочетаются в них с интенсивностью межреспубликанской миграции и большой миграционной подвижностью как городского, так и сельского населения.

Ко второму типу причислены Казахстан, Азербайджан, Армения, Грузия и Молдавия. Согласно цитируемым авторам, "население этих республик можно отнести к промежуточному типу, характеризующемуся снижающимися темпами роста... (1,0-1,5% в год), в возрастной структуре сокращается доля молодежи, увеличивается процент пожилых и старых людей. Эти республики отличает высокий уровень городского населения (исключение составляет Молдавская ССР...), увеличивается интенсивность миграции не только сельского, но и городского населения...

К третьему типу относятся республики Средней Азии..., характеризующиеся интенсивным ростом населения, (2-3% в год), молодой структурой населения, низким удельным весом городского населения. Для миграции характерен процесс низкой подвижности коренного населения, как сельского, так и городского...

Таким образом, переход от одного типа развития населения к другому означает снижение темпов роста населения и увеличение его миграционнной подвижности. Дальнейшие тенденции развития населения будут зависеть от скорости перехода к низкой рождаемости населения республик Средней Азии, Азербайджанской ССР, Казахской ССР" (с. 18-19).

Последняя фраза вновь подтверждает огромное значение проблемы региональной дифференциации процессов воспроизводства населения. Из нее следует вывод, что от успешного решения этой проблемы зависит не только точность прогнозирования, но и эффективность демографической политики. К обоим этим вопросам я вернусь при изложении результатов своих перспективных исчислений (см. главу У1).

Глава IV

ИСТОРИЯ ОШИБОК

Заглавие, позаимствованное у Д.Спенглера (1925), на которого я ссылался в предисловии, напросилось здесь само собой. Прочтя эту главу, нетрудно будет, надеюсь, убедиться, как поучительна история ошибок в прогнозировании, как много можно из нее извлечь. Я старался докопаться до корней чужих ошибок и вскрыть их только для того, чтобы не повторять. Надеюсь, читатель поймет, что я далек от желания кого-либо скомпрометировать и ни в коей мере не осуждаю авторов перспективы исчислений, чьи конечные результаты существенно отклонились от действительности. Ведь ошибочность прогноза обусловлена не только несовершенством методики и необоснованностью предпосылок. В одних случаях решающую роль играла некомплектность и ложность исходной информации, в других же – специфические особенности развития населения страны, в которой действие всеобщих демографических закономерностей деформировано противоестественностью самого исторического процесса. Там, где экономику подчиняют застывшим догмам, почти немыслимо научное предвидение ее развития. Трудно, следовательно, избежать ошибок и в демографическом прогнозировании.

Взаимозависимость демографических и социально-экономических процессов ныне столь очевидна, что отклонения от прогностического сценария хода первых почти всегда находит объяснение в волюнтаристском насиловании вторых.

1. Прогнозы русских дореволюционных и довоенных советских авторов

Историю прогнозов населения России и Советского Союза глубоко изучали крупнейшие отечественные демографы. В этом контексте следует прежде всего назвать М.В.Птуху (1931 и см. изд. 1960), Ю.А.Корчака-Чепурковского (изд. 1970), С.А.Новосельского и В.В.Паевского (1934 и см. Паевский, 1974), каждый из которых выступал и в качестве автора одного или нескольких перспективных исчислений. Особое место среди работ по рассматриваемому вопросу занимает монография Б.Ц.Урланиса (1974). Вчитываясь в нее, я все более и более уверялся в том, что – задуманная как итог многолетних исследований и своего рода научное завещание – она дошла до читателя в варварски искалеченной форме. Глубоко убежден, что попавшая в мои руки книга – всего только историко-методическое введение в оригинальный многовариантный прогноз населения Советского Союза. Результаты этого прогноза и комментарий к ним были, по-видимому, вычеркнуты то ли Главлитом, то ли самим автором, испугавшимся выводов, к которым привела его неумолимая логика исторических событий и анализ накопленной статистической информации. Цитируя здесь некоторые высказывания Б.Ц.Урланиса и полемизируя с ним, я вынужден поэтому постоянно считаться с тем, что имею дело с работой, автор которой, вероятно, не произнес своего последнего слова.

В отличие, однако, от Ю.А.Корчака-Чепурковского (1970), не торопившегося сдавать в печать монографию, над которой он упорно работал в последние годы жизни (отдельные ее главы были изданы посмертно), Б.Ц.Урланис подчинился правилам игры с Главлитом и добровольно отдал на суд читателя ущербную книгу. Теперь уж никому не установить, чем руководствовался маститый ученый, когда покорно прислушивался к лязгу цензорских ножниц, отрезавших заключительные главы его книги и безжалостно прошедшихся по остальным. По всей вероятно-

сти, он не смог устоять перед искушением и полному молчанию предпочел хоть частицу правды. Знавшие Б.Ц.Урланиса поймут, почему он не счел возможным опубликовать свою монографию в самиздате, хотя только в таком случае она бы достойно увенчала его чуть ли не полувековую научную деятельность. Подчинившись цензорам, автор оставил книгу, единственная ценность которой в том, что в ней – в соответствии с названием последней главы – рассмотрен "опыт предвидения численности населения России и СССР" и высказаны соображения по методическим вопросам.

Что ж, каждый вправе решать свою судьбу. Но как, столько места отведя этому печальному примеру, не вспомнить об иных решениях и судьбах, о таких, например, начинающих исследователях, как С.Максудов (б.г. изд.) или И.Г.Дядькин (1983), печатавшихся и в сам- и в тамиздате и не испугавшихся ни эмиграции, ни ареста? Как не призадуматься над выбором Б.Ц.Урланиса и не попытаться понять, из каких соображений исходят другие подцензурные авторы, которые, по-видимому, пробуют нащупать третий путь? Предпринимая отчаянные попытки сохранить за собой завоеванное на научном Олимпе доходное место (или хотя бы приблизиться к нему) и снискать притом репутацию объективного ученого, они время от времени протаскивают сквозь игольное ушко цензуры тот или иной "сенсационный" результат своих прогностических исчислений. Далекий от полного оправдания подобной тактики, я не могу не отметить, что все же она дала возможность убедиться в одном: к самым пессимистическим результатам перспективных исчислений приходили не противники, а сторонники советской власти.

Согласно Б.Ц.Урланису (1974), "первый... прогноз численности населения России был сделан в конце XVIII в." (с. 307). Его автор "И.Герман устанавливает для России период удвоения численности населения в 30 лет, полагая, что ежегодно население увеличивается на 2%. На этом основании он считал, что в 1818 г. население России достигнет 60 млн., а к 1888 г., т.е. через 100 лет после написания книги, население России достигнет 230 млн. чел." (там же; во втором, более осторожном варианте прогноза среднегодовой прирост устанавливался на уровне 1%, что, естественно, обусловливало удлинение периода удвоения до 60 лет и приводило автора к заключению, что за 100 лет население России возрастет на 115 млн. чел.).

Строго говоря, исчисления И.Германа следует назвать не прогнозами, а всего лишь условными предположениями или даже догадками. Того же определения заслуживают результаты его однофамильца К.Ф.Германа (1819), подобные более поздним высказываниям Д.И.Менделеева (1906, 1907). Все названные авторы использовали столь несовершенные методические приемы, как критерий удвоения при предпосылке неизменности темпов количественного роста населения и простая экстраполяция в отдаленное будущее тенденций, наблюдавшихся в отдаленном прошлом. Не мудрено, что их "прогнозы" не могли оправдаться. Действительность подтвердила только второй, ни на каких рациональных предпосылках не основанный вариант расчетов И.Германа, попавшего в "яблочко" не благодаря, а вопреки результатам своих предварительных исследований.

В этом контексте следует напомнить, что, по мнению Д.И.Менделеева, период удвоения составлял 50-55 лет. Исходя их такого предположения, автор считал, что численность населения России к 1985 г. (при условии неизменности ее границ) возрастает до 400 млн., а в 2000 г. составит 594 млн. чел. Вплотную приблизившись к конечной хронологической точке этого перспективного исчисления и располагая результатами более поздних прогнозов, нельзя не умилиться наивности и беспредельному оптимизму процитированных авторов. Теперь очевидно, что предусмотренные Д.И.Менделеевым величины не будут достигнуты ни в этом, ни даже в следующем столетии. Если же окажется верной точка зрения, которой ныне придерживается все большее число специалистов, и количественный рост населения не окажется беспредельным, а рано или поздно прекратится (может быть, даже сменится депопуляционными тенденциями), эти величины не будут достигнуты никогда, численность же населения СССР стабилизируется на значительно более низком уровне.

Спустя много лет к прогнозу Д.И.Менделеева несколько неожиданно обратился А.И.Солженицын (1983), который незадолго до того в подобных целях охотно пользовался хоть и столь же ошибочными, но более свежими результатами И.А.Курганова (1964, цит. по перепечатке 1977). Основанный на устаревшей и не оправдавшей себя методике прогноз великого химика использован великим писателем для оценки демографических потерь России. "По расчетам, – заявил А.И.Солженицын, – сделан-

ным до 1917 г., по тогдашнему состоянию рождаемости, наша страна должна была иметь к 1985 г. – 400 млн. чел., а имеет только 266, таковы потери от коммунизма" (с.7). К сожалению, автор не проконсультировался со специалистами, которые наверняка не отказались бы оценить примененную методику и предостеречь от ее последствий. Не сомневаюсь, что обратись А.И.Солженицын к современным исследователям, работающим неподалеку от него (я имею в виду хотя бы М.Берштама), они бы снабдили его куда более убедительными данными, которые, кстати сказать, при определенных условиях не слишком отклонялись бы от приведенных.

В трудах русских демографов не нашли отражения ни попытки Л.Эйлера "найти формулу универсального роста населения" (Б.Ц.Урланис, 1974, с.50), ни исходящие из них воззрения А.Кетле и М.Ферхюльста (цит. по Б.Ц.Урланису, 1974). Впоследствии мало внимания уделялось асимптотической теории населения Р.Пирля и Л.Рида (1920), "которой суждено было завладеть умами большого числа демографов в разных странах мира' (Б.Ц.Урланис, 1974, с.57). Быть может, отношение к такого рода абстрактно-теоретическим изысканиям определялось тем, что, по мнению отечественных специалистов, "они оказались малоэффективными для практических целей детализированного предвидения" (Ю.А.Корчак-Чепурковский, 1970, с. 291). Сравнительно рано отечественные авторы вступили на путь, на котором вместо тех или иных универсальных закономерностей руководствуются выводами из эмпирического изучения тенденций демографического развития, протекающего в определенных социально-экономических условиях. Практика советских перспективных исчислений показала, однако, что и этот путь отнюдь не безопасен и что приверженность к эмпиризму не гарантирует от искажения результатов, обусловленного слепым подчинением доктрине.

Первый прогноз населения Советского Союза обычно связывают с именем С.Г.Струмилина (1922), и для этого, несомненно, есть веские основания, ибо именно он опубликовал и прокомментировал результаты перспективных исчислений, выполненных сразу же после обработки итогов первой послереволюционной переписи. Есть также основания полагать, что именно он сыграл решающую роль в формулировке предпосылок прогноза и выборе методики расчетов. Справедливости ради следует, одна-

ко, отметить, что непосредственным руководителем работ был ответственный сотрудник Госплана Е.М.Тарасов, дальнейшая судьба которого неизвестна (из-под его пера не вышла ни одна публикация, а его фамилия упоминается только в связи с "прогнозом Струмилина").

Статья С.Г.Струмилина, впервые опубликованная в 1922 г., неоднократно переиздавалась и цитировалась не только отечественными, но и зарубежными специалистами (Р.Пресса, 1979; Э.Россет, 1973). Быть может, высокой оценке прогноза способствовало и то, что его автор не страдал излишней скромностью. "Опубликованные до ныне данные переписи 1920... на надлежащем их использовании позволяют нам на десятки лет вперед заглянуть в наше будущее", – писал он. Оговорившись, правда, что "такие события, как голод 1921-22 г. и другие, предвидеть которые мы в настоящую минуту не можем, способны в известном смысле опорочить всякий прогноз на целый ряд лет вперед, он поспешил добавить: "Но, во всяком случае, те тенденции будущего, которые целиком уже заключены в нашем настоящем, должны быть выявлены во весь их рост. Пройти мимо них не сможет ни один серьезный общественный деятель и экономист, ибо прогноз, основанный на такого рода непреложных фактах, как наличная пропорция различных возрастов населения, столь же достоверен, как предсказание, что после зимы следует весна и лето, а затем осень и т.д." (цит. по изд. 1964, с. 27).

Такими совершенно достоверными С.Г.Струмилин счел результаты перспективных исчислений, важнейшая часть которых приведена мною в таблице 1У.1.

Положив в основу прогноза "неизменные нормы рождаемости и смертности" автор, разумеется, понимал, что "на деле они довольно заметно меняются с изменением экономики страны". Тем не менее он полагал, что "постоянные тенденции в эволюции экономики проявляются слишком медленно, чтобы сказаться в ежегодных колебаниях естественного прироста населения, а случайные колебания под влиянием таких причин, как смена урожайных и неурожайных лет, в течение ряда лет в известной степени уравновешиваются. Такой исключительный голод, как пережитый нами недавно в Поволжье, конечно, должен быть принят в расчет. И необходимая поправка, когда мы получим достаточные для этого данные, будет сделана. Но уже заранее можно ска-

зать, что даже такая поправка не изменит существенно той картины, какую дает нам таблица" (. 27-28).

Эта поправка, хотя она имела бы исключительно важное познавательное значение, т.к. вытекала бы из официальной оценки вызванных последним годом гражданской войны и голодом демографических потерь, не была по сути дела внесена ни С.Г.Струмилиным, спустя 40 лет дополнившим и переиздавшим процитированную выше работу, ни Б.Ц.Урланисом (1974). Последний ограничился поправками на недоучет населения районов, не охваченных переписью 1920 г., в целом весьма одобрительно отозвался о прогнозе, "не очень сильно, по его словам, отклонившемся от действительности" (с. 311). Тон этих слов отличается все же от восторженной оценки в статье к 85-летию С.Г.Струмилина: "Мы видим, что к концу периода, как раз за полгода до начала Великой Отечественной войны, фактическая цифра численности населения СССР целиком совпала с прогнозом Струмилина, данным им почти за 20 лет до этого" (Б.Ц.Урланис, 1962, с. 352).

Несколько сдержаннее отозвалась о рассматриваемом прогнозе Г.Ш.Бахматова (1982). Отметив, что он "считается наиболее удачным из всех прогнозов, которые делались в это время и в последующие периоды с учетом сохранения неизменных уровней рождаемости и смертности" (с. 78), автор весьма осторожно дала понять, что не одобряет методики, примененной С.Г.Струмилиным и его сотрудниками. Однако и она прошла мимо специфических причин, случайно приведших к почти идеальному совпадению конечного результата с фактической численностью населения страны: "При расчете населения по территориям, ранее не входившим в состав Советской России, численность населения СССР перед началом Великой Отечественной войны составляла по данному прогнозу 182,4 млн. чел. Фактически же население СССР насчитывало 177,3 млн. чел. Таким образом, расхождение прогнозных и фактических данных составляет менее 3%, что можно считать хорошим результатом" (там же).

Итак, оговорка повисла в воздухе. В конечном итоге в советской литературе восторжествовало мнение Б.Ц.Урланиса (1962). Приняв его за чистую монету, мне пришлось бы, вопреки взглядам специалистов, заключить, что авторы перспективных исчислений не нуждаются в полной и достоверной исходной информации. Ведь перепись 1920 г., на результатах которой основывались

С.Г.Струмилин и Е.М.Тарасов, проводилась в весьма неблагоприятных условиях, а их высокая оценка, проскальзывающая в некоторых подцензурных публикациях, обусловлена лишь тем, что инициатором переписи был Ленин. Столь ущербные результаты, не охватившие значительной части страны, могли бы составить прочный фундамент перспективного исчисления только при вмешательстве сверхестественных сил. История статистики показывает, однако, что на чудеса в ней рассчитывать не приходится. В том же, насколько необоснованными были оба приведенные выше высказывания Б.Ц.Урланиса (1962, 1974), нетрудно убедиться с помощью таблицы 1У. 2, в которой я сопоставил важнейшие результаты прогноза С.Г.Струмилина с динамикой фактической численности населения СССР (по официальным данным и некоторым ретроспективным определениям).

Приведенные в таблице данные полностью противоречат самовольному заключению С.Г.Струмилина, который в примечании ко второму изданию своей статьи написал: "Наш расчет на 17 января 1939 г. дает 170,8 млн., а перепись на ту же дату показала 170,6 млн. душ, и значит ошибка плановиков первого призыва в этом случае не превышала 0,3 млн., или менее 0,2% (1964, с. 34). К столь неожиданному выводу автор пришел после того как привел сопоставляемые величины к общей дате, учел численность не охваченного переписью населения Дальневосточной республики, Хивы и Бухары (она составляла якобы 5 млн. чел.) и внес поправку на потери, вызванные голодом 1921-22 гг. ("по расчетам 20-х гг. ... тоже не менее 5 млн. душ населения; там же). "Волею случая, – радостно восклицает он, – эти две важнейшие поправки взаимно погашаются" (там же). Этот возглас, не говоря уже о результатах подсчетов, позволяет с уверенностью утверждать, что истинная поправка на голод в прогнозе Струмилина не внесена.

Действительность была совершенно иной. Как отметил Ю.А. Корч-Чепурковский (1970), "уже к моменту переписи 17 декабря 1926 г., т.е. всего через 6 лет, расчет Госплана СССР сильно разошелся с действительным положением. Вместо 142,2 млн. предполагаемого населения перепись 1926 г. показала 147,0 млн.. т.е. на 4,8 млн. больше (на 3,4%) предсказанного числа. А если рассчитать ошибку по отношению к исчисленному приросту насе-

ления за 1921-26 гг., ... то погрешность составит ни мало ни много 51%! Вместо ожидавшихся 9,4 млн. прироста население увеличилось на 14,2 млн." (с. 293).

Чтобы усомниться в точности прогноза, вовсе не нужно быть изощренным статистиком. Глубокие теоретические знания не требуются и для того, чтобы заметить, что огромное расхождение между фактической и предсказанной численностями населения, вскрытое переписью 1926 г., в последующие годы – вопреки элементарным закономерностям демографического развития и здравому смыслу – не увеличилось, а напротив, почему-то сгладилось.

Сравнивая фактическую и прогнозированную численность населения на конец 1939 г. (в границах СССР на 17 сентября), нетрудно заметить, что расхождение составляло 5,0 млн. чел., или 2,9% по отношению к первой. Хотя оно во много раз превысило приведенные С.Г.Струмилиным погрешности прогноза, я не был бы склонен считать их чрезмерными (дай-то Бог, чтобы прогнозируемые величины никогда не отклонялись от действительности более чем на 5%!). Дело, конечно, не в этом. Таблица 1У. 2 не оставляет сомнения, что "точность" перспективных исчислений была предопределена еще одной "случайностью", благодаря которой противоположно направленные колебания величин фактического и предполагавшегося естественного прироста населения страны взаимно уравновешивались. Кажущаяся безошибочность прогноза С.Г.Струмилина обусловлена грубейшими ошибками автора при определении "норм рождаемости и смертности". Исходя из выведенных им "неизменных норм", он определил прирост населения СССР в 1920-29 гг. в 15,6 млн., а в 1930-39 гг. – в 23,9 млн. чел. Если же верить официальным данным, в первом десятилетии охваченного прогнозом периода он составил 26,8 млн., т.е. превысил предполагавшийся на 11,2 млн. (71,8%). во втором же– 19,6 млн., т.е. уступал ему на 4,3 млн. (18%). Особенно велико было расхождение между прогнозированным и действительным приростом в 1930-36 гг.: вместо 16,6 млн. он оказался равным только 6,1 млн., т.е. был на 10,5 млн., или на 73% меньше предполагаемого.

Б.Ц.Урланис (1962) по этому поводу мимоходом заметил, что С.Г.Струмилин не мог предвидеть ни убыстрения темпов роста населения в 20-е гг., ни их замедления в 30-е. Чтобы сгладить явную двусмысленность этих слов (какова же должна быть об-

щая оценка прогноза, если действительность полностью опровергла его предпосылки?), он добавил: "тем не менее близость фактических данных к прогнозу Струмилина все же представляет бесспорный интерес" (с. 352). По-моему, напрашиваются совершенно иные выводы, представляющие (тут я согласен с Б.Ц.Урланисом) "бесспорный интерес", но не в связи с результатами, а для оценки методического арсенала "плановиков первого призыва" и объективности их преемников.

Сопоставление фактических и прогнозированных численностей населения СССР по отдельным годам подтверждает предположение, что не учтенные автором изменения норм рождаемости и смертности были впоследствии компенсированы в результате постигшей страну демографической катастрофы. Ей-то, в сущности, С.Г.Струмилин в области прогнозирования обязан прижизненными и посмертными лаврами. Благодаря ей он в своем отечестве был признан пророком и завоевал международную славу. В период нэпа динамика естественного прироста обусловливалась постепенным снижением смертности и некоторым повышением рождаемости, что не было предусмотрено основанным на "неизменных нормах" прогнозом. Возникшее расхождение – благодаря тем же "нормам" – компенсировалось в первой половине 30-х гг., когда катастрофически повысилась смертность и резко снизилась рождаемость. "Нормы", заложенные в прогноз С.Г. Струмилина, противоречили действительности как в период нэпа, так и в 30-е гг., но голод и массовый политический террор с лихвой "исправили" грубую ошибку, относящуюся к краткой передышке. Каким, однако, надо быть циником, чтобы все это назвать "волею случая"!

Эти ошибки, конечно, весьма поучительны, т.к. свидетельствуют об опасности использования в перспективных исчислениях каких бы то ни было неизменных показателей естественного движения населения какой бы то ни было страны, особенно же страны, переживающей чрезвычайно бурный период своей истории. Однако ошибки С.Г.Струмилина поучительны и важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения, ибо благодаря им возникает одна из возможностей косвенного определения демографических потерь, вызванных действием экстремальных факторов, под напором которых рухнули установленные по всем правилам абстрактной теории "нормы рождаемости

и смерности". Некоторые исследователи воспользовались этой возможностью, и именно так до недавнего времени за рубежом оценивались потери населения СССР в период, охваченный рассмотренным прогнозом (М.Рейнгард, 1948). Кстати сказать, критическая оценка прогноза С.Г.Струмилина позволяет убедиться в порочности методики И.А.Курганова (1964, 1977) и А.Я.Боярского (1985), который подобным образом определял отсроченные демографические последствия второй мировой войны.

Вслед за С.Г.Струмилиным перспективными исчислениями занялся Б.Бабынин. В серии статей, опубликованных в 1926-30 гг., он попытался ответить на ряд вопросов, которые были поставлены тогда перед советскими демографами в связи с разработкой пятилетних планов развития народного хозяйства страны, причем предметом его исследования стала динамика роста населения как СССР в целом, так и Российской Федерации. Несмотря на применение иной методики (меняющиеся повозрастные коэффициенты рождаемости и скорректированная с учетом текущей статистической информации повозрастная смертность), допущенные им ошибки оказались весьма существенными. Так, например, численность населения РСФСР, которая по первому варианту прогноза Б.Бабынина (1926) к 1941 г. должна была достигнуть 135,4 млн., а по второму – 130,5 млн., фактически к 1940 г. (т.е. лишь годом раньше) составила 110,1 млн. (Б.Ц.Урланис, 1974), численность же населения СССР к началу 1934 г. достигла не 172,3 млн., а только 161,4 млн., т.е. уступала определенной Б.Бабыниным (1928) на 9,9 млн., или на 6,3%. Еще более показательно, что фактический прирост населения СССР в 1927-34 гг. (14,4 млн.) оказался чуть ли не вдвое меньше прогнозированного (25,3 млн.). Отклонение фактических среднегодовых темпов роста (если правомочно такое определение применительно к 30-м гг., когда коэффициенты рождаемости и смертности колебались в широчайшем диапозоне величин) от прогнозированных оказалось не менее внушительным (вместо заложенных в прогноз 2,3% они составили лишь 1,35%).

Примечательно, что Б.Ц.Урланис (1974), всякое лыко ставивший в строку всем зарубежным авторам перспективных исчислений по СССР, но не вскрывший при этом объективных причин их ошибок, в данном случае проявил снисходительность и – в отличие от С.А.Новосельского и В.В.Паевского (1933) – даже не

упомянул о "грубости методических приемов" Б.Бабынина. Комментируя бабынинский прогноз населения РСФСР, Б.Ц.Урланис отметил, что автор "не принял во внимание уже тогда взятую линию партии на индустриализацию страны, линию, которая привела к резкому увеличению городского населения" (с. 315), а оценивая прогноз населения СССР на 1927-34 гг., прямо написал: "Численность населения, которую он (Бабынин) рассчитал для 1934 г., Советский Союз достиг примерно на 6 лет позднее. Однако нельзя упрекнуть при этом Бабынина, т.к. отклонение его прогноза от действительности целиком объясняется трудностями социалистического строительства в нашей стране" (с. 316).

Ну что ж, если террор и голод определять как "трудности социалистического строительства", то лучше не углубляться в причины ошибок. Эти же "трудности" повинны в том, что не оправдались перспективные исчисления М.В.Птухи (1931 и см. 1960), С.А.Новосельского и В.В.Паевского (1934), а также небольшой прогностический расчет трудовых ресурсов Украины, произведенный Ю.А.Корчаком-Чепурковским (1929). Обобщая все эти работы и излагая методические принципы, которыми руководствовались их авторы, Ю.А.Корчак-Чепурковский (1970) впоследствии справедливо указал, что "перспективные исчисления, предпринятые в начале 30-х гг., ограничивались решением только одной задачи. Исследователей интересовало, в какой мере сложившиеся в конце реконструктивного периода новые фактические уровни рождаемости и смертности обеспечивали воспроизводство населения советской страны, как примерно могла развиваться общая численность населения в ближайшие годы и когда смогут "залечиться раны", нанесенные длительной войной и разрухой переходного периода. Война и разруха наложили свою печать на фактическую возрастно-половую структуру населения, отклонив ее от более или менее нормального вида, а это не могло не отразиться и на общих показателях движения населения. В результате громадных социальных перемен, вызванных Великим Октябрем, новые уровни рождаемости и смертности, конечно, радикально отличались от дореволюционных. Перепись населения 17 декабря 1926 г. впервые дала достоверные данные о численности и составе населения всей страны. Правда, статистика естественного движения едва начала налаживаться... и более или менее удовлетворительно велась лишь в Европейской части

СССР. Но и этого было достаточно, чтобы начать исследование на высоком статистико-демографическом уровне" (с. 298).

Решая прикладные задачи своего времени, М.В.Птуха, С.А.Новосельский и В.В.Паевский, а затем и сам Ю.С.Корчак-Чепурковский внесли значительный вклад в демографию. Первой из названных авторов прогнозом населения Украинской ССР на 1930-60 гг., в сущности, подытожил свои многолетние исследования, посвященные изменениям процессов естественного движения и выявлению общих закономерностей демографического развития. Его работа имела, таким образом, не только прикладное, но и общетеоретическое значение, и именно поэтому она стала подлинной "изюминкой" Токийской сессии Международного статистического института (1930), где впервые докладывалась. Нелишне отметить, что вызвавшая мировую сенсацию работа М.В. Птухи (1931) дождалась публикации в СССР (да и то в неполном виде) лишь спустя 30 лет.

Не приводя здесь детальных результатов этого прогноза (они глубоко проанализированы Ю.А.Корчаком-Чепурковским, 1970), ограничусь констатацией, что М.В.Птуха предусматривал систематическое замедление темпов количественного роста населения Украины. С 1,60% в 1930-40 гг. среднегодовой прирост его численности должен был, по мнению автора, снизиться до 1,35% в 1940-50 гг. и 1,17% в 1950-60 гг., в результате чего, составляя в исходный момент 30,7 млн., она достигла бы 35,9 млн. в 1940 г., 41,1 млн. в 1950 г. и 46,1 млн. в 1960 г. Автор оперировал численностями населения Украины в ее границах до 17 сентября 1939 г. С тех пор территория республики с 443,5 тыс. км^2 вследствие включения аннексированных районов Польши, Румынии (без Молдавии) и Чехословакии возросла до 603,7 тыс. км^2 (почти в полтора раза). Тем не менее численность ее населения к 1940 г. только на 5,4 млн. (15,0%) превысила предполагавшуюся, а к 1960 г. уступала последней более чем на 3,5 млн. чел. (около 8%), хотя в захваченных в 1939-40 и 1945 гг. районах проживала тогда по меньшей мере одна шестая часть населения УССР. Эти расхождения в определенной степени обусловливались вполне объяснимыми погрешностями, допущенными М.В. Птухой при формулировке положенных в основу прогноза предпосылок. Гораздо большее, однако, значение имели потери, понесенные республикой вследствие войны, сталинского террора,

голода 30-х и 1946-47 гг. То же относится к разработанному М.В. Птухой прогнозу населений СССР (к 1937 г. оно должно было, по мнению автора, достигнуть 180,7 млн., фактически же составило 164,0 млн.).

Если М.В.Птуха, подобно Б.Бабынину, стремился разработать реалистический прогноз и только из-за трагических привходящих обстоятельств, которых он не мог предвидеть, составил аналитический, то иную задачу поставили перед собой С.А.Новосельский и В.В.Паевский (1934). Их прогноз населения СССР на 1927-51 гг. с полным основанием можно определить как намеренно аналитический (по терминологии Б.Ц.Урланиса, 1974 – условный). В его основу были положены неизменные повозрастные коэффициенты рождаемости и смертности, рассчитанные на исходный момент, т.е. по данным переписи 1926 г. и текущего статистического учета населения в 1926-27 гг. Авторы четко сформулировали свою позицию: "... Демографический институт с самого начала стал на ту точку зрения, которая придает подобным исчислениям смысл отнюдь не предсказаний, а лишь наиболее усовершенствованной характеристики современной... рождаемости и смертности. Было бы нелепо в самом деле предсказывать население СССР на будущее время, исчисляя его на основе наблюдений в 1926-27 гг. рождаемости и смертности, когда и в той и в другой мы наблюдаем ежегодно и должны, несомненно, ожидать в будущем огромнейшие сдвиги" (см.В.В.Паевский, 1970, с. 50).

Итак, результаты заведомо условного прогноза С.А.Новосельского и В.В.Паевского показывают, как возросло бы население Советского Союза, если бы уровни рождаемости и смертности на протяжении всего охваченного им временного интервала не подверглись никаким изменениям. Отклонения этих результатов от действительности, следовательно, должны рассматриваться как мера снижения темпов роста, вызванного снижением рождаемости и повышением смертности. Но к 1939 г. уровень рождаемости снизился по сравнению с 1926 г. только на 16,5% (с 43,7‰ до 36,5‰), а смертность и того менее – на 9,5% (с 19,1‰ до 17,3‰). Есть поэтому основания полагать, что основной причиной возникшего отклонения оказалось противоположно направленное кратковременное изменение обоих коэффициентов, прежде всего – резкое повышение смертности в те годы, когда от-

ветственные за судьбы страны, чтобы скрыть следы своих преступлений, засекретили статистическую информацию и ликвидировали демографическую науку. Именно в этом я усматриваю основную познавательную ценность прогноза С.А.Новосельского и В.В.Паевского. Именно в этом – его историческое значение. Ко всему прочему, этот прогноз доказывает, что отнюдь не на основании величины расхождения между фактическим и предполагаемыми данными всегда следует оценивать заслуги авторов перспективных исчислений.

С исключительной тщательностью результаты прогноза С.А. Новосельского и В.В.Паевского были обсуждены Ю.А.Корчаком-Чепурковским (1970). В кабинетной тиши, что более сродни была ссылке, чем добровольному затворничеству, он не испытывал ни беспомощности честного ученого, склонившего голову перед безликим Главлитом, ни щемящего чувства потери, свойственного каждому, кто подвергает свой выношенный текст автоцензуре. Его оценка упомянутого прогноза достойна еще одной обширной цитаты, ибо содержит важные замечания как о сущности демографического прогнозирования, так и об особенностях воспроизводства населения Советского Союза.

"По перспективным расчетам С.А.Новосельского и В.В.Паевского, которые не ставили цель дать действительный прогноз будущей численности населения СССР, – писал Ю.А.Корчак-Чепурковский, – на начало 1939 г. исчислено 191,1 млн. жителей, в то время как переписью было учтено только 170,6 млн. Следовательно, фактически процессы воспроизводства в 1927-38 гг. протекали значительно менее благоприятно, чем в 1926-27 гг., а это преувеличивало расчетную численность населения по сравнению с фактической на 12%... Таким образом, фактический прирост населения оказался примерно в два раза меньшим, чем вытекало из расчета. Следует отметить, что особенно сильно отклонился от расчета прирост мужчин, а количество женщин лежит ближе к расчетным величинам" (с. 299).

Сопоставляя затем ожидавшийся возрастной состав населения с фактическим (по переписи 1939 г.) и преодолевая методические трудности, вызванные как авторской "необычной возрастной группировкой", так и вопиющими пробелами в официальных сообщениях об итогах переписи, Ю.А.Корчак-Чепурковский указывал, что особенно велика погрешность в определении рас-

четного числа детей в возрасте до 12 лет. Общая численность этой совокупности была определена равной 63.192 тыс., тогда как – согласно переписи – она насчитывала только 49,071 тыс. чел. Таким образом, расхождение (15.121 тыс., или 31,4% по отношению к фактическим данным) составило здесь почти три четверти общего отклонения расчетных данных от действительности. Это свидетельствовало, что процессы воспроизводства были нарушены прежде всего за счет сокращения рождаемости и повышения детской смертности. Миллионами детских жизней страна платила значительную часть цены за "великий перелом", за переход от нэпа к сталинским пятилеткам, от непродолжительной передышки к массовому террору, от лозунга "обогащайтесь" к лозунгу сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Конечный результат перспективных исчислений С.А.Новосельского и В.В.Паевского (1934) отклонился от действительности на 23,5 млн., или 13,8%. К 1951 г., когда – по оценке ЦСУ – население СССР составило 181,6 млн. чел., отклонение возросло до 57,3 млн., или 31,6%. Сопоставляя данные прогноза с фактическими, Г.Ш.Бахметова (1982) воздержалась от комментариев, но вдумчивые ее читатели, наверное, догадались, что именно на базе таких сопоставлений в среде советских демографов зародилась мысль о необходимости пересмотра всех официальных оценок демографических потерь СССР во время второй мировой войны (А.Я.Боярский, 1985; А.С.Георгиевский и О.К.Гаврилов, 1975; Б.И.Искаков и соавт., 1982; В.И.Козлов, 1975; В.В.Покшишевский, 1971). Как показало, однако, выступление Горбачева по случаю 40-летия победы над Германией и подтвердила вся приуроченная к этому дню продукция советских издательств (напр., "Великая Отечественная...", 1985), их призывы остались втуне. К сожалению, в унисон с юбилейной шумихой прозвучал голос Л.Е.Полякова (1985).

Б.Ц.Урланис (1974) рассмотрел и прогноз Л.М.Сабсовича (1929), предпосылки которого были столь фанстастичны, что не могли не повлечь за собой еще более существенных отклонений результатов от действительности, а также прогностические данные Госплана на первую и вторую пятилетки. Стоит напомнить, что в основу планов на 1927-32 гг. закладывалось предположение о росте численности населения на 18,9 млн., а на 1933-37 гг.

– только 15,0 млн. (Б.Ц.Урланис, 1974). Таким образом, в первом случае предполагаемый естественный прирост лишь несколько превышал 3 млн., во втором же не достигал и этого уровня. Плановики небезосновательно предполагали, что к началу 1939 г. численность населения СССР достигнет 180,7 млн. (С.Н.Прокопович, 1952). Их ошибка заключалась, следовательно, в том, что не были предусмотрены демографические последствия крутого поворота, совершенного в 1928-29 гг., и особенно голода, постигшего страну в конце первой и начале второй пятилетки. Можно ли ответственность за такую ошибку возлагать на ЦУНХУ Госплана? Сам И.В.Сталин (цит. по изд. 1952) на XVII съезде партии упоминал об увеличении численности населения страны в 1930-32 гг. на 8 млн. чел., а на II съезде колхозников-ударников (1935) хвастливо заявил, что она достигла в те годы 168 млн., причем естественный прирост ежегодно превосходил общую численность населения Финляндии. Вождь солгал дважды. Прирост населения СССР (2,7 млн, в год) уступал населению Финляндии (3,5 млн.; Б.Ц.Урланис, 1941, 1978[а]; Б.Ц.Урланис, В.А.Борисов, 1984) более чем на 20%. К тому же он умолчал, что за два последующих года население СССР сократилось на 5,2 млн. чел., в результате чего среднегодовой прирост за 1930-34 гг. составил только 0,6 млн. (менее одной шестой населения Финляндии).

Сталин, по всей вероятности, располагал этими цифрами, но, разумеется, в конце 20-х гг. плановикам они и не снились. Тем не менее на XVII съезде ВКП(б), то есть сразу же после проведения переписи 1939 г., но еще до оглашения ее предварительных результатов, вину за свою ложь он свалил на "некоторых работников Государственной плановой комиссии старого состава... (которые) ударились в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения СССР должен составить 3-4 млн. чел., если не больше. Это тоже была фантастика, если не хуже" (см. 1952, с. 618-619). Тогдашний читатель улавливал зловещий смысл слов "старого состава" и понимал, что хуже фантастики только вредительство.

Описанный эпизод характерен скорее для нравов и обычаев того времени, чем для истории демографических прогнозов, т.к. расчеты ЦУНХУ в лучшем случае можно назвать краткосрочны-

ми рабочими наметками. Ограничившись результатами, но замалчивая все, что из них вытекало, Б.Ц.Урланис (1974) напрасно посвятил им две страницы в ущерб другим, например, прогнозу А.П.Хоменко (1932). А ведь его работа в отечественной прогностической литературе (к слову сказать, не столь уж обильной) занимает из ряда вон выходящее место. Дело не в том, что А.П.Хоменко применил какую-либо сверхоригинальную или эффективную методику, пришел к наименее отклонившимся от действительности результатам. Не блеснул он и особой детальностью последних или глубиной комментариев к ним. Нет, ничем подобным работа А.П.Хоменко не отличается.

Ее характернейшая черта – откровенная декларативность, в связи с чем ошибки, допущенные при формулировке предпосылок, приобретают политическое, или, если угодно, теоретическое значение. Не стоило бы их ворошить (в конце концов с той поры прошло полвека), если бы не то, что кое-какие представления, столь откровенно высказанные А.П.Хоменко, все еще бытуют в сознании подцензурных авторов. Для их "методического подхода" типично стремление выдать желаемое за возможное в действительности. Поэтому и колонки цифр, которыми иллюстрируются "теоретические" положения, отражают не наиболее вероятное в будущем течение демографических процессов, а такое их течение, которое подтвердило бы априористическую, ни из какой действительности не вытекающую "теорию", признанную единственно верной лишь в силу ее соответствия и созвучия официальной идеологии. Под маской истмата в подобных работах оживает и прямолинейно исповедуется свойственное схоластике представление о науке как "служанке богословия". Так же, как в средние века, объективное изучение действительности подменяется убийственными для процесса познания ссылками на "церковные авторитеты", сиречь – в данном случае – на изречения "классиков марксизма-ленинизма" и дежурные речи "вождей".

Исходные теоретические позиции А.П.Хоменко стоит воспроизвести в точности. Надеюсь, читатель простит мне обширность цитаты и обилие содержащейся в ней словесной шелухи. "В противоположность буржуазным ученым, – писал он, – советским ученым нет никакого смысла скрывать, что до того, как браться за перспективные расчеты населения, они уже имели определенную общую концепцию общественного развития и делают ее ос-

новным принципом своих исчислений. Утверждая, что перевод на язык демографии этой общей социальной концепции является гарантией наибольшей объективности и научности перспективных демографических построений, советская демография ссылается на марксизм-ленинизм как на идеологическую базу...

С той поры как место капитализма в нашей стране занял социализм, входит в силу и новый исторический закон населения. ... 30-е гг. – это та ступень развития социализма, когда уже заложен его фундамент. А это значит, что если речь идет о перспективном исчислении населения советских республик, то без формулировки общего закона населения социализма демограф, принимаясь за перспективные исчисления, не может руководствоваться тенденциями прошлого, в том числе и ближайшего, даже если с точки зрения социальной статистической методики эти тенденции, эти эмпирические данные закономерности будут выявлены в совершенстве.

Автор данной статьи придерживается того мнения, что пока еще не может быть дано точное исчерпывающее определение общего закона населения социалистической эпохи. И в наименьшей степени считает себя способным сформулировать это определение. Но одновременно, по мнению автора, существует ряд несомненных элементов, которые, во-первых, вытекают из самого понимания социализма, во-вторых, уже реализованы, введены в жизнь самим процессом социалистических преобразований в Советском Союзе. Эти элементы и должны составить теоретическую базу перспективных исчислений...

На вопрос же о том, какое "точное" числовое значение примут в соответствии с этим те или иные демографические показатели, очевидно, пока еще нельзя ответить в категорической форме. Поэтому, вообще говоря, перспективные исчисления на ближайшие годы социалистического переустройства... можно выполнить только в общих чертах, приблизительно оформляя числовыми показателями только основные тенденции и совсем отбрасывая какие-либо попытки предвидения численности для отдельных лет" (цит. по изд. 1980. с. 151-152).

Итак, отказываясь от не столь уж существенных, по его мнению, детальных подсчетов, А.П.Хоменко призывает сосредоточиться на более важных задачах: использовании демографической статистики вообще и демографического прогнозирования в част-

ности как средств политической пропаганды и агитации "за социализм". Статистика без точных статистических показателей и даже без стремления к их определению – это, несомненно, открытие, от которого остается один только шаг до прекращения публикации каких бы то ни было данных о численности населения, его составе и естественном движении. Этот шаг, как известно, в СССР вскоре был сделан. А.П.Хоменко не предвидел, что он сам в числе других статистиков и демографов падет жертвой той "исторической закономерности", одним из проявлений которой была ликвидация статистики и демографии...

Стоит все же присмотреться к тому, как вышеупомянутое программное положение реализовалось самим автором. Приняв в качестве "несомненных элементов социалистического закона населения... ликвидацию безработицы и полное упрочение материального положения трудящихся, оздоровление условий труда и быта и непрерывное улучшение жизненного уровня широких масс трудящихся.., а также перестройку быта, в частности, решение проблемы женского труда, активизацию женщин без ущемления проблемы материнства" (там же, с. 151-152), А.П.Хоменко счел "совершенно безосновательным предположение о дальнейшем снижении рождаемости" (с.152) и пришел к выводу о неизбежности систематического уменьшения смертности. Он полагал, что к концу перспективного периода, т.е. к 1937 г., младенческая смертность снизится со 168‰ до 88‰ (чуть ли не вдвое), смертность же детей в возрасте 1-14 лет – на 30-40% по сравнению с 1926-27 гг. Столь оптимистические предпосылки привели его к заключению, что "средняя продолжительность жизни населения... на протяжении приблизительно двух пятилеток социалистического строительства увеличивается на 12-13 лет" (там же, с. 159).

Конечные результаты расчетов А.П.Хоменко (к сожалению, полная его таблица не сохранилась), хоть и основывались на иных приемах, все же примерно совпали с показателями, содержащимися в таблице смертности и средней продолжительности жизни М.В.Птухи. Если по первому из них средняя продолжительность жизни новорожденного мальчика к 1937 г. должна была достигнуть 56,48 г., а девочки – 58,14 г., то по второму соответственно 56,76 г. и 59,79 г. Вероятно, в условиях нормального социально-экономического развития страны действительные вели-

чины были бы несколько меньше, но не столь отклонялись от предполагавшихся. Ошибки обоих авторов не в методике и тем более не в технике расчета гипотетических таблиц, а в том, что расчеты проводились вопреки всему происходившему в те годы в Советском Союзе, причем прежде всего – на Украине, где они оба работали. Рабочая гипотеза не вытекала из действительности, а игнорировала ее, противоречила ей. Вот почему подобную гипотезу приходится назвать не столько ошибочной, сколько фарисейской. Такое определение к А.П.Хоменко относится, конечно, в гораздо большей степени, поскольку его статья появилась в украинской печати буквально накануне украинского "голокоста", тогда как текст токийского доклада М.В.Птухи был отправлен из Киева по меньшей мере двумя годами раньше.

Так или иначе, упомянутая гипотеза была сформулирована уже после "великого перелома", в разгар коллективизации, раскулачивания и борьбы с т.н. украинским буржуазным национализмом, в канун страшнейшего голода. Нелишне напомнить, что к 1938-39 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного мальчика составляла в СССР 44,6 г., а девочки – 52,0 г. и возросла по сравнению с 1926-27 гг. соответственно на 2 и 3 года. Даже если предположить, что на Украине эти показатели были несколько выше, чем по всей стране, отклонение предсказанного А.П.Хоменко уровня от фактического оказалось очень существенным. Что же касается рождаемости, то, по имеющимся весьма неполным данным, именно на Украине ее сокращение в годы коллективизации было наиболее заметным.

Таким образом, вопреки теоретическим предпосылкам, победная поступь социализма сопровождалась не стремительным, а весьма медленным увеличением средней продолжительности жизни (в отдельные годы – ее существенным сокращением), и не стабилизацией, а снижением уровня рождаемости. Теоретические предпосылки, вытекающие из марксистко-ленинского учения о развитии общества, были опровергнуты практикой т.н. социалистического развития, но это, как известно, не привело ни к пересмотру теории, ни к изменению практики. К сожалению, это не способствовало также развитию отечественной демографии. Ликвидированная в 30-е гг., она и в 60-е, после своего вторичного рождения, оставалась служанкой марксизма-ленинизма и его официальных интерпретаторов.

Естественно, что расхождения между фактической и прогнозированной А.П.Хоменко численностями населения Украины (в ее границах до 17 сентября 1939 г.) тоже оказались очень существенными. Так, к 1940 г. она составила не 37,9 млн., а всего 30,5 млн. чел., численность же, прогнозированная на 1945 г. (43,0 млн.), даже в новых границах республики была достигнута лишь спустя 16 лет. Сам автор, по всей вероятности, не дожил до оглашения итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г. (искушенный советский читатель понимает, почему в биографическом очерке, которым открывается посмертный сборник работ А.П. Хоменко, дата смерти не приводится, зато сказано, что "его жизнь... оборвалась, когда он был в рацвете физических и духовных сил": В.С.Стешенко, 1980, с. 18). Не исключено, однако, что сотрудничая в последние годы жизни с Демографическим институтом АН УССР, директором которого был М.В.Птуха, он имел возможность обменяться с шефом мнениями о судьбе разработанных ими прогнозов. Может быть, накануне гибели он убедился и в преимуществах пусть далекого от совершенства, но все же эмпирического метода перед методом, который не столько вытекал из нежизненных догм, сколько призван был служить им подспорьем.

2. Послевоенные перспективные исчисления советских авторов.

Нет ни малейшего сомнения, что после войны 1941-45 гг. совесткие демографы не прекратили научной и практической деятельности в области прогнозирования. Об этом свидетельствуют как опубликованные ими методические работы, так и отдельные высказываемые в печати соображения или приводимые цифры. Преобладающая часть многочисленных публикаций не заслуживает даже упоминания, однако некоторые позволяют извлечь небезынтересные выводы. Обильная, но преимущественно пустопорожняя, в лучшем случае повторяющая зады мировой науки литературная продукция, по-видимому, стимулировалась и направлялась сверху. Не случайно проблему прогнозирования в начале 70-х гг. затронули тогдашний премьер и сам Генсек. Директивно прозвучали их слова, что "научным в современных ус-

ловиях может быть лишь такое планирование, которое базируется на тщательно разработанных долгосрочных прогнозах – технических, экономических, демографических и др." (А.Н.Косыгин, 1972. с. 39) и что "в этой связи встает вопрос о перспективном долгосрочном планировании народного хозяйства, опирающемся на прогнозы роста населения, потребностей народного хозяйства, научно-технического прогресса" (Л.И.Брежнев, "Материалы ... ", 1971, с. 67). Вероятно, кто-то где-то как-то эти директивы выполнял, а кто-то другой в соседнем, быть может, кабинете ревностно засекречивал результаты научно обоснованных перспективных исчислений и плоды административного творчества получивших очередное задание номенклатурщиков.

Впрочем, к чему тут домыслы? В учебнике, рекомендуемом студентам-экономистам Министерством высшего и среднего специального образования СССР, мне попались следующие фразы: "В последние годы органы ЦСУ СССР ведут большую работу по составлению прогнозов... В 1979 г. была проведена по более широкой, чем в 1959 и 1970 гг., программе очередная Всесоюзная перепись населения, материалы которой позволили уточнить перспективные расчеты населения нашей страны как на 1985 г., так и на более отдаленную перспективу – 1990 и 2000 гг., что... имеет особо важное значение при составлении долгосрочных планов развития экономики СССР" (С.Я.Боярский и соавт., 1980, с.240). ЦСУ – отнюдь не единственное учреждение, которому в СССР доверено демографическое прогнозирование. По признанию С.А. Араб-Оглы (1982), им занимаются также Научный центр по изучению проблемы народонаселения экономического факультета МГУ, Научный совет по народонаселению АН СССР и другие научные центры (по-видимому, киевский, ташкентский и новосибирский).

Уже после злосчастной переписи 1979 г., якобы проведенной по более, чем две предыдущие, широкой программе, но почти столь же скудной по опубликованным результатам, как перепись 1939 г., появилась статья двух ответственных работников ЦСУ СССР (Р.Дмитриева, А.Волков, 1982), а посему имеющая не только методическое значение. С притворной наивностью, но и не без цинизма они констатировали, в частности, что "новые задачи требуют дальнейшего совершенствования демографического прогнозирования... Советской статистикой накоплен большой

опыт перспективных расчетов численности и возрастно-полового состава населения... Сейчас вполне назрела необходимость и аналогичных оценок ожидаемого состава населения по брачному состоянию, а также ожидаемой численности семей и распределения их по величине... Другое направление работы в этой области – совершенствование методов прогноза для отдельных территориальных единиц" (с.12).

Прочтя эти строки, исследователи, не получившие в соответствующих органах т.н. допуска, могут успокоиься. Все необходимое демографической статистикой в СССР уже сделано или делается, хотя, разумеется, кое-что надлежит усовершенствовать. Отсутствие публикаций с конкретными результатами – такой пустяк, что о нем и упоминать не стоит. Впрочем, авторы, рядящиеся в тоги авгуров, уверены, что искушенному советскому читателю и не нужно ничего объяснять. Он сам понимает, почему следует хранить государственную тайну. Не напрасно учили его бдительности.

Не менее определенно, к тому же применительно к более раннему периоду, высказался Л.Л.Рыбаковский (1978), согласно которому "после проведения в 1959 г. переписи населения СССР в стране интенсивно стали осуществляться демографические прогнозы. Первые прогнозы, сделанные в конце 1959 г. и начале 60-х, не учитывали миграции" (с. 144), но с 1963 г. благодаря работам ряда исследователей и этот фактор якобы занял прочное место в методике перспективных исчислений союзных республик, экономических районов и отдельных городов. Судя по цитируемой монографии, исключительную активность в этой области демографических исследований проявили в те годы сотрудники Сибирского отделения АН СССР, разработавшие ряд прогнозов трудовых ресурсов и их распределения на востоке страны.

Итоговую черту подвела Г.Ш.Бахметова (1982), отметившая неудачу авторов прогноза ЦСУ, составленного после переписи 1959 г. и опубликованного в 1963-64 гг. (именно он лег в основу выступления П.Г.Подъячих, 1966; см. ниже). Констатировав, что в 60-е гг. "прогнозы населения СССР... выполнялись не только органами государственной статистики, но также отдельными учебными" (с. 80) заведениями, она с нескрываемым пессимизмом добавила: "Все последующие расчеты населения СССР вы-

полнены уже ЦСУ на базе переписи населения 1970 г. Однако каких-либо публикаций на этот счет не имеется. Весьма затруднительно также давать какие-либо оценки населения СССР на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1979 г. в силу недостатка информации" (с. 82).

К сожалению, все остальные подцензурные авторы на разные лады повторили голословные декларации связанных с ЦСУ служебными узами А.Я.Боярского (1980), Р.Дмитриевой и А.Волкова (1982), Л.Л.Рыбаковского (1978) и иже с ними. Последнему, как свидетельствует приведенная выше цитата, все ясно. Указаны даже временные интервалы перспективных исчислений, известны их административно-географические параметры, не скрываются применявшиеся методики, подчеркивается практическая значимость работы. Не приводятся только конкретные результаты многочисленных прогнозов, над которыми более двадцати лет корпит ЦСУ, а также подведомственные ему и сотрудничающие с ним НИИ, хотя говорится, что именно эти результаты составляют незыблемую почву всех пятилетних планов развития народного хозяйства Советского Союза, союзных и автономных республик, экономических районов.

И поэтому красноречивее каких бы то ни было слов, произнесенных советскими демографами, по-прежнему остались пробелы в их трудах. Так, в докладе начальника ЦСУ СССР В.Н.Старовского (1960), который, как можно полагать, поразил своим примитивизмом всякое со времен Лысенко повидавших советских академиков, не приводилась ни одна конкретная цифра, а в методической работе А.Я.Боярского (1972), за которым укрепилась слава ведущего специалиста по математической статистике, – ни одна развернутая формула (кроме давно известных по студенческим учебникам).

Еще показательнее монография Г.А.Бондарской (1977), в которой изложены результаты столь существенного для демографического будущего Советского Союза явления, как этническая дифференциация рождаемости. Г.А.Бондарская остановилась (или была остановлена), однако, на полпути, и основной вывод, извлеченный из ее исследований, прозвучал насмешкой над читателем. В самом деле: ни глубокие теоретические знания, ни специальные исследования и перспективные исчисления не требовались для того, чтобы сказать, что "современный режим воспро-

изводства (а вернее – уровень рождаемости) при условии его сохранения и сложившаяся к 1970 г. возрастная структура отдельных национальностей могут привести к очень различным темпам роста их численности" (с. 93). Положения не спасает и приведенная автором диаграмма, где предполагаемый при определенном выше условии количественный рост основных национальностей СССР выражен в процентах по отношению к 1970 г., а на оси абцисс, по которой отложен временной интервал 1970-2000 гг., цензором вычеркнута шкала.

Разумеется, приложив к диаграмме простую школьную линейку, этот пробел можно восполнить. Таким дотошным читателям нелишне все же напомнить об одном недавнем открытии. Геодезические съемки с американских искусственных спутников Земли показали, что географические карты, печатаемые в СССР, весьма обманчивы: кружочки, обозначающие на них города, произвольно передвинуты хоть на полминуты восточнее или западнее, севернее или южнее (вот она – модифицированная в соответствии с духом времени деятельность организации, относительно недавно называвшейся "смерть шпионам"!). Смещение шкалы на диаграмме по сравнению с этим – мелочь, о которой и упоминать бы не стоило, если бы из исследований Г.А.Бондарской не извлекали далеко идущих выводов (М.Геллер, 1981; Э.Каррер д'Анкос, 1982).

Тем не менее все рекорды в этой области были побиты на XII сессии Комиссии по народонаселению ООН. Судя по официальному отчету, опубликованному в "Вестнике статистики" ("XII сессия... ", 1963), советские делегаты в каждом выступлении поучали зарубежных коллег и с большевистской прямотой вскрывали глубочайшие ошибки, допущенные при составлении прогнозов ООН, в которых-де совершенно не учитывалось закономерное снижение рождаемости, вызванное миграцией сельского населения в города. При этом указывалось, что советские специалисты давным-давно научились вести перспективные исчисления населения с учетом не только его естественного, но и пространственного движения, однако замалчивался факт, что до недавнего времени категорически отвергались предположения о возможном не только в капиталистических, но и в социалистических странах сокращения рождаемости.

Советские делегаты обходились без ссылок на составленные в

СССР прогнозы. Вместо цифр, с помощью которых можно было бы опровергнуть те или иные предпосылки, действительно сформулированные экспертами ООН (см. ниже) без должного критицизма, исключительно на основании экстраполяции в будущее тенденций, проявившихся в прошлом, выдвигались голословные, бездоказательные обвинения. Характерен эпизод с А.Сови, который был пригвожден к позорному столбу за "искажение позиции советского делегата на XI сессии". Оно якобы выразилось в том, что в предисловии к изданному во Франции учебнику Р.Пресса (1961) крупнейший французский демограф вскользь упомянул о реплике одного из советских коллег, оспаривавшего тезис о росте населения мира в послевоенный период по незнанию, только потому, что "в СССР наука о населении была длительное время в пренебрежении" (там же, с. 85). Что произошло на самом деле, не знаю. Полагаю все же, что П.Г.Подъячих, возглавлявший советскую делегацию в комиссии ООН, получил прямое указание выступить с опровержением не по поводу этой реплики, а из-за упоминания о печальном прошлом советской демографии. Снял ли он при этом ботинок и стучал ли им по пюпитру (и это было бы одобрено тогдашним руководством), – тоже не знаю. Так или иначе, А.Сови извинился перед советской делегацией и обязался к следующему изданию учебника пересмотреть свое предисловие.

Честь советской делегации была спасена, оскорбившая ответственного руководителя советской демографической статистики фраза из предисловия вычеркнута, а сам он, хоть и в ореоле морального победителя, но не имея на своем счету ни одной солидной работы, спустя два года прочел на международном форуме обширный доклад об успехах прогнозирования в СССР (П.Г. Подъячих, 1966). Значение этого выступления, конечно, не в том, что впервые после многолетнего перерыва один из советских представителей получил возможность ознакомить научный мир с достижениями отечественной демографии в прогнозировании. Такая возможность была сознательно упущена по очень простой причине – из-за отсутствия достижений. Деловой тон, характерный для дискуссий на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, заглушило изложение принципов, которыми якобы всегда руководствовались советские специалисты в области демографического прогнозирования. Этот доклад не заслу-

живал бы упоминания, если бы в нем не приводились (впервые в послевоенной подцензурной литературе и в то же время в предпоследний раз) конкретные результаты официально апробированных перспективных исчислений.

Приведенные докладчиком данные свидетельствуют о том, что авторы прогноза, хотя исходили из предположения о некотором снижении темпов количественного роста населения СССР, все же предусматривали увеличение его численности за 20 лет на 27,3-29,6%, т.е. примерно на 1,2-1,3% в среднем в год. Согласно этим цифрам, на протяжении перспективного периода предусматривался значительный рост городского населения (почти на 76%) и сокращение численности сельского населения (на 18%). Незначительный рост смертности, судя по итоговым показателям естественного движения, сопровождался бы малосущественным сокращением рождаемости. Есть основания полагать, что, по мнению авторов прогноза, оно было бы обусловлено не уменьшением повозрастных коэффициентов плодовитости в обеих субпопуляциях, а только увеличением доли городского населения, уровень рождаемости которого уступает уровню рождаемости на селе.

Известно, что действительность нанесла сокрушительный удар как по предпосылкам этого прогноза, так, само собой разумеется, и по его конечным результатам. Общая численность населения СССР лишь к концу 1980 г. (266,6 млн.) достигла уровня, который предусматривался на 1976 г., а расхождение между прогнозированной и фактической численностями составило 8-13 млн. чел. Вместо предполагавшихся 59-64 млн. действительный прирост едва превысил 50 млн., т.е. оказался на 15-22% меньше прогнозированного. Хотя численность городского населения не достигла предполагавшегося уровня (уступала ему на 21 млн., т.е. на 11%), а сельского превысила его (на 8 млн., т.е. на 9%), рождаемость снизилась по сравнению с 1960 г. не на 14,5%, а на 26,5%, смертность же возросла не на 42,0%, а на 46,5%, и этот рост никак нельзя объяснить одним только постарением населения.

Подобная участь постигла и прогноз, разработанный на основе итогов переписи 1970 г. (Э.Ю.Бурнашев, 1974; Д.И.Валентей, В.В.Бодрова, 1979; "Население социалистических... ", 1971). Его авторы предполагали, что за первую половину перспективно-

го периода (1971-90 гг.), т.е. с начала 1091 г. до конца 1980 г., численность населения СССР увеличится с 243,9 млн. до 272,1 млн. (на 11,6%), а за вторую – до 304,5 млн. чел. (еще на 11,9%, а всего на 24,8%). Но к началу 1981 г. численность населения страны уступала предполагавшейся на 5,5 млн., а фактический средне-годовой прирост в 1971-80 гг. (9,0‰) был существенно ниже предполагавшегося (11‰). На второе десятилетие перспективного периода закладывался среднегодовой прирост населения порядка 11,5‰, в действительности же в 1981-82 гг. он еще более снизился (до 8,5‰) и, несмотря на "рекордную" величину в 1983 г. (Н.А.Тихонов, 1984), вряд ли в 1981-90 гг. превысит 6,5‰ (см. ниже). Если эта гипотеза подтвердится, численность населения СССР к концу 1990 г. составит не 304,5 млн., а только 283,0 млн. чел., т.е. окажется на том уровне, который предполалось достигнуть примерно в 1984 г. Отклонение фактической численности населения страны от предполагаемой составило бы в этом случае 21,5 млн. чел. (7,1%), а фактического абсолютного прироста (39,1 млн.) от прогнозированного (60,6 млн.) – 21,5 млн. (64,5%).

По-видимому, этот прогноз ЦСУ впоследствии подвергся корректировке. Ее результаты, насколько мне известно, приведены только в качестве учебно-методического примера в очередном издании вузовского учебника демографии (А.Я.Боярский. 1985) Конечно, характер публикации не дает основания считать, что результаты этих перспективных исчислений были апробированы руководством органов государственной статистики, но фамилия редактора говорит сама за себя. А.Я.Боярский достаточно долго возглавлял НИИ ЦСУ СССР, чтобы ориентироваться, какие примеры можно поместить в учебнике, который неминуемо проходит пристрастный контроль.

Новый расчет охватывает 30-летний перспективный период (1970-2000 гг.), причем, судя по возрастной группировке, каждый "шаг" в нем составляет 10 лет. Можно поэтому сомневаться в достаточной точности расчетов, которая еще более снижается из-за того, что на весь период заложены неизменные коэффициенты повозрастной рождаемости и смертности. Тем не менее результаты этих перспективных исчислений представляют определенный интерес, ибо показывают, что ведущие советские демографы не позднее конца 70-х гг. убедились в необоснованности

надежд на сохранение относительно высоких темпов количественного роста населения страны. За весь охваченный прогнозом период оно должно – при заложенных предпосылках – возрасти с 241,5 млн., до 309,8 млн.,т.е. на 28,3%, что не дает и 8,5‰ в среднем в год. Неблагоприятные изменения возрастной структуры приведут к тому, что этот показатель в последнем десятилетии уменьшится до 7,5‰.

Любопытно сравнение результатов, относящихся к 1990 г. По приведенному выше прогнозу ЦСУ (1966), численность населения СССР к концу указанного года должна была достигнуть 304,5 млн., тогда как расчет А.Я.Боярского (1985) приводит к 293,2 млн. (я внес здесь необходимую поправку на одногодичный естественный прирост). Таким образом, если по прежнему прогнозу естественный прирост населения СССР в 1970-90 гг. должен был составить 63,0 млн., то по новому – только 51,7 млн., т.е. на 18% меньше. Немалое расхождение обнаруживается и при сравнении с прогнозом экспертов ООН (Selected ..., 1975), по которому естественный прирост в 1970-2000 гг. должен был достигнуть 72,5 млн., что превышает величину, предусматриваемую прогнозом А.Я.Боярского, на 4,2 млн. (6,1%). Характерно, что только половина этого расхождения приходится на возрастные группы, в которые в 2000 г, войдут совокупности родившихся на протяжении перспективного периода. Отсюда следует, что А.Я.Боярский закладывал в свой прогноз более, чем эксперты ООН, пессимистические предпосылки не только в отношении рождаемости, но и смертности. Будущее, вероятно, покажет, что и он проявил чрезмерный оптимизм (см. главу У1).

При отмеченных выше недостатках в приведенной таблице 1У.4 результатах перспективных исчислений выявляются некоторые весьма важные тенденции демографического развития СССР в конце XX в. Среди этих тенденций особого внимания заслуживают: существенное увеличение совокупности лиц в возрасте 60 лет и старше (на 22,8 млн.) и ее доли в структуре всего населения (с 12,0% до 16,7%, т.е. более чем на одну треть исходной величины); очень незначительное увеличение (всего на 9,9 млн.) контингента детей и молодежи (в возрасте 0-19 лет), недостаточное для сохранения его доли в структуре всего населения (она сократится с 38,1% до 32,9%); сглаживание вызванных войной глубоких диспропорций в структуре населения по полу (общий

показатель феминизации с 1170 уменьшится до 1088, т.е. на 7%, а в возрасте 0-49 лет – с 1033 до 987); замедляющийся прирост трудовых ресурсов; заметное увеличение контингента женщин в детородном возрасте и улучшение его возрастной структуры. Квантификация перечисленных тенденций заставляет, однако, желать лучшего...

Несмотря на допущенные в прогнозах ЦСУ СССР и заслуженного руководителя его НИИ ошибки и на глубокие изменения в режиме вопроизводства населения Советского Союза, подцензурная литература не обогатилась ни одним конкретным исследованием, в котором приводились бы скорректированные прогностические данные. Трудно себе представить, что советские специалисты, подавленные неудачами, вообще отказались от перспективных исчислений. Да им бы и не разрешили закрыть эту тему, ибо такие данные требовались и плановикам, и генштабистам. Не подлежит поэтому сомнению, что перспективные исчисления населения проводились в СССР по меньшей мере столь же часто, как в прочих развитых странах. Молчание же советских специалистов следует связывать просто-напросто в тем, что результаты составляемых в рабочем порядке демографических прогнозов окружены в СССР глубочайшей тайной. Коль скоро это так, нетрудно догадаться, что новейшие отечественные прогнозы не дают оснований для оптимизма.

Похоже на то, что если не считать М.С.Бедного (1972) и И.Калинюк (1974), ограничившихся составлением аналитических прогнозов, избегая реалистических, – последним оптимистом (притом не казенным, а, видимо, искренним и убежденным) был Ю.А.Корчак-Чепурковский (цит. по изд. 1970). К сожалению, опубликованные главы его монографии не содержат результатов перспективных исчислений, проделанных им в 1960-63 гг. В них приведены, однако, краткие гипотетические таблицы смертности населения УССР на 1961-80 гг., в соответствии с которыми осуществлялась передвижка возрастов и определялась численность отдельных возрастных групп к концу перспективы. Согласно этим таблицам, средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного мальчика должна была к 1976-80 гг. достигнуть 72,82 г., а девочки – 76,82 г. В действительности к началу 70-х гг. она по стране в целом составила соответственно 64 и 74 г. (ЦСУ СССР, "Население... ", 1975), т.е. усту-

пала предусмотренной Ю.А.Корчаком-Чепурковским на 9 лет и 3 года.

С тех пор процесс продления средней продолжительности жизни населения СССР приостановился (см. главы П и Ш) и, внося поправки на региональную дифференциацию этого показателя, нетрудно себе представить, насколько завышенной оказалась определенная с использованием этих таблиц численность населения республики. Чтобы облегчить читателю выработку собственного мнения по этому вопросу, приведу один конкретный пример. По данным переписи 1959 г. в УССР проживало 1.511,7 тыс. мальчиков в возрасте 10-14 лет. По составленным Ю.А.Корчаком-Чепурковским гипотетическим таблицам смертности (1979, с. 380) ожидаемое в 1979 г. число мужчин в возрасте 30-34 лет (при условном исключении миграции) определяется путем умножения исходной величины на последовательные вероятности дожития (0,9958; 0,9955; 0,9960 и 0,9964) и равно 1.487,2 тыс., а потери в результате смертности в 1959-78 гг. – 24,5 тыс. или 16,21‰ по отношению к исходному числу. Можно, однако, условно принять, что вероятность дожития в первой половине этого периода соответствовала параметрам, сожержащимся в таблицах 1958-59 гг. (ЦСУ СССР, "Итоги... ", 1962), а во второй – в таблицах 1968-71 гг. (ЦСУ СССР, "Смертность и средняя...", 1974). В этом случае ожидаемое число мужчин в возрасте 30-34 лет уменьшится до 1.439,2 тыс., тогда как потери в результате смертности возрастут до 72,3 тыс., или 47,83‰ по отношению к исходному числу (это – оптимальный вариант, действительные вероятности дожития были гораздо ниже; см. главу Ш).

Таким образом, доживи Ю.А.Корчак-Чепурковский до оглашения итогов переписи 1979 г., он бы в одной только этой возрастной группе не досчитался чуть ли не 50 тыс. мужчин! Несомненно, столь глубокий исследователь сумел бы вскрыть причины своих ошибок и извлечь из них выводы, далеко выходящие за пределы демографии. Не вдаваясь в излишние в данном контексте подробности, скажу лишь, что, на мой взгляд, основная причина этих ошибок – его вера в необратимость эволюции средней продолжительности жизни и в способность советской социально-экономической системы преодолевать возникающие на ее пути препятствия.

Я не рассмотрел пока с точки зрения прогнозирования работ

М.С.Бедного (1967, 1972, 1979), в которых он не только поделился своими общими соображениями о методике демографического прогнозирования, но и привел некоторые результаты собственных перспективных исчислений. Эти работы (особенно вторая) заслуживают внимания лишь потому, что автору чудом удалось пробиться сквозь цензурную стену молчания и опубликовать хоть какие-то конкретные данные. Нельзя, впрочем, исключить, что "добро" на издание его докторской диссертации было М.С.Бедному дано только после того как он убедил цензоров в безобидности своих расчетов, абсолютно лишенных шансов на подтверждение и носящих поэтому чисто теоретический характер.

Не буду голословным. Сам М.С.Бедный (1972) предваряет свои результаты следующими методическими замечаниями, касающимися предпосылок черырехвариантного прогноза: "Для первого варианта расчетов были распространены на будущее (до 2000 г) неизменные показатели повозрастной плодовитости и смертности, которые были зарегистрированы в течение двух лет, смежных году переписи (1959 г.). Приняв заведомо неправдоподобную гипотезу, которая не оправдала себя уже спустя несколько лет после переписи, было показано, как бы изменялось население, если бы показатели плодовитости и смертности до 2000 г. оставались такими же, какими они были при переписи 1959 г., и если бы перспективные расчеты производились от этой базовой даты. Сравнение с другими вариантами, для которых были приняты иные предпосылки наглядно отразило воздействие неизменяющейся плодовитости и смертности на общую численность и возрастно-половой состав населения.

Второй вариант рассчитан, исходя из распространения на будущее показателей плодовитости и показателей доживаемости, которые были в 1966-67 гг. Для этого и других вариантов базовой датой отсчета принят 1970 г. Для третьего варианта была принята гипотеза о постепенном и пропорциональном снижении повозрастной плодовитости до 1980 г., когда она приблизится к минимальным величинам, зарегистрированным в 1968 г. в мире, а затем будет снова повышаться в таком же порядке, как снижалась. Показатели доживаемости взяты за 1966-67 гг. и неизменными для всего расчетного периода. Четвертый вариант рассчитан, исходя из предпосылки распространения на будущее наибо-

лее низких показателей плодовитости (городское население РСФСР 1965.) и увеличивающейся средней продолжительности жизни, исчисленной в соответствии с гипотезами о снижении смертности от отдельных причин (был взят оптимистический вариант", с. 241).

Что тут сказать? Автор называет "заведомо неправдоподобной" только гипотезу, положенную в основу первого варианта, но не добавляет, что столь же неправдоподобны и остальные. Непонятно, на каком основании он сформулировал гипотезу о неизменной плодовитости на уровне 1966-67 гг. (вариант второй), почему предположил, что она будет то снижаться, то повышаться (вариант третий), чем сумел бы подкрепить свое предположение, что на протяжении всего трех десятилетий плодовитость, характерная для сельских районов Таджикистана, снизится до уровня, отмеченного в середине 60-х гг. в городах Российской Федерации (вариант четвертый). Столь же неправдоподобны предпосылки, из которых он исходил при передвижке возрастов, производимой на основе гипотетических показателей доживаемости (они были опровергнуты действительностью еще до выхода в свет цитируемой монографии). Если гипотезу о неизменной плодовитости можно еще оправдать ссылкой на аналитический характер прогноза, то все остальные представляются взятыми с потолка.

Тем не менее из итоговых цифр перспективных исчислений М.С.Бедного удается кое-что извлечь. Автор привел их только в виде наглядных показателей (по отношению к фактическим данным, зарегистрированным в 1969 г.), что, по-видимому, требовалось из цензурных соображений. Никакой Главлит не запретит, однако, перевести их в абсолютные цифры и установить, что численность населения СССР к 2000 г. определялась М.С.Бедным по первому варианту равной 330,1 млн., по второму – 311,1 млн., по третьему – 292,9 млн. и по четвертому – 296,9 млн. "Вилка" между максимальным и минимальным вариантами (37,2 млн., или 41-70% по отношению к предполагаемому приросту и 12,0-12,7% к предполагаемой численности населения) довольно внушительная, но от такого рода перспективных оценок большего требовать, пожалуй, нельзя.

Стоит в заключение отметить, что, согласно второму варианту, который не сочтен автором заведомо неправдоподобным, он

допускает возможность увеличения общей сложности численности населения СССР в период 1969-99 гг. на 29,9%, что дает среднегодовой показатель прироста 8‰. И этот расчет опубликован в 1972 г., когда уже было известно, что среднегодовые темпы роста за короткий срок снизились чуть ли не в полтора раза (с 17,5‰ в 1950-59 гг. до 12,5‰ в 1960-71 гг.)!

В отличие от М.С.Бедного (1972), .Калинюк (1974) прямо написала, что выполненные ею "перспективные расчеты населения представляют собой условный прогноз, основанный на изучении влияния снижения смертности в основных возрастных группах на формирование возрастной структуры населения СССР в 2000 г. Эти расчеты не претендуют на достоверность, они – всего лишь модель, которая показывает, как сформировалась бы возрастная структура нашего населения при заданном снижении смертности и увеличении средней продолжительности жизни" (с. 62). Не стану вдаваться в детальный разбор результатов, тем более, что они приведены лишь в виде наглядных показателей, а итоговые численности населения попросту опущены. Заслуживает упоминания только факт, что при условии стабилизации смертности на уровне 1959 г. (средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного – 68,6 г.) доля возрастной группы 0-14 лет к 2000 г. уменьшилась бы до 27,0%, а 60 лет и старше возросла до 16,0%, тогда как при условии равномерного снижения смертности во всех возрастных группах (средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного – 89,4 г.) соответствующие показатели составили бы 25,0% и 21,5% (при неизменной плодовитости). Разумеется, второй из приведенных вариантов имеет чисто познавательное значение, ибо продление жизни до указанного уровня невероятно. Нелишне все же заметить, что в случае ее продления до 78,2 г. доля младшей возрастной группы не изменяется, а старшей несколько возрастает.

Добавлю, что, кроме результатов перспективных исчислений, на подцензурные страницы время от времени попадали и приблизительные оценки, преимущественно основанные на "простой экстраполяции темпов роста за истекшие десятилетия" (Б.Ц.Урланис, 1974, с. 323). К их числу относится оценка А.Маркина (1970), согласно которому "можно предположить, что к столетнему юбилею Советского государства численность населения достигнет 400 млн. чел". (с. 211; предполагаемую численность населения СССР в 2000 г. автор оценил в 325 млн. чел.).

Изложенным исчерпываются преданные гласности научно-исследовательские достижения советских специалистов в области демографического прогнозирования. В те годы, однако, когда появились монография М.С.Бедного (1972) и статья И.Калинюк (1974), по нескольким публичным высказываниям общественность могла составить определенное представление об обилии неопубликованных перспективных исчислений и догадаться, почему они снабжались грифами "секретно" и "совершенно секретно" или мертвым грузом лежали в ящиках профессорских письменных столов.

Эти высказывания позволили мне окончательно убедиться в том, что, во-первых, в СССР работа по демографическому прогнозированию кипит ключом, что, во-вторых, кроме официальных результатов накоплен и ряд неофициальных, отражающих личные мнения отдельных специалистов, и что, в-третьих, вряд ли можно надеяться на детальное ознакомление с предпосылками и содержанием разработанных прогнозов.

В 1972 г., т.е. вскоре после переписи 1970 г., итоги которой многими воспринимались как симптом существенных сдвигов в демографической ситуации, в "Литературной газете" была помещена статья, автор которой решительно опроверг все прогнозы ООН и поведал читателям, что их результаты сильно завышены. "По расчетам... А.Я.Боярского, – добавил он, – 330 млн. является максимальным вариантом. Скорее всего эта величина будет еще меньше" (А.Кваша, 1972). Так выяснилось, что кроме прогноза ЦСУ существует неопубликованный и отличающийся от него прогноз подведомственного ему института.

Несколько лет спустя на ту же тему в том же всеохватывающем еженедельнике вновь высказался А.Кваша. И не он один, также некоторые его коллеги ("Человечество... ", 1976), приглашенные к участию в демографической анкете "Литературной газеты".

Ни в одном из ответов на первый вопрос анкеты – "Какова будет численность населения СССР к 2000 г.?" – не назывались цифры, к которым следовало бы прийти, признавая актуальность официального прогноза ЦСУ СССР (около 330-350 млн.), а уж тем более не то что превышающие, но хотя бы достигающие уровня, указанного в новейших (к тому времени) прогнозах ООН. Приведенные респондентами цифры, в частности, поразите-

льно для данного случая взвешенная цифра М.Бедного (308,5 млн.) убеждали в том, что редакция обратилась не к дельфийским оракулам (позволяю себе пошутить, хотя не забыл, что в демографии практикуется метод прогнозирования по экспертным оценкам, называемый дельфийским), а к авторам перспективных исчислений. Еще более убедительна в этом отношении аналогичная анкета "Литературной газеты", проведенная 10 лет спустя ("Так сколько же... ", 1986).

Расширен диапозон – к демографической ситуации в СССР относятся не четыре, как прежде, а шесть вопросов. Новые вопросы – "Будет ли продолжаться процесс постарения?", "Каким будет состав семьи?" – выдают тревогу. У респондентов и на них нашлись ответы, по сути пессимистические, по форме зачастую успокоительные.

Написал Б.Хорев: "К 2000 г. население в трудоспособном возрасте может составить 56% жителей страны. Доля населения в послетрудовом возрасте будет продолжать увеличиваться и достигнет 19%". Но: "Процесс этот закономерен, и не надо его опасаться. Лучше сосредоточить внимание на том, каким образом полнее и эффективнее использовать сохраняющийся жизненный потенциал пожилых и старых людей".

Л.Рыбалковский осторожен: "Хотелось бы, чтобы к 2000 г. ... (состав семьи) увеличился до 3,7 (чел). Скорее всего, он сократится и составит 3,3".

М.Бедный правоверен. Свое предположение, что размер семьи сохранится на уровне данных переписи 1979 г., он аргументирует большим вниманием, которое уделяется вопросам семьи в программных установках партии.

Так или иначе, исходя из тех или иных предпосылок, видные советские демографы выразили свои взгляды по всему диапозону тем. Где же их детальные разработки, где их скорректированные с учетом итогов переписи 1979 г. научные публикации? Вот на эти-то вопросы ответа нет.

И в 1976 г., и десять лет спустя редакция не обошла вниманием иностранных демографов. Но им адресованы вопросы глобального порядка. "Вопросник затрагивает положение как на всей планете, так и внутри нашей страны", – сказано во вводной части анкеты 1986 г. И далее в скобках, вскользь: "на эту часть ан-

кеты, естественно, отвечают только советские ученые". Почему же "естественно"? Разве иностранным ученым нечего сказать по поводу ситуации внутри нашей страны? Постараюсь продемонстрировать, что "Литературная газета" ошиблась.

3. Прогнозы зарубежных авторов

Искусственно созданный в литературе вакуум на протяжении всех этих лет заполнялся почти исключительно зарубежными специалистами. Первую попытку разработки демографического прогноза для СССР на 30 лет предприняли Ф.В.Нотстейн и соавт. (1944). Б.Ц.Урланис (1974) уклонился от сколько-нибудь подробного разбора этого прогноза и, посвятив ему один-единственный абзац, иронически заметил, что "хотя прогноз делался в разгар Великой Отечественной войны, авторы почему-то решили совершенно не принимать во внимание ее влияния на численность населения" (с. 324). Результаты этих перспективных исчислений оценены Б.Ц.Урланисом только с точки зрения их отклонения от действительности. Полностью игнорируется методическое и познавательное значение прогноза.

"Общая численность населения... очень значительно отличалась от действительной. К 1970 г. расхождение достигает 32 млн. чел." – констатировал Б.Ц.Урланис (там же) и, сочтя, что этим все сказано, перешел к рассмотрению других работ зарубежных исследователей. Смею полагать, что монография Ф.В.Нотстейна и соавт. заслуживала большего. Первое критическое замечание Б.Ц.Урланиса вряд ли можно считать обоснованным, поскольку авторы, к которым он отнесся так пренебрежительно, возможным демографическим последствиям второй мировой войны отвели в своей книге полтора печатных листа и тщательно проанализировали всю доступную тогда статистическую информацию.

Не их вина, что в ней не было данных об СССР. Ведь в 1942-43 гг., когда они формулировали предпосылки прогноза и рассчитывали его результаты, гитлеровцы оккупировали чуть ли не треть территории СССР. Молчание органов советской государственной статистики в тех условиях было вполне объяснимым. Но и потом, когда мировая общественность жадно ловила каждую

информацию о демографических потерях СССР, они не сообщили на эту тему ничего (буквально ничего!) конкретного. Заявление И.В.Сталина (1946[6]), как и мимоходом оброненные слова Н.С.Хрущева (1961), никого не удовлетворили. В такое же положение, как Ф.В.Нотстейн и соавт., неизбежно попадал каждый объективный исследователь, если он даже не в перспективном, а в ретроспективном плане пытался разобраться в демографических последствиях второй мировой войны для СССР.

К слову сказать, названные авторы провели перспективные исчисления не только по СССР, но и по всем остальным странам Европы, и ни в едином случае своей субъективной и неполной оценкой людских потерь в незавершенной к тому времени войне не корректировали исходных данных. Такой методический подход, мне кажется, не обесценил прогноза, а лишь изменил его суть, придав ему аналитический характер, ибо при уточнении положенных в основу предпосылок по динамике рождаемости и смертности, создавал возможность определения вызванных войной демографических потерь.

Именно в этом я усматриваю заслугу Ф.В.Нотстейна и соавт., которые еще до окончания войны снабдили специалистов первыми ориентировочными материалами о ее демографических последствиях. Не беда, что применительно к Советскому Союзу возникает дополнительная необходимость корректировки результатов, в ходе которой к итоговой численности населения, определенной в довоенных границах страны, следует прибавить величину, соответствующую предполагаемой на конец перспективного периода численности населения аннексированных СССР районов. Допуская для упрощения, что темпы его количественного роста в предусмотренных прогнозом, т.е. элиминирующих влияние войны условиях примерно совпадали бы с темпами роста населения Польши, Румынии и трех Прибалтийских государств (0,57% в среднем в год), можно установить итоговую численность населения СССР, к которой пришли бы Ф.В.Нотстейн и соавт., приняв во внимание изменение границ.

Эта величина составляет 274,9 млн., т.е. на 23,9 млн. превышает предполагаемую цифру, относящуюся к территории страны в границах до 17 сентября 1939 г., и на 32,1 млн. действительную численность населения СССР на середину 1970 г.

Разность между скорректированным результатом перспектив-

ных исчислений Ф.В.Нотстейна и соавт. и фактической численностью населения можно было бы, однако, счесть равной демографическим потерям СССР только в том случае, если бы никаких сомнений не вызывали предпосылки прогноза. В этом контексте весьма любопытно, что приведенная величина почти идеально совпадает с той оценкой валовых людских потерь, на которую давно намекал Б.Ц.Урланис (1963) и которую недавно в как нельзя более официальном "Ежегоднике БСЭ" привел А.Волков (1980), а затем повторили и обосновали Б.И.Искаков и соавт. (1982). Не знаю, случайное это совпадение или свидетельство того, что подцензурные авторы в своих попытках вырваться из плана навязанных сверху явно заниженных, голословных оценок хватаются за каждую цифру, которую хоть как-то можно приблизить ко все еще превосходящей ее трагической действительности.

Все дело, к сожалению, в том, что Ф.В.Ностейн и соавт. допустили серьезные ошибки именно в самой ответственной стадии своей работы, когда формулировали предпосылки прогноза. Следует помнить, что, приступая к перспективным исчислениям, они находились под свежим впечатлением сокращения рождаемости, которое почти во всей Зарубежной Европе наблюдалось на протяжении 1922-39 гг. и особенно усилилось под влиянием экономического кризиса 1929-33 гг. К тому же кризис хоть не прервал, но существенно затормозил благоприятные изменения повозрастных уровней смертности, способствовавшие в то же время оптимизации структуры смертности по возрасту умерших и непрерывному увеличению средней продолжительности жизни.

Ф.В.Нотстейн и соавт. исходили, таким образом, из явно заниженных коэффициентов повозрастной рождаемости, не учитывали возможности их повышения и весьма скептически оценивали перспективы дальнейшего снижения смертности. К тому же они не предусмотрели ни вполне закономерного компенсационного пика рождаемости (1945-47 гг.), ни, разумеется, того таинственного явления, которое с легкой руки американских демографов в 60-х гг. стало определяться как беби-бум, ни, наконец, совершенного в Зарубежной Европе качественного скачка в области борьбы за снижение детской смертности. В результате численность населения Европы (включая СССР в его послевоенных границах) – несмотря на огромные военнные потери – превзошла прогнозированный Ф.В.Нотстейном и соавт. уровень на 16%, при-

чем фактический прирост чуть ли не втрое превысил определенную ими величину.

Точно так же Ф.В.Нотстейн и соавт. ошиблись, оценивая перспективы рождаемости и смертности в СССР. Тут их, впрочем, нетрудно понять, т.к. – несмотря на победу социальной революции – в Советском Союзе в то время далеко было до завершения демографической. Эволюция смертности проходила в нем крайне медленно, а рождаемость даже накануне второй мировой войны лишь немногим уступала регистрируемой под конец 20-х годов. Легко подсчитать, что если бы авторы сумели предугадать сенсационное снижение смертности, отраженное таблицами средней продолжительности жизни (ЦСУ СССР "Итоги... ", 1962), итоговое отклонение их результатов от фактической численности населения страны существенно бы возросло.

Полагаю, что перечисленные ошибки отнюдь не компрометируют рассмотренного прогноза. Детище своего времени, он отразил тогдашний уровень знаний и должен оцениваться прежде всего как необходимый этап нового научно-исследовательского направления. В связи с этим вспоминается меткое замечание А.Кэллера (1956). Говоря о чрезмерной осторожности в формулировке предпосылок прогноза, проявляемой многими исследователями под впечатлением ранее допущенных ошибок или переоцененных тенденций, он привел известную пословицу: "Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду". Можно добавить, что именно потому люди реже ошпариваются кипятком, а демографы, вскрывая подобные ошибки, преодолевая их и нащупывая верные пути, развивают методику прогнозирования. Согласно Г.Макенроту (1953), все большее значение они придают теперь логике вещей и все критичнее руководствуются логикой чисел, все решительнее отходят от простой экстраполяции в будущее тенденций, наблюдавшихся в прошлом, и заменяют ее научно обоснованными оценками возможных изменений режима воспроизводства населения под воздействием зарождающихся в наблюдаемой действительности и усиливающихся или ослабевающих в будущем социально-экономических факторов. Именно с тех пор – в полном соответствии с определением А.Б.Тойбер – "демографические прогнозы стали одной из главных областей в демографии" и завоевали таких горячих сторонников их применения во всех общественных науках, как Ж.Фурастье (цит. по Э.Россету, 1973, с. 11).

Так же, как рассмотренный выше прогноз Ф.В.Нотстейна и соавт., аналитическим следует считать и прогноз Ф.Лоримера (1946). Прежде чем перейти к изложению и оценке его результатов, напомню, что Б.Ц.Урланис (1974) ставил автору в упрек обстоятельство, не имеющее прямого отношения к демографии. "Хотя книга, – писал он, – вышла в свет уже в 1946 г., когда были установлены новые границы Советского Союза, Лоример почему-то решил этот факт не принимать во внимание и исходил из территории страны... на январь 1939 г." (с. 324). Весь следующий абзац Б.Ц.Урланис посвятил опровержению цифр, характеризовавших, по мнению Ф.Лоримера, военные потери СССР. При этом в качестве достоверных приводились данные, которые со времен Хрущева долго фигурировали во всех советских официальных источниках и работах по демографии, а ныне опровергаются не только независимыми исследователями, но и некоторыми подцензурными авторами.

Что же касается границ Советского Союза, то стоит только внимательно взглянуть на обложку книги Ф.Лоримера и прочесть предисловие к ней, как все становится понятным. Во-первых, ко времени закрытия Потсдамской конференции Ф.Лоример, по всей вероятности, не предпосылки прогноза формулировал, а уже вычитывал гранки за несколько месяцев до того завершенной книги (коммюнике упомянутой конференции датировано 2 августа 1945 г., а предисловие, подписанное директором одного из департаментов Лиги Наций А.Ловдеем – сентябрем того же года). Во-вторых, ни Г.Трумэн, ни К.Эттли (а уж тем более У.Черчилль) не выступали на Потсдамской конференции с какими бы то ни было речами, позволявшими предположить, что они де-юре признали территориальные захваты, совершенные Советским Союзом в 1939-40 гг. в сговоре с фашистской Германией. В-третьих, работа Ф.Лоримера (так же, как руководимого Ф.В.Нотстейном Центра демографических исследований Пристонского университета) финансировалась Лигой Наций. А ведь она не только не признала захватов, но, напротив, решительно осуждала экспансионистскую политику СССР, приведшую к тому, что три страны – члены этой международной организации полностью утратили государственный суверенитет, а три другие лишились части своей довоенной территории. В-четвертых, наконец, в своей монографии (с. 188) Ф.Лоример, ссылаясь

на Ф.В.Нотстейна и соавт., привел основные результаты перспективных исчислений населения захваченных Советским Союзом территорий (при исключении влияния войны на численность могла к 1970 г. достигнуть, по мнению названных авторов, 24,1 млн.).

Оба варианта прогноза Ф.Лоримера (1946), несмотря на содержащиеся в предпосылках ошибки, сохранили познавательное значение. Приводя здесь некоторые результаты этих перспективных исчислений, я почти полностью опускаю их первый вариант, поскольку он заимствован из уже рассмотренной работы Ф.В. Нотстейна и соавт. (1944), и ограничиваюсь сопоставлением численностей населения на 1945 г., ибо они позволяют выяснить, как автор оценивал военные потери СССР. Зато я ввел в таблицу данные, характеризующие гипотетическую численность и возрастной состав населения СССР в его новых границах. Эта рубрика рассчитана путем прибавления к результатам Ф.Лоримера ориентировочных численностей отдельных возрастных групп, определенных мной на основе общей гипотетической численности населения аннексированных районов по состоянию на 1970 г. и при условии, что она по своей возрастной структуре не отличалась от генеральной популяции.

Несмотря на неточность методики, приведенные цифры дают основание констатировать, что результаты перспективных исчислений Ф.Лоримера (по их второму варианту) отклонились от действительности всего лишь на 4,7 млн., или 1,9% по отношению к фактической численности населения СССР на начало 1970 года. Отнеся величину расхождения не к общей численности населения, а к ее приросту в 1945-70 гг., можно установить, что она составляет 6,5%. И в этом случае, однако, трудно согласиться с Б.Ц.Урланисом (1974), по мнению которого "если бы Ф.Лоример правильно оценивал военные потери, то его прогноз довольно существенно отклонился бы от действительности" (с. 325).

Смею полагать, что такое мнение безосновательно. По Ф.Лоримеру, прямые военные потери населения СССР и сверхсмертность в сумме составили 13 млн., а "недород" – 6 млн. (т.е. всего 19 млн. чел.), а по Б.Ц.Урланису, общая величина военных потерь, включая дефицит рождаемости, несколько превышала 32 млн. чел. Такое расхождение в оценках почти не изменило абсолютной величины отклонения и привело лишь к тому, что про-

гнозируемая на 1970 г. численность населения Советского Союза не превзошла бы, а уступала фактической. И тут следует согласиться с Б.Ц.Урланисом (1974), считающим, что Ф.Лоример "не предполагал резкого снижения смертности в Советском Союзе" (с. 325). Однако Ф.Лоример не представлял себе истинных размеров демографической катастрофы, постигшей СССР в годы войны, а Б.Ц.Урланис...

Какие бы ошибки ни совершил Ф.Лоример в перспективных исчислениях населения страны, военные потери которой сначала полностью засекречивались, а затем преуменьшались, и где до сих пор по этому наболевшему вопросу не оглашены сколько-нибудь достоверные официально апробированные данные, любые упреки представляются безосновательными. Менее всего их можно было бы ожидать от ученого, посвятившего ряд своих исследований именно динамике населения СССР и проблеме военных потерь. Уж он-то (я имею в виду Б.Ц.Урлариса) не мог не знать, что на достоверность данных о военных потерях трудно рассчитывать даже в условиях, когда система текущего статистического учета функционирует нормально и не ограничена никакими требованиями секретности. При серьезнейших недочетах такой системы или засекречивании значительной части поставляемой ею информации ошибки, вытекающие из субъективных оценок, вполне понятны и простительны.

На протяжении 50-60-х гг., т.е. в период, когда в СССР уже стала публиковаться фрагментарная информация по статистике населения, а затем постепенно восстанавливалась демографическая наука, на Западе предпринимались разные попытки перспективных исчислений. Исходя из предпосылок и неизменности или постепенном снижении уровня рождаемости и относительно быстром уменьшении смертности, зарубежные авторы тех лет определяли вероятную численность населения СССР к 2000 г. в пределах 300 (П.Жорж, 1951) – 365 (А.Кассов, 1969) млн. чел. Только по мнению В. и Э. Войтинских (1953), она составила бы всего 260 млн. Познавательная ценность всех этих прогнозов невелика из-за несовершенства методики и ущербности информационного массива, которым располагали авторы.

По совершенно понятным причинам не слабеющий, а, пожалуй, все возрастающий интерес к демографическому будущему Советского Союза проявляли и продолжают проявлять исследо-

ватели Бюро цензов США. Много лет этой секцией руководил известный американский специалист, впоследствии профессор Джорджтаунского университета М.Фешбах, из-под пера которого вышел целый ряд работ, посвященных не только узкодемографической, но и комплексно рассматриваемой социально-экономической проблематике Советского Союза (1976, 1978, 1980, 1982, 1984).

Первые перспективные исчисления (А.Кемпбелл, Д.В.Брекетт, 1954) были проведены здесь задолго до того, как ЦСУ опубликовало итоги послевоенной переписи населения СССР. Естественно, что эта работа не могла претендовать на точность и представляет сейчас лишь исторический интерес, результаты же исчислений Б.Болдуина (1969, 1973, 1979) требуют существенной корректировки с учетом итогов всесоюзных переписей 1970 и 1979 гг., а также данных о возрастном составе населения СССР на 15 января 1979 г. Характерно, однако, что, выступая в качестве эксперта Конгресса, М.Фешбах еще осенью 1983 г. счел возможным оперировать выводами из прогноза пятилетней давности. По-видимому, результаты такой корректировки не представляются ему столь существенными, чтобы считать их непременным условием возможности использования прежних прогнозов как рабочих интсрументов.

Прогнозы Бюро цензов разрабатываются в четырех вариантах, отличающихся друг от друга по предпосылкам об уровне плодовитости (в варианте А предполагается, что она будет возрастать, в варианте Б — что сохранится на постоянном уровне, отмечаемом ко времени составления прогноза, в варианте В — что будет медленно снижаться и в варианте Г — что будет быстро снижаться). Не высказывая каких бы то ни было суждений о степени вероятности тех или иных изменений плодовитости и не отдавая предпочтения ни одному из предлагаемых вариантов, авторы этих прогнозов априори придают им аналитический характер.

Корректировка перспективных исчислений производилась с учетом текущей информации советской статистики и выявляемых на основе ее анализа тенденций. Весьма любопытны в этом отношении публикации П.Фести (1970) и М.Фешбаха (1978, 1982). Наиболее показателен прогноз, составленный Д.Болдуи-

ном (1973) после того как в его распоряжение поступили окончательные результаты переписи населения 1970 г., а также полные сведения об естественном и пространственном движении в 1970-71 гг. (таблица 1У.7). Все последующие прогнозы Бюро цензов по объективным причинам не могли претендовать на такую же точность, ибо с середины 70-х гг. объем поступавшей из СССР информации стал все более и более сокращаться, а в последние годы снова возникла необходимость замены информации примерными оценками.

Как свидетельствуют данные таблицы 1У.7, автор считается с возможностью значительного изменения темпов количественного роста населения Советского Союза. Если по варианту А среднегодовой прирост в 1975-2000 гг. составляет около 1,25%, то по варианту Г – только 0,58%. Неудивительно, что общий прирост населения по максимальному варианту (92,4 млн. чел., или 36,2% по отношению к исходному уровню) более чем вдвое превзошел величину прироста по минимальному (40 млн. чел., или 15,8%). Должен сказать, что статистические сведения, опубликованные ЦСУ СССР в 1975-85 гг. ("Естественное... ", "Народное...", "СССР в цифрах"), заставляют усомниться в возможности подтверждения в обозримом будущем вариантов А и Б. Пока полностью соответствует действительности вариант В, по которому предполагается медленное снижение уровня плодовитости. Если в последующие годы этот процесс несколько ускорится, фактические итоговые цифры, по всей вероятности, приблизятся к результатам варианта Г, который основан на предпосылке быстрого снижения плодовитости.

Заканчивая этот беглый обзор прогнозов населения СССР, выполненных М.Фешбахом и его сотрудниками, следует отметить особое значение прогнозов по союзным республикам (1976), а также перспективных исчислений трудовых ресурсов (1978). Во второй из названных работ, в частности, предусматривалось, что к 2000 г. общая численность населения СССР достигнет 308.050 тыс. чел., в т.ч. Российской Федерации – 147.834 тыс., а Среднеазиатских республик и Азербайджана – 48.512 тыс. Бюро цензов в числе первых указало на обострение демографической ситуации в СССР, проявляющееся в снижении темпов прироста трудовых ресурсов и их неблагоприятном для советской экономики региональном перераспределении. Из расчетов, в частности, выте-

кало, что прирост численности населения СССР в трудоспособном возрасте (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет) в 1980-2000 гг., по всей вероятности, составит 16.162 тыс. (10,4%), тогда как в 1960-80 гг., по-видимому, составлял 35.339 тыс. (29,6%). При этом существенно возрастет доля лиц в пенсионном возрасте (с 15,4% до 19,1%) и несколько сократится доля детей и подростков (с 26,1% до 25,4%). Если в 1960 г. доля населения Среднеазиатских республик и Азербайджана в общей структуре населения СССР составляла только 8,5%, то уже к 1980 г. увеличилась до 12,2% и к 2000 г., по мнению авторов прогноза, достигнет 17,0%. Еще разительнее эти сдвиги в распределении населения в трудоспособном возрасте (доля названных республик в 1980 г., вероятно, составляла 10,3, а в 2000 г.. составит 16,2%), а также в распределении детей и подростков (соответственно 19,8% и 25,9%). М.Фешбах (1982) уделил особое внимание проблеме т.н. мусульманских народов СССР, демографическое развитие которых приобретает с течением времени все большее политическое значение.

С 1954 г. систематически публикуются и результаты перспективных исчислений, проводимых в соответствии с планом работ Комиссии по народонаселению Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС). В 1954-81 гг. ЭКОСОС опубликовал шесть четырехвариантных прогнозов, причем один из вариантов, основанный на предпосылке о стабилизации плодовитости на уровне данного года, носит чисто аналитический характер, остальные же (низший, или минимальный, средний, или наиболее вероятный, и высший, или максимальный) рассматриваются как реалистические. Перспективные исчисления доводились до 2000 г. (только в первом прогнозе – до 1980 г.). Таким образом, длительность охватываемого ими периода систематически сокращалась, что, вероятно, способствовало повышению точности итоговых результатов, но, несомненно, ограничивало познавательную ценность прогнозов. По-видимому, в начале 80-х гг. ЭКОСОС расширил перспективный период до 2025 г. (Demographic Indicators... , 1982, World Population... , 1982).

Корректируя предпосылки и, следовательно, результаты перспективных исчислений по мере накопления, переработки и анализа текущей статистической информации, поступающей из стран-членов ООН, а также систематически совершенствуя мето-

дику и технику расчетов, эксперты ЭКОСОС проявляют исключительную оперативность. Прогнозы, опубликованные ими в 50-70-х гг., представляют ныне только исторический интерес вследствие появления новых перспективных исчислений. И все же я не могу устоять против искушения и хочу предложить читателю присмотреться к динамике цифр, характеризующих — по этим прогнозам — численноость населения СССР в 1980 г.

Авторы первого прогноза, составленного за четверть века до этой даты, предполагали, что она достигнет 290,4 млн. Их ближайшие преемники, разработавшие прогноз в 1958 г., повысили перспективную оценку до 297,0 млн. Затем, когда в ЭКОСОС ознакомились с итогами переписей населения СССР и информацией, свидетельствующей об относительно быстром снижении уровня плодовитости, результаты оценок стали все более и более уменьшаться: до 277,8 млн. в 1963 г., 270,6 млн. в 1970 г., 268,1 млн. в 1975 г. и 266,7 млн. согласно прогнозу, опубликованному в 1980 г. Официально зарегистрированные цифры оказались еще более скромными: по данным ЦСУ СССР ("СССР в цифрах", 1982), численность населения страны к середине 1980 г. составляла только 265,55 млн., т.е. уступала минимальной из приведенных оценок ООН на 1,15 млн. (0,4%), а максимальной — на 31,45 млн. (10,6% по отношению к фактической).

При ознакомлении с предпосылками наиболее вероятного варианта прогноза ООН, опубликованного в 1980 г., создается впечатление, что его авторы, хотя в основном они правильно оценили актуальные тенденции динамики населения СССР, проявили чрезмерную осторожность в квантификации ожидаемого снижения уровня рождаемости и исключили возможность не только сокращения средней продолжительности жизни, но даже стабилизации ее на современном уровне. Постепенно, от пятилетки к пятилетке, снижающиеся темпы количественного роста населения СССР в обозримом будущем обеспечивают, по их мнению, слегка расширенное воспроизводство, благодаря которому общий прирост населения на протяжении всего 25-летнего периода, охваченного прогнозом, составит 57,4 млн., или 22,6% по отношению к исходному уровню.

В результате, по мнению авторов, изменения возрастного состава не приобретут до конца текущего столетия драматического характера. Несмотря на увеличение численности лиц в возрасте

65 лет и старше с 22,6 млн. в 1975 г. до 37,5 млн. в 2000 г. (т.е. на 65,9%) и сопутствующий этому менее существенный рост численности детей в возрасте до 14 лет (с 66,3 млн. до 74,1 млн., или на 11,8%), общее число населения в трудоспособном возрасте (15-64 лет) повысится со 165,4 млн. до 200,2 млн. (на 21,0%), благодаря чему величина эмпирического показателя нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным возрастет относительно несущественно (с 538 до 557 на каждую тысячу лиц в возрасте 15-64 лет, т.е. только на 3,5%). Авторы рассматриваемого прогноза показывают, что Советскому Союзу – при заложенном уровне рождаемости – не удастся замедлить отмечаемое на протяжении нескольких последних десятилетий прогрессирующее постарение своего населения. Темпы этого процесса будут, однако, уступать наблюдаемым в большинстве стран Зарубежной Европы, благодаря же относительно невысокому исходному уровню СССР и к концу перспективного периода останется в стадии собственно демографической старости (доля лиц в возрасте 65 и более лет увеличится с 8,9% в 1975 г. до 12% в 2000 г., тогда как нижняя граница следующей фазы демографического постарения, согласно классификационной схеме С.Кленовича, 1979, проводится на уровне 13,0%).

Справедливости ради надо сказать, что в низшем (минимальном) варианте рассматриваемого прогноза, который основан на предположении, что общая плодовитость к концу перспективного периода снизится до 60,7‰, а коэффициент чистого воспроизводства – до 1,01 (по наиболее вероятному варианту величины этих показателей составляют соответственно 66,4‰ и 1,11), предусмотрены меньшие темпы количественного роста населения (прирост в 1975-2000 гг. составляет 49,7 млн., или 19,5%, а общая численность населения возрастает до 304,1 млн., т.е. на 7,8 млн. уступает определяемой по наиболее вероятному варианту). В связи с этим доля лиц в возрасте 65 и более лет достигает 12,3%, а детей сокращается до 22,3%, однако показатель нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным не только не увеличивается, но, напротив, несколько уменьшается (до 529 на каждую тысячу лиц в возрасте 15-64 лет).

Разумеется, расхождения между конечными результатами рассмотрренных перспективных исчислений предопределялись заложенными в них темпами количественного роста населения, иначе

говоря – условиями повозрастной рождаемости и смертности (динамикой коэффициентов воспроизводства и средней продолжительности жизни). В некоторых перспективных исчислениях Бюро цензов США (М.Фешбах, 1978) предусматривалось, например, что при среднегодовом приросте населения страны в 1980-2000 гг., определенном на уровне 0,76%, величина этого показателя в РСФСР не превысит 0,34%, в Закавказье достигнет 1,49%, в Среднеазиатских же республиках (включая Казахскую) – 2,17%. Особенно высокие темпы количественного роста населения, согласно цитируемому автору, будут характерны для т.н. мусульманских республик (АзССР, КирССР, ТаджССР, ТССР и УзССР), доля которых в общей структуре населения страны к 2000 г. возрастет по сравнению с 1950 г. в 2,2 раза и достигнет 17,0%.

Ни в одном из рассмотренных прогнозов, как и в нашумевшем докладе Д.О.Барнея и соавт. (1980), не предусматривалась возможность сокращения средней продолжительности жизни и перехода к режиму простого (а уж тем более – суженного) воспроизводства. Такие возможности закладывались только в некоторые аналитические прогнозы. Например, эксперты ООН в одном из официальных докуметов, подготовленных к Всемирной конференции по народонаселению (Бухарест, 1974), исходили из предпосылки, что "на протяжении следующего столетия ожидается снижение коэффициента рождаемости до уровня простого замещения поколений", причем оно "будет происходить не равномерно, а по логарифмической кривой, соответствующей "обратному логистическому типу экстраполяции", иначе говоря, раз начавшись, оно сначала будет идти нарастающими темпами, а затем постепенно затухать, пока коэффициент чистого воспроизводства не достигнет 1" (цит. по Э.Л.Араб-Оглы, 1987, с. 141).

Принятие этой предпосылки приводит к заключению, что хотя названный коэффициент снизится в СССР до своей критической границы уже около 2020 г., количественный рост населения – благодаря относительной его молодости и многочисленности контингента женщин в репродуктивном возрасте – будет продолжаться на протяжении жизни двух-трех поколений. Стабилизации следует ожидать только под самый конец XX1 в., когда численность населения СССР вплотную приблизится к 400 млн. (предсказание Д.И.Менделеева сбылось бы с опозданием чуть ли

не на целое столетие!). Добавлю, что и в этом прогнозе исключается возможность сокращения средней продолжительности жизни, а повышение общей смертности связывется лишь с демографическим постарением (повышением доли лиц в пожилом и старческом возрасте). Эксперты ООН сочли, что средняя продолжительность жизни будет в СССР постепенно повышаться вплоть до 2020-25 гг., когда она достигнет 74,8 г. Поскольку в условиях стационарного населения обратная величина этого показателя соответствует уровню общей смертности, коэффициент последней, так же, как и коэффициент рождаемости – согласно этому долгосрочному прогнозу – к концу XX1 в. стабилизируется на уровне 13,4‰.

Нетрудно заметить, что в основу рассмотренного прогноза экспертов ООН положены представления о закономерностях демографического развития, вытекающие из современной теории демографического перехода (А.Г.Вишневский, 1973, 1976, 1982; Ландри. 1949; Ф.В.Нотстейн, 1956; О.Б.Осколкова, 1984; З.Павлик, 1964, 1979; А.Сови, 1975, 1977; В.С.Томпсон, 1929, 1946, 1949; Г.Шубнел, 1973). Их переводу на математический язык и использованию в прогностических целях посвятил свою аналитическую работу Т.Фрейка (1973). Рассматривая пять альтернативных вариантов предстоящего развития населения всего мира, различающихся по "критическому моменту" (дате перехода к режиму простого воспроизводства), автор приходит к заключению, что для экономически развитых стран, к которым принадлежит Советский Союз, наиболее вероятны второй и третий варианты. Согласно этим вариантам, переход к простому замещению поколений (режиму простого воспроизводства) приурочивается к 1980-85 или 2000-05 гг. Сейчас уже очевидно, что применительно к СССР второй вариант аналитического перспективного исчисления Т.Фрейки не подтвердится. Весьма маловероятна и возможность подтверждения третьего варианта, по которому численность населения СССР стабилизируется в 2010 г. на уровне 325 млн. чел.

Результаты исследований Т.Фрейки (1973) убедительно обосновали мнение многих авторов, что демографические перспективы СССР прежде всего зависят от уровня, на каком в обозримом будущем установится повозрастная рождаемость. Дальнейший количественный рост населения страны будет возможен лишь

при условии, что не только дочери, но также внучки и правнучки нынешних потенциальных матерей сохранят верность идеалу двух-трехдетной семьи. Если же вслед за жительницами Прибалтийских республик, Европейской части России и многих областей Украины к модели одно-двухдетной семьи впоследствии перейдут молдаванки, казашки, узбечки и др., рано или поздно начнется депопуляция.

В этом отношении чрезвычайно интересно исследование группы американских специалистов (М.Фешбах, 1982).

Оперируя коэффициентом суммарной рождаемости (исчерпанной плодовитости), они показали, что если величина стабилизируется примерно на современном уровне (2,2), численность жителей Советского Союза к 2000 г. возрастет по сравнению с 1980 г. на 19,9%, к 2025 г. – на 31,0% и к 2050 г. – на 34,0%. Иная тенденция проявится в случае стабилизации коэффициента исчерпанной плодовитости на несколько меньшем уровне (2,0%). Численность населения СССР в этом случае к 2000 г. возрастет на 17,6% и к 2025 г. – на 24,1%, а позже его количественный рост приостановится и сменится убылью (к 2050 г. число жителей страны превзойдет уровень 1970 г. всего на 20,9%, причем по сравнению с 2025 г. сократится на 2,6%).

Особенно неблагоприятная картина может возникнуть при снижении и последующей стабилизации рассматриваемого показателя на уровне 1,8 (хотя этот вариант пока что представляется маловероятным, полностью исключить его, конечно, нельзя). Столь низкая плодовитость привела бы к тому, что к 2000 г. численность населения СССР увеличилась бы по сравнению с 1980 г. лишь на 14,3%, в 2000-25 гг. практически не изменилась (прирост не превышал бы 0,4%), а в течение следующей четверти века почти вернулась к современному уровню (превышала бы его только на 3,3% и уступала уровню 2025 г. на 10%). Впоследствии темпы депопуляции могли бы существенно ускориться, и численность населения СССР начала бы стремительно сокращаться.

Для освещенных здесь долгосрочных прогнозов характерен новый концептуальный и методологический подход, разработанный экспертами ООН под руководством Б.Берельсона (1965). Как отмечает Э.А.Араб-Оглы (1978), "в основе этого подхода... лежало нетрадиционное использование классических демографических теорий, в частности, теории стабильного населения А.Лот-

ки, концепции демографического потенциала роста П.Венсана, а также моделей ожидаемого увеличения средней продолжительности жизни, согласно Э.Коулу и П.Демени. В отличие от традиционной экстраполяции текущих демографических тенденций в обозримое будущее такой подход покоился на предположении, что население земного шара в конечном итоге придет к стационарному состоянию, а затем уже будет возможно определить, какие изменения в демографических процессах могут привести к стабилизации численности мирового населения, когда и на каком уровне" (с. 125-126).

Убедительный и весьма перспективный, этот подход не вполне, однако, приемлем, когда возникает необходимость проведения исчислений в масштабах не всего земного шара, а региона или группы стран. Применительно к Советскому Союзу такой методический подход требует предварительной оценки ближайших перспектив эволюции средней продолжительности жизни и возможных последствий, к которым приведут те или иные изменения экономической и демографической политики. Есть основания опасаться, что зарубежные специалисты, проводящие перспективные исчисления населения СССР, все еще в далеко недостаточной степени учитывают противоречивость современной обстановки и сложность ряда острейших вопросов, которые предстоит решить, прежде чем окончательно выявится влияние тех или иных социально-экономических и социопсихологических факторов на течение демографических процессов.

В этом убеждает, к сожалению, и долгосрочный прогноз населения СССР, составленный экспертами ООН (Demographic Indicators... 1982) уже, по-видимому, с учетом предварительных итогов переписи 1979 г.

Как показывают приведенные в таблице 1У.П данные, авторы полагают, что в 1980-2025 гг. численность населения Советского Союза увеличится на 89.465 тыс. (33,7%), причем среднегодовые темпы количественного роста за весь перспективный период составят 6,5‰ (в 1980-2000гг. – 7,7‰ и в 2000-25 гг. – 5,4‰). К концу перспективного периода предполагается сокращение дефицита мужчин с 17.259 тыс. до 9.260 тыс., т.е. на 54%, благодаря чему показатель феминизации с 1139 уменьшился бы до 1054, или же практически до нормальной величины. Столь позитивные изменения состава населения СССР по полу свидетельствовали

бы об окончательном преодолении структурных демографических последствий второй мировой войны (количественных, разумеется, страна и за вдвое больший срок не преодолеет).

По мнению авторов рассматриваемого прогноза, изменения возрастной структуры проявятся прежде всего в существенном демографическом постарении, которое будет происходить как "снизу" (доля населения в возрасте 0-19 лет уменьшится на 13% по отношению к ее исходной величине), так и "сверху" (доля группы в возрасте 60 лет и старше увеличится более чем в полтора раза).

Прогнозом предусматривается и заметное увеличение в составе населения страны доли лиц в возрасте 65 лет и старше. Исчисленный по ней показатель демографической старости (С.Кленович, 1979) возрастет с 10,0% в 1980 г. до 12,0% в 2000 г. и 14,4% в 2025 г. Таким образом, в начале XX1 в. Советский Союз, которому Маяковский предсказывал рост без старости вплоть до столетней годовщины Октябрьской революции, задолго до этого юбилея вступит в фазу поздней старости.

Судя по соотношению младших и старших возрастных групп, существенно увеличится нагрузка трудоспособного населения нетрудоспособным. Такое предположение подтвержается, в частности тем, что если в 1980 г. на каждую тысячу человек в возрасте 15-64 лет приходились 524 чел. в младших и старших возрастах, то к 2000 г. этот показатель увеличится до 551, а в 2025 г. – до 576 чел., причем в составе нетрудоспособного населения сократится доля детей и увеличится – стариков. Заслуживает внимания и факт, что, согласно авторам прогноза, в перспективный период существенно снизятся темпы прироста трудовых ресурсов страны. Если в 1980-2000 гг. численность населения в возрасте 15-64 лет, по их предположениям, будет увеличиваться на 0,7% в год, то в 2000-25 гг. – менее чем на 0,5%, причем среднегодовой приток в эту группу уменьшится с 1.290 тыс. до 1.007 тыс. чел., т.е. на 22%.

Думаю, что эксперты ООН заложили в свой прогноз завышенные коэффициенты повозрастной рождаемости и исходили из крайне оптимистических предпосылок, касающихся дальнейшей эволюции средней продолжительности жизни (по их мнению, этот показатель к 2000-25 гг. у мужчин достигнет 70,8 г., а у женщин – 78,5 г.). В результате преувеличенными оказываются

и итоговые численности населения страны, данные же о его возрастном составе приукрашивают наиболее вероятную картину демографического будущего Советского Союза.

Именно этими общими недостатками известных мне прогнозов ограничено их познавательное значение. Анализ их результатов и особенно содержащихся в них ошибок позволяет глубже проникнуть в особенности недавнего демографического прошлого СССР, но, к сожалению, недостаточен для всесторонней оценки его демографического будущего. В то же время история этих ошибок представляет собой неоценимую базу для выработки новых методологических подходов к перспективным исчислениям населения СССР и формулировки принимаемых за основу предпосылок.

Глава V

ШИФР СУДЬБЫ

Когда я вплотную занялся методическими вопросами демографического прогнозирования, мне подумалось, что к работе исследователя здесь применим известный афоризм Родена, согласно которому кусок мрамора превращается в произведение искусства, если отсечь от него все лишнее. Казалось бы, в прогнозировании, следуя этому принципу, достаточно накопить массив статистической информации, а затем – заглушая информационный шум и отбрасывая все второстепенное – отобрать те данные, которые характеризуют тенденции, зародившиеся в далеком прошлом, сформировавшие настоящее и предопределяющие будущее. Количественная характеристика исходного состояния и тенденций его изменения во времени – вот, в сущности, все, чем необходимо располагать, приступая к разработке прогноза. Проблема сводится к тому, какие статистические данные отобраны для оценки настоящего, как квантифицируются предполагаемые тенденции, что в их характеристике сочтено лишним и отброшено.

Ведь к колонкам и строкам цифр, составляющих массив информации, необходимо подходить как к своего рода шифру. В них отражено не только настоящее и прошлое населения, но и его судьбы. Более или менее верно предсказать эти судьбы сможет только тот, кто сумеет раскодировать сокровенный смысл сотен таблиц, которые отображают настоящее, но, в то же время, таят в себе все, что проявится в более или менее отдаленном будущем. Однако этого мало. Взяв на себя функции демографического дешифратора, автор прогноза должен к тому же учитывать, что интенсивность заложенных в прошлом и настоящем тенденций неминуемо изменится в будущем под влиянием ряда факторов. К сожалению, их подлинный характер и возможная сила, а тем более – вызываемое ими противодействие и опосредованное влияние на ход демографических процессов в момент разработки прогноза остаются неизвестными. Индентифицировать их и квантифицировать – нелегкая задача. Ее решение – самая ответственная стадия работы исследователя. От того, как он справится с этой задачей, в значительной степени зависят конечные результаты.

В предыдущих главах я обрушил на читателя лавину цифр. Преодолев эти статистические завалы, он сумел составить себе представление об особенностях демографического развития Советского Союза, выработать собственное мнение о демографической ситуации, сложившейся в стране. Теперь мне предстоит сосредоточиться на качественных и количественных данных, на основе которых возможна формулировка прогностических гипотез, предпосылок прогноза населения СССР на ближайшие десятилетия. Настоящая глава, таким образом, должна стать квинтэссенцией предыдущих и, в то же время, в определенной мере подытожить их, перебрасывая мост от настоящего к будущему.

Многие выводы из анализа демографической истории СССР очевидны. Гораздо труднее объективно и всесторонне оценить демографическую ситуацию в Советском Союзе к середине 80-х годов. Она настолько сложна и противоречива, что и без того нелегкие проблемы, которые всегда возникают перед авторами прогнозов, в данном случае приобретают воистину головоломный характер. Парадоксально, но факт: в особо трудное положение попадают исследователи, рассматривающие развитие населения в его взаимосвязи с социально-экономическими процессами,

действием комплекса факторов, формирующих и меняющих общественное сознание. Прежде чем приступить к формулировке предпосылок демографического прогноза они вынуждены тщательно изучить их общественную базу, коцептуализировать то, что можно бы назвать предпосылками предпосылок.

Эффективность такого методического подхода подтверждена многочисленными исследованиями демографического прошлого и настоящего не только ряда зарубежных стран, но и Советского Союза. Он требует разработки предпосылок демографического прогноза с учетом наиболее вероятных тенденций дальнейшего социально-экономического и политического развития. Однако именно по этому поводу высказываются сейчас противоречивые предположения и догадки, ведутся ожесточенные споры, выдвигаются взаимоисключающиеся гипотетические сценарии. В одном только кремлеведы-футурологи единодушны – в убежденности, что на рубеже 70-х и 80-х гг. СССР вплотную приблизился к качественно новому периоду своей политической и экономической, следовательно, и демографической истории.

1. Предпосылки предпосылок

В начале первой главы я извлек из кунсткамеры программу КПСС, принятую ее XXII съездом. Время бежит – и вот позади уже XXVII съезд, а вместе с тем – новая редакция программы правящей в СССР партии. Ее принятию предшествовали все более тревожные, все более откровенно формулируемые сигналы. О переживаемом страной глубоком кризисе говорили не только иностранные, но и советские специалисты. По мнению Т.И.Заславской, распространяемому самиздатом и впоследствии (1983) опубликованному в зарубежной русскоязычной печати, основной его причиной следует считать "отставание системы производственных отношений и отражающего ее механизма государственного управления экономикой от уровня развития производительных сил, конкретнее – неспособность этой системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества" (с. 128).

Весьма примечательно, что подобные взгляды, хотя в несколько завуалированной форме, Т.И.Заславской в начале "эры Гор-

бачева" позволили высказать в массовой подцензурной печати, да не где-нибудь, а в советском официозе – "Известиях" (1985). С неподдельным изумлением, возмущением и ужасом старые псы номенклатуры читали, наверное, следующие ее слова: "... В основном нынешний механизм управления народным хозяйством сложился еще в 30-х гг. Он совершенствовался, но первоначально принятое соотношение административных и экономических методов управления деятельностью и поведением менялись незначительно. Между тем производительные силы советской экономики за десятилетия неузнаваемо изменились. Сейчас для новых условий нужно найти рациональное соотношение административных и экономических методов управления". Им ли, начетчикам, накрепко зазубрившим т.н. основы марксизма-ленинизма, не понимать, что речь идет о классическом, согласно этому учению, противоречии, которое разрешается – в соответствии с ним же – только революционным путем?

Правда, автор призывает к революции не "снизу", а "сверху". Указывая на "гипертрофию промежуточного звена", Т.И.Заславская (1985) не посягает на "централизованное начало".

И действительно, тревожный голос прозвучал с самой верхушки Кремля. Не кто иной, как политический лидер, который пришел к власти на пороге охваченного моим прогнозом периода, в программном выступлении констатировал: "Исторические судьбы страны, позиции социализма в современном мире зависят от того, как мы дальше поведем дело" (М.С.Горбачев, 1985[а]). Говоря о причинах "усилившихся в последние годы неблагоприятных тенденций и возникших трудностей" (там же), новый Генсек недвусмысленно дал понять, что сознает, какое наследство досталось ему от предшественников, почивших у мавзолея Ленина. Из их череды он выделяет только Андропова как своего предтечу.

Здесь уместно, мне кажется, небольшое отступление. Пока по наблюдениям за остатками первобытно-общинного строя в Океании этнографы спорили, существует ли вообще геронтократия, она появилась, созрела и укрепилась в стране развитого социализма – Советском Союзе. Дряхлость советских лидеров стала к началу 80-х гг. притчей во языцех.

Присмотримся к той узкой группке, которая именуется Полит-

бюро и Секретариатом ЦК КПСС и которой принадлежит вся полнота власти в стране. В составе этих органов к моменту, когда их возглавил Горбачев, не было никого моложе 50 лет, восемнадцати из 24 членов (и кандидатов в члены) Политбюро и Секретариата ЦК перевалило за 60, в т.ч. одиннадцати – за 70 и троим – за 80. На этом фоне новый Генсек казался молокососом, хотя Сталин занял высший в стране пост, когда был моложе его на 10 лет., Хрущев и Брежнев – насколькими годами старше, а Ленин стал ровесником в год своей смерти.

Горбачев еще до съезда ревностно взялся за "омоложение" советского партийно-государственного аппарата. Сменяется поколение, стоящее у кормила, но вышло оно из тех же недр. Что это сулит?

К тому же и это поколение лишь сравнительно молодо. К следующему съезду Горбачев и иже с ним вступят в пенсионный возраст или подойдут к нему. А восхождение по советской иерархической лестнице требует времени. В политбюро и Секретариат ЦК попадают люди, годами взбиравшиеся на ее верхние ступеньки. Любопытства ради я подсчитал, что за 1964-82 гг. средний возраст рассматриваемого синклита увеличился на целое десятилетие. Ежегодно он старел на 5 месяцев, причем в последнее время этот показатель приблизился к 7 месяцам. Будет ли иначе при Горбачеве, которому пророчат долгое правление – до конца текущего, а то и до начала следующего столетия?

А.Безансон (1984) считает, что "старение... не обязательно должно быть помехой власти" (с. 95). На мой взгляд, это применимо к отдельным лидерам, но не к органам власти в целом. "Физическое одряхление руководства" И.Косинский (1984) отнес к заметным невооруженным глазом проявлениям системного кризиса советского общества, наряду с "небывалым хозяйственным застоем, предельным напряжением экономики, полным вырождением и упадком влияния официальной идеологии, усилением центробежных сил, направленных на "расползание" огромной советской империи... " (с.101).

Сейчас, однако, Горбачеву и "горбачевцам" до одряхления далеко, они достаочно молоды и энергичны. Что же предложил населению XXУП съезд КПСС? Он принял новую редакцию программы партии, утвердил Основные направления экономического и социального развития СССР на двенадцатую пятилетку и на период до 2000 г., внес изменения в устав партии.

Не углубляясь в эти документы, приведу комментарий к ним самого М.С.Горбачева (1985[6]), данный еще до съезда на очередном пленуме ЦК.

По словам Генсека, стержень всех трех документов составляет концепция ускорения.

Назвав современный отрезок истории исключительно сложным и ответственным, имеющим переломный характер, М.С.Горбачев определил цель концепции ускорения как достижение нового качественного состояния советского общества.

Он констатировал, что ряд формулировок прежней редакции программы КПСС не выдержал испытания временем, и о новой редакции сказал: "Она должна быть четкой формулировкой действительного процесса,... свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции... Программа, – продолжал Генсек, имея в виду новую ее редакцию, – исходит из решающей роли экономики в развитии общества. Экономическая стратегия партии определена с учетом дальнейшего углубления научно-технической революции. Она нацелена на преобразования действительно исторического масштаба -- осуществление новой технической реконструкции народного хозяйства, перевода его на интенсивные рельсы развития, выход советской экономики на высший уровень организации и эффективности".

Так и хочется спросить: а в каком своем программном документе партия не замахивалась на "преобразования действительно исторического масштаба"? Говорилось ли когда-либо, что коммунисты не исходят из решающей роли экономики в развитии общества? Что большевикам предусмотрено экстенсивное развитие, снижение уровня организации и эффективности? Именно в период брежневского застоя аббревиатура НТР (научно-техническая революция) вошла в обиходный язык. Тем не менее М.С.Горбачев счел возможным заявить, что "жизнь подтвердила правильность основного содержания третьей Программы партии. Выполняя ее, наша страна продвинулась далеко вперед на всех направлениях коммунистического строительства. "Он указал "на приемственность основополагающих теоретических и политических установок КПСС". Вот это-то и настораживает. Это можно истолковать как отказ от пересмотра сковывающих все и вся обветшалых догм о преимущественном развитии

производства средств производства в ущерб производству предметов потребления.

Да если бы только средств производства! Помнится, Маркс писал об овцах, съевших людей. Времена не те и место другое. Овцы в СССР перевелись, не они пожирают людей, а нечто куда более алчное.

Выше я ссылался на Т.И.Заславскую. Ее коллега по Сибирскому отделению АН СССР А.Г.Аганбегян, вскрывая причины перерастающего в смертельно опасную болезнь хронического недомогания советской экономики, причислил к ним факт, что ... "Мы значительную часть средств отпускаем на оборону... Из примерно 100 млн. работающих в СССР 30-40 млн. заняты в оборонной промышленности" (цит. по "Смена поколений...". 1985, с. 5-6). Прекратится ли не предусмотренное Марксом разрастание этой раковой опухоли? Смогут ли десятки миллионов рабочих, техников, инженеров, ученых переключиться с обслуживания 5-6-миллионной армии (своей, а к ней бы надо добавить маломощных сателлитов и покупателей изготовляемого в СССР оружия) на производство того, что необходимо неселению? Если нет, то возвещенная М.С.Горбачевым на том же октябрьском пленуме ЦК ($1985^{б}$) "социально сильная политика" неизбежно останется на бумаге. А ведь не только опыт предыдущих десятилетий, но и опыт первого горбачевского года заставляет усомниться в том, что крепко сколоченная колымага советской глобальной политики выйдет из прежней колеи.

Внутри страны горбачевская революция "сверху" началась с бесконечных смещений, назначений, перемещений и реорганизаций. Нельзя, конечно, не признать, что проведенный им XXУП съезд КПСС при соблюдении традиционного ритуала был все же куда острее и весомее брежневских. Тем не менее исходя в предпосылках своих предпосылок из материалов, внесенных этим съездом в партийные анналы, я рискую попасть в такое же положение, как если бы двадцатью пятью годами раньше строил прогноз на материалах съезда, принявшего редакцию программы партии.

Естественно, что еще в выступлении М.С.Горбачева на октябрьском пленуме ЦК ($1985^{б}$) внимание демографа привлекли слова о роли "человеческого фактора". Приемы активизации этого фактора поначалу свелись, с одной стороны, к попыткам

реанимации стахановского движения, с другой – к андроповскому требованию крепить дисциплину, т.е. тому самому, что в народе называют "подкручиванием гаек". Сюда же можно отнести жесткие противоалкогольные меры – необходимые, но действенные ли? Сюда же относятся меры по повышению материальной заинтересованности людей в количестве и качестве их труда, но это пока лишь обещание. Сюда же я с некоторой натяжкой отнес бы Комплексную программу развития производства товаров народного потребления и сферы услуг, поскольку, как известно, от оглашения программы до ее осуществления – дистанция огромного размера. Щедро раздаваемые горожанам садово-огородные участки подсказывают, что при советском варианте НТР каждый, согласно проповеди Льва Толстого, может сам выращивать себе пищу.

В пространном докладе Генсека на съезде (М.С.Горбачев, 1986) меня, естественно, особенно заинтересовал раздел "Основные направления социальной политики". И я убедился, что демографическая проблематика представлена в нем не в таком объеме, как хотелось бы, как следовало. Она рассмотрена с точки зрения трудовых ресурсов ("нет прежнего притока рабочей силы", с. 5; "высвободить с ручных операций миллионы людей", с.6) и с точки зрения прочности семьи ("повысить ответственность граждан за укрепление семьи" путем изменения "правовых норм", т.е. директивными методами; там же). Единственным конкретным шагом вперед можно счесть факт, что "в двенадцатой пятилетке намечается шире применять для женщин неполный рабочий день или сокращенную рабочую неделю, работу на дому. Увеличится продолжительность оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, а также число оплачиваемых дней при болезни ребенка. Малообеспеченные семьи станут получать пособия на детей в возрасте до 12 лет" (там же). Упоминания о демографической политике я в докладе так и не нашел, хотя основные направления этой политики определялись многими подцензурными авторами (Ю.А.Бжилянский, 1974; Д.И.Валентей, 1974, 1977; А.Я. Кваша, 1968, 1973, 1977, 1981; В.С.Стешенко, 1978, 1981, 1982; В.С.Стешенко и В.П.Пискунова, 1974; В.Ц.Урланис, 1974). Тексты такого рода работ нередко приобретали эмоциональную окраску, а В.И.Переведенцев (1970, 1982[а]) и Г.П.Киселева

(1979) облекли их в столь драматическую форму, что читателю вспомнились слова о промедлении, смерти подобном.

Еще в конце 70-х гг. кое-кто из этих авторов делал вид, что все благополучно. Так, по словам Д.И.Валентея (1977), "эффективная демографическая политика в условиях социалистического общества, которое держит в своих руках все рычаги воздействия на демографические процессы и сознательно приводит их в действие, вполне реальна, необходима и вызывается объективными потребностями успешного движения к коммунизму. Включенная в систему мероприятий по повышению благосостояния советского народа, проводимая в общем русле политики народонаселения, демографическая политика рассчитана на преодоление временных несоответствий интенсивности отдельных демографических процессов объективным потребностям общественного развития и состоит в системе мер, имеющих целью формирование такого сознательного демографического поведения населения, которое бы соответствовало объективным потребностям общественного развития" (с. 256). Эта громоздкая тирада, к сожалению, не сопровождается объяснением, почему упомянутые "рычаги воздействия на демографические процессы" на протяжении длительного времени то ли не приводились в действие, то ли действовали в направлении, противоположном целям рациональной политики населения и общественного развития.

Постепенно, однако, казенно-оптимистическую мелодию заглушало сознание сложности возникших задач, что в самой сжатой форме отражено в работах Т.Рябушкина и Р.Галецкой (1979, 1981). Первоочередного изучения, по их мнению, требуют наиболее обострившиеся к настоящему времени проблемы населения: ... "резкое сокращение рождаемости в отдельных районах страны, прежде всего в РСФСР; повышение уровня смертности мужчин в трудоспособном возрасте; стабилизация показателя средней продолжительности жизни населения; увеличивающийся разрыв средней продолжительности жизни мужчин и женщин; неблагоприятная половозрастная структура населения сельской местности; недостаточный рост населения Сибири и Дальнего Востока; нерациональные потоки миграции и слабая приживаемость новоселов; нерациональное распределение рабочей силы, в результате чего одни районы страны страдают от ее избытка, а другие – от недостатка" (1981, с. 75-76).

Как во многих подцензурных работах, и здесь бросается в глаза стремление сгладить острые углы. Известно, например, что смертность мужчин повышается не только в трудоспособном возрасте, показатель же средней продолжительности жизни не стабилизировался, а явно снизился. Тем не менее этот перечень "отрицательных демографических тенденций, требующих выработки ряда мероприятий в различных областях и сферах социально-экономической деятельности и прежде всего объективной демографической политики" (там же, с. 76), впечатляет.

Он произвел бы еще большее впечатление, если бы авторы отважились признать, что необходимость разработки основ такой политики и ее последовательного осуществления вытекает главным образом из нарастающего отставания темпов увеличения трудовых ресурсов страны от определяемого доныне экстенсивным характером развития советской экономики возрастающего спроса на них. Процитированным авторам следовало также добавить, что неравномерное распределение трудовых ресурсов, обусловленное региональными особенностями режима воспроизводства населения и развития экономики, требует эффективного управления миграционными потоками и существенного перебазирования промышленности. Касаясь этих вопросов, В.И.Переведенцев (1982[а]) справедливо отметил переломный характер 11-й пятилетки (1981-85), в течение которой происходил "переход от высокого к низкому приросту трудовых ресурсов" (с. 82; в 1986-2000 гг. он, по-видимому, не превысит 5 млн. чел. и будет в 6 раз меньше, чем в 1971-85 гг.).

Подцензурные авторы единодушны в том, что необходимость принятия комплексных и эффективных мер демографической политики назрела давно. Немногие, однако, подобно В.И.Переведенцеву (1982[а]) решились открыто сказать, что "никакие меры демографической политики не могут существенно повлиять на экономический аспект демографической ситуации до конца нынешнего столетия" (с. 82). Разделяя эту точку зрения, ибо она соответствует представлениям об инерционности демографических процессов, я хотел бы подчеркнуть ее прогностическое значение. Отсюда следует, что независимо от содержания принимаемых решений, последовательности в их выполнении и эффективности, никакая демографическая политика на протяжении двух-трех десятилетий не изменит объективно обусловленных, уже

проявившихся тенденций и не отразится на конечных результатах перспективных исчислений.

В.И.Переведенцев (1982[а]) не ставит маскисмальных задач, решение которых было бы весьма желательно. Он не отказывается все же от формулировки минимальной и ее решение считает абсолютно необходимым. "Задача, – по его словам, – состоит в том, чтобы не допустить усиления негативных тенденций и по возможности добиться оптимизации процессов воспроизводства населения в будущем" (там же). Характерно, что оптимизация, по В.И.Переведенцеву, сводится к повышению рождаемости и не включает снижения смертности. Этого наболевшего вопроса он, видимо, предпочел не затрагивать, хотя наверняка понимал, что обе тенденции обусловлены сходными факторами. Их изменение потребовало бы не провозглашенной, а действительной коренной переориентации советской экономической политики, без чего немыслимо повышение уровня жизни народа, прогресс здравоохранения, изменение демографических установок.

Но тут-то и зарыта пресловутая собака! Опыт многих развитых стран, переживавших более или менее продолжительные периоды демографической депрессии и предпринимавших различные меры по интенсификации количественного роста населения, свидетельствует, что эффективная пронаталистическая политика требует увеличения и без того немалых демографических инвестиций до такого уровня, который гарантирует стимулирование рождаемости (А.Я.Кваша, 1981; С.Кузнец, 1965; А.Сови, 1977). На первый взгляд, в Советском Союзе эта проблема решается относительно просто. Поскольку даже в славянских и Прибалтийских республиках идеальное и желаемое число детей превышает уровень, необходимый для несколько расширенного воспроизводства населения (В.А.Белова и Л.Е.Дарский, 1972; она же и соавт., 1977; Г.А.Бондарская, 1977), достаточно создать условия, в которых закрепленные в общественном сознании демографические установки не подавлялись бы, а претворялись в жизнь. Нет необходимости в требующей времени и гораздо больших средств выработке новых демографических установок. Остается лишь превратить существующие установки в нормы демографического поведения миллионов семей.

Некоторые авторы полагают, что в Советском Союзе рождаемость снизилась в результате углубившегося противоречия меж-

ду общественной и биологической ролями женщин (И.А.Курганов, 1968). Есть в этом доля истины. Следует все же подчеркнуть, что СССР отличается от передовых капиталистических стран и здесь: это противоречие порождено не столько сознанием, сколько условиями жизни, носит не социопсихологический, а экономический характер. Исключающая возможность полного удовлетворения материнского инстинкта, рекордно высокая занятость советских женщин обусловлена не только их стремлением сравняться с мужчинами во всех областях деятельности, но и печальной необходимостью вносить посильный вклад в семейный бюджет. В этих условиях естественное желание иметь двоих-троих детей не реализуется. Меньшее же их число едва обеспечивает простое воспроизводство населения.

Отсюда – идея оплачиваемого материнства, "переключения" женщины с участия в общественном производстве на работу в качестве "профессиональной матери". Не берусь оценивать, как ее реализация отразилась бы на рынке рабочей силы. В данном случае важно, что она утопична, ибо "в государственном бюджете, из которого собираются черпать средства на оплачиваемое материнство, нет свободных, не находящих применения средств" (Ю.Бжилянский, 1974, с. 198).

Подцензурный автор, разумеется, не разъяснил, что государственный бюджет, подобно подавляющему большинству семейных, и без того трещит по швам, хотя с периода первоначального накопления история не знала такой аккумуляции прибавочной стоимости. Надлежащие демографические инвестиции исключили бы возможность сбалансирования хотя бы потому, что чуть ли не одну седьмую совокупного национального продукта СССР (вдвое больше, чем в США) пожирают расходы на вооружения, в миллиарды долларов обходится военная помощь Кубе и Вьетнаму, а также содержание оккупационной армии в Афганистане, импорт зерновых необходим из-за хронических болезней советского сельского хозяйства и постоянных неурожаев (М.С.Бернштам, 1982; И.Бирман, 1981), в солидную копеечку влетает гигантский, пользующийся феодальными привилегиями бюрократический аппарат (Г.Смит, 1977). За одну неделю, вероятно, на все перечисленные цели направляются средства, которых хватило бы на осуществление демографической политики в течение нескольких месяцев, а то и лет.

Как в этом контексте не напомнить, что – по расчетам Д.И. Валентея (1973) – выплаты на детей, родившихся в 1969 г., составили бы 4470 млн. руб. в год даже при их установлении на смехотворно низком, несоответствующем идее "оплачиваемого материнства" уровне: на первого ребенка 5 руб. в месяц, на второго – 10 руб., на третьего – 25 руб., на последующих – по 10 руб. в месяц (цит. по Ю.Бжилянскому, 1974, с. 198). Ведь по расчетам А.Я.Кваши (1968), относящимся примерно к тому же времени, среднемесячные расходы на содержание одного ребенка составляли в возрасте 3-4 лет 52 руб., а на первом году жизни – 48 руб. Поскольку на большей части территории СССР слегка расширенное воспроизводство населения сохранилось бы лишь в том случае, если бы на каждые 100 среднестатистических брачных пар приходилось около 250 детей, расходы молодой семьи на их содержание и воспитание должны были бы приблизиться к 125 руб. в месяц, т.е. целиком поглотить среднемесячную денежную зарплату, равную в 1970 г. 122 руб. (ЦСУ СССР, "Народное ...", 1922-72).

Если в результате рождения первого ребенка "среднедушевой доход... гипотетической молодой пары... уменьшается... практически вдвое" (А.Я.Кваша, 1981, с. 163), то неудивительно, что мысль о третьем кажется ей безрассудной и последствия такого события ассоциируются с демографическим взрывом (пусть масштаб его микроскопичен, но и вся планета сведена тут к размерам советской семьи!). Третий ребенок супругам не по карману даже при условии, что в перерывах между отпусками по беременности, родам и уходу за ребенком мать продолжает профессиональную деятельность. На половину остающегося в их распоряжении заработка родители не удовлетворили бы своих самых элементарных потребностей. Рассчитывать же на выплаты и льготы из фонда общественного потребления тоже особенно не приходится, ибо даже по официально завышенным и усредненным данным они не превышают одной трети денежной заработной платы (ЦСУ СССР, "Народное...", 1922-72).

В этом контексте нелишне напомнить, что расходы Советского Союза только на содержание кубинской и вьетнамской армий, используемых для расширения сферы влияния СССР в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, составляют не менее 3-4 млрд. долл. (т.е. по реальному курсу 10-12 млрд. руб.), а содер-

жание собственных вооруженных сил и оснащение их современными видами вооружения поглощает по меньшей мере 44 млрд. руб. в год ("О демографии...", 1982). Можно предположить, что если бы советское правительство сократило свои военные расходы втрое, т.е. довело их до уровня США (по отношению к совокупному национальному продукту), в иное русло удалось бы направить не менее 30 млрд. руб. в год. Пусть лишь 20% этой астрономической суммы перевести в статью бюджета, предусматривающую упомянутые выше пособия, – даже в этом случае они пополнили бы доходы примерно 4 млн. семей. Как знать, может быть В.И.Переведенцеву и др. не пришлось бы теперь горевать по поводу иссякания трудовых ресурсов? Ведь в возрасте до 30 лет бездетных, одно- и двухдетных семей, не обеспечивающих расширенного воспроизводства, по данным переписи 1970 г. насчитывалось только 3,7 млн. (ЦСУ СССР, "Итоги...", т. 7, 1974).

Итак, средняя советская семья не в состоянии обзавестись третьим ребенком, необходимым государству для расширенного воспроизводства населения, государство же не в состоянии (у него иные приоритетные цели) эффективно стимулировать рождаемость, вести последовательную и результативную пронаталистическую политику. Изложенные соображения при оценке перспектив рождаемости и реальности каких бы то ни было пронаталистических планов мне кажутся столь же убедительными, как объяснения того мэра, который не приветствовал Наполеона арлиллерийским салютом, во-первых, из-за отсутствия пушек". Тем не менее добавлю, что по-моему, советское правительство не станет проводить долгосрочную комплексную демографическую программу и по другим соображениям.

Среди них я бы в первую очередь назвал страх перед политическими последствиями дальнейших неблагоприятных (с точки зрения московских аппаратчиков) изменений этнической структуры населения страны. В Москве прекрасно понимают, что материальное стимулирование рождаемости оказалось бы наиболее эффективным в Срежнеазиатских республиках, в Европейской же части СССР не привело бы к сколько-нибудь ощутимым изменениям ее уровня. Поскольку дифференциация интенсивности пронаталистических мер вряд ли возможна по юридическим и экономическим (а также догматическим!) соображениям, они бы неминуемо способствовали повышению рождаемости в тех

районах Советского Союза, где воспроизводство населения все еще остается расширенным, и вряд ли помешали ее дальнейшему сокращению там, где и сохранение режима простого воспроизводства уже представляется несбыточной мечтой. Огромные средства, которых потребовало бы выполнение такой программы, были израсходованы как раз на то, чего Москва опасается и чему хотела бы воспрепятствовать.

Ведь и без какого бы то ни было стимулирования и несмотря на увеличение доли мигрантов (преимущественно русских), рождаемость в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане не только удерживалась на уровне, который во всех европейских союзных республиках отошел в безвозвратное прошлое, но и проявляла тенденцию к дальнейшему росту. В Киргизии же рождаемость почти не снизилась, а в Азербайджане ее заметное снижение, частично обусловленное притоком мигрантов, все еще не привело к качественным изменениям режима воспроизводства населения (см. главу Ш). Наблюдаемая все большие отклонения фактических данных от прогнозированных, Э.Коул (1983) определил эту картину вошедшим с его легкой руки в международную терминологию понятием "среднеазиатский парадокс плодовитости". Это крылатое определение напоминает, что экономическое развитие до сих пор считалось эффективнейшим контрацептивом, и международная статистика ежегодно подтверждала обоснованность такого взгляда. В советской Средней Азии возникает необходимость если не принципиального его пересмотра, то, по меньшей мере, оговорки, что и в данном случае из правил бывают исключения.

В результате установившихся в СССР соотношений между республиканскими показателями рождаемости неуклонно менялась структура как совокупности родившихся, так и всего населения страны. Если в 1950 г. доля перечисленных выше республик составляла только 9,0% в первой и 7,5% во второй, то к 1978 г. эти показатели возросли соответственно до 21,0% и 12,0%. За то же время доля трех крупнейших славянских народов в общей структуре населения СССР с 76,3% сократилась до 73,3%, в т.ч. доля русских, которые со времени сталинского парадно-победного тоста признаны краеугольным основанием советского многонационального государства, – с 54,6% до 52,4% (см. главы 1 и Ш). И хотя в Москве высмеивают западных футуроло-

гов, утверждающих, что рано или поздно русские превратятся в нацменьшинство, но способствовать исполнению их предсказаний отнюдь не желают.

Не менее сомнительной представляется возможность осуществления в СССР комплекса мероприятий, которые воспрепятствовали бы дальнейшему росту смертности и сокращению средней продолжительности жизни. В отличие от А.М.Меркова (1962), я, разумеется, не могу исходить из того, что "дальнейшее снижение смертности населения СССР, являющееся результатом успешного выполнения планов построения коммунистического общества, приведет к еще большим размерам удлинения средней продолжительности жизни" (с. 159). В основу своих прогнозов я не могу положить и гипотезы М.С.Бедного (1972) "об окончательной ликвидации смертности при злокачественных новообразованиях в возрасте до 70 лет" (с. 287), "о предотвращении смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в возрасте до 70 лет, при том условии, что предотвращенные случаи смерти будут иметь место в возрасте старше 70 лет" (с. 288) и "о приближении детской смертности к уровню, основными слагаемыми которого будут эндогенные причины" (с. 289). Таким образом, я вынужден отвергнуть оба варианта (оптимистический и промежуточный) его гипотетических таблиц смертности и исключить возможность увеличения (уже к 1985-90 гг.!) средней продолжительности жизни мужчин до 71,1 г., а женщин – до 77,2 г. (по оптимистическому варианту автор закладывает рост этого показателя к началу XX1 в. до соответственно 77,5 г. и 80,4 г.).

Для М.С.Бедного (1972) обоснованность таких предпосылок вполне очевидна и не требует доказательств, поскольку к "решению этой сложной задачи призывают программные документы партии и правительства в области дальнейшего социального развития и охраны здоровья" (с. 290; та же аргументация, что 14 лет спустя, см. "Так сколько же... ", 1986, гл. 1У). Я же, увы, не склонен к магическому мышлению и не раз убеждался, что программные документы партии не совпадают с действительностью – даже весьма отдаленной.

Нет смысла оспаривать данные официальной статистики о многократном росте в СССР числа врачей и среднего медицинского персонала, количества больничных коек. Вся беда, однако, в том, что, как показывают исследования многих авторов (Т.

Мак-Коун, 1976; Д.Б. и С.М.Мак-Кинли, 1977; М.Соколовская, 1980), на современном этапе эволюции средней продолжительности жизни (так же, впрочем, как на протяжении многовековой эпохи вплоть до X1X в.) отнюдь не здравоохранение и не медицинская наука определяют ее направление и темпы. Для того, чтобы идентифицировать решающие факторы этого процесса, достаточно сопоставить показатели средней продолжительности жизни и подушевого национального дохода (С.Кузнец, 1965, Sixth.. 1980, т. 1). Давно известно, что самые низкие показатели средней продолжительности жизни наблюдаются в странах с нищенским подушевым национальным доходом (The Determinants ..., 1975; Economic Survey ..., 1975; С.Кузнец, 1965), а самые высокие – в экономически развитых странах. К сожалению, повторяя при всяком удобном и неудобном случае эту прописную истину, исследователи не обращали внимания на то, что подобная, хоть не столь ярко выраженная зависимость отмечается и в группе развитых стран.

Оперируя данными, относящимися к середине 70-х гг. (Sixth ..., 1980), нетрудно установить, что среди тридцати таких стран по величине подушевого национального дохода Советский Союз занимал 23-е место, а по средней продолжительности жизни мужчин и женщин соответственно 26-е и 18-е места. Положительная же корреляционная связь между этими показателями выражалась относительно высокими значениями коэффициентов ранговой корреляции (0,541 и 0,712). В этом свете понятен факт, что скандинавские страны, занимавшие по подушевому национальному доходу ведущие места, первенствуют и в области эволюции средней продолжительности жизни.

Приводя эти данные, я не забываю об ограниченном значении рассматриваемого показателя как меры экономического развития и уровня благосостояния. Его условность вытекает не только из "грехов усреднения", которыми смазываются диспропорции в распределении производственного национального дохода, но также из того, что в обобщенной величине не учитываются слагаемые. Не приходится сомневаться, что огромная часть совокупного национального продукта СССР обусловлена развитием тех областей экономики, которые не способствуют повышению жизненного уровня населения (прежде всего военно-промышленного комплекса). Не требует поэтому комментариев и факт,

что Греция, Испания и Ирландия, занявшие в списке экономически развитых стран, составленном в порядке убывающих величин подушевого национального дохода, соседние с СССР места, заметно опережали его по показателю средней продолжительности жизни мужчин и не уступали ему по средней продолжительности жизни женщин.

Особенно характерны в этом отношении данные о младенческой смертности, от уровня которой до сих пор в значительной степени зависит величина показателя средней продолжительности жизни. Взвалив ответственность за всю профилактическую деятельность на этом поприще на систему здравоохранения и рассматривая коэффициенты смертности детей в возрасте до одного года как объективный показатель уровня развития этой системы, советское государство, в сущности, отказалось от испытанных, наиболее эффективных методов воздействия на столь существенное явление. Результаты, как известно, не замедлили сказаться (см. главы П и Ш). Если в 1951-71 гг. младенческая смертность сократилась в Советском Союзе почти в 4 раза, то на протяжении 70-х гг. она стала возрастать и к началу 80-х, по-видимому, снова достигла уровня, отмеченного в самом начале 60-х гг.

Дело, однако, не только в росте младенческой смертности. Хотя официальная отечественная статистика вновь прибегает к своему излюбленному приему утаивания невыгодной информации и ограничивается публикацией коэффициентов общей смертности, повышение которой оправдывает старением населения, есть достаточные основания полагать, что смертность увеличивается и во всех остальных возрастных группах (особенно среди мужчин). Не располагая проверенными данными о ее структуре по возрасту и по причинам, я не хотел бы заниматься умозрительными поисками источников этого позорного и беспрецедентного в современном цивилизованном мире явления. Тем не менее позволю себе констатировать, что кризис советской медицины и всей системы здравоохранения (В.Кнаус, 1981; М.Фильд, 1983; Н.Эберштадт, 1981) играет здесь второстепенную роль.

Гораздо серьезнее непропорционально высокий удельный вес смертности, вызванной травматизмом, систематическое качественное недоедание широких масс трудящихся не только города, но деревни (Л.Тимофеева, 1982), массовый алкоголизм (М.

Алексеев, 1983; З.Балаян, 1985; И.Бирман, 1983[а]; В.Тремль, 1982,1983; А.Г.Федоров, 1975), назревающая, а может быть, уже происшедшая экологическая катастрофа (Б.Комаров, 1978; И.Рылкова, 1975). Один только перечень этих причин даже при абсолютной невозможности их квантификации позволяет предположить, что смертность населения СССР возрастает прежде всего в результате действия комплекса неблагоприятных для здоровья факторов, возникновение которых и стремительная интенсификация неразрывно связаны с имманентными особенностями самого советского строя. Пусть казенные оптимисты и пропагандисты продолжают твердить заученные в партшколах слова о его гуманизме. Доступная статистическая информация о смертности и еще более — ее отсутствие как в подцензурных публикациях (см. главы П и Ш), так и в разработках ВОЗ (World Health..,1981), опровергают эти голословные тезисы.

Именно поэтому борьбу с массовой преждевременной смертностью в Советском Союзе — более чем где бы то ни было — нельзя рассматривать как чисто медицинскую проблему. Она не вмещается в относительно узкие рамки профессиональных и организаторских задач, которые призвана и в состоянии решать даже весьма эффективная система здравоохранения. Отсюда следует, что сокращения смертности и удлинения средней продолжительности жизни можно в СССР ожидать лишь при условии, что в обозримом будущем возникнет реальная возможность не только интенсификации экономического развития, но и коренной переориентации народного хозяйства с учетом первоочередных нужд населения.

Иначе говоря, сконструированные на перспективный период гипотетические таблицы смертности приобрели бы оптимистическое звучание лишь при условии, что их автор сохранит наивное убеждение в автоматизме и цепном характере процессов, обусловливавших до недавнего времени почти непрерывное удлинение средней продолжительности жизни. Реальный социализм, восторжествовавший в Советском Союзе, развеял такие иллюзии. Они не возродятся, не превратятся во сколько-нибудь оправданные надежды, если руководство страны действительно, притом всерьез и надолго не откажется от глобальной стратегии и не заменит ее стратегией, нацеленной на полное удовлетворение насущных потребностей народа.

Быть может, Господь обделил меня фантазией, но я не в состоянии убедить себя в возможности такой метаморфозы. Оптимизация порядка вымирания (т.е. снижение повозрастных коэффициентов смертности) в СССР мне представляется столь же маловероятным, как возврат к режиму расширенного вопроизводства (т.е. повышение рождаемости) в тех обширных и густонаселенных районах страны, где оно приближается к простому.

Еще труднее себе представить, как в обозримом будущем изменится региональное распределение населения Советского Союза под влиянием миграций. Несомненно, советские политики, хозяйственники и плановики отдают себе отчет в масштабах задач по дальнейшей русификации национальных окраин, освоению всех тех областей, где нет недостатка в сырье, но испытывается острый дефицит трудовых ресурсов, интенсификации сельского хозяйства и использовании высвобождающейся таким образом рабочей силы в ряде отраслей промышленности и в сфере обслуживания, которые буквально задыхаются от нехватки рабочих рук. Понимание этих задач, однако, не равнозначно их решению вследствие противоречий, в которых запуталась советская система.

Советские политики и экономисты, стремясь направить миграционные потоки во все еще относительно малолюдную Сибирь, не могут забывать об обезлюдевшем Нечерноземье (Н.Т.Агафонов, Б.С.Хорев, 1976). Они нуждаются в постоянном притоке квалифицированных кадров на действующие предприятия, которые преимущественно размещены в главной полосе расселения, но должны позаботиться и о создании армии строителей новых предприятий в основном за пределами этой полосы, поблизости от источников сырья. Им необходим дальнейший приток сельского населения в города, но не хватает умения и средств на интенсификацию сельского хозяйства и соответствующее современным стандартам городское строительство. Беспомощно регистрируя оскудение старой сырьевой базы и продолжая хищническое ее разграбление, они проявляют такую же беспомощность в освоении новой, ибо не располагают ни необходимыми для этого техническими средствами, ни людьми.

Отечественная литература по вопросам миграции населения, а также воспроизводства и рационального использования трудовых ресурсов весьма обширна. Ее критический обзор не вмес-

тился бы в рамки моей книги. Ограничусь констатацией, что только в 1960-75 гг. этой тематике было посвящено около полутора тысяч монографий, коллективных работ и сборников (Д.И. Валентей, Э.Ю.Бурнашев, 1974, 1977, 1981). Тому, кто знаком с советской издательской политикой, достаточно взглянуть на корешки изданных книг или даже только на их перечень, чтобы убедиться, что названная проблематика оказалась в центре внимания подцензурных авторов — демографов и экономистов. Повышенный интерес к ней — не случайность. От воспроизводства, размещения и использования трудовых ресурсов страны во многом зависят ее судьбы.

К сожалению, содержание доступных мне работ слишком убого для того, чтобы оценить, насколько в обозримом будущем вероятен переход от стихийности, все еще характерной для этих процессов, несмотря на централизованное планирование, к продуманному и основанному на результатах объективного экономического и социологического анализа управлению ими. Авторы ведут лишь схоластические споры по поводу определения понятия "трудовые ресурсы" и содержания этой экономической категории в различных общественных формациях (преобладает мнение, что трудовые ресурсы социалистического общества включают совокупную рабочую силу занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве и потенциальную в каждый данный момент рабочую силу: Ф.И.Гилицкий, 1977). Трудно, однако, предсказать, чем завершится дискуссия о методах управления, распределения и оптимизации режима воспроизводства трудовых ресурсов. Не исключено, что испытываемые Советским Союзом экономические трудности дадут перевес сторонникам широкого применения административных мер. Их голоса прозвучали бы в унисон со многими высказываниями Горбачева.

По-видимому, полностью сохранили актуальность слова Б.С. Хорева (1976), согласно которому "оправданно... ожидать дальнейшего роста миграционной подвижности населения. Можно сослаться на такие основания для подобного прогноза, как недостаточная еще урбанизированность нашей страны, ... малая еще степень освоенности значительной части нашей территории, развитие социальной мобильности, массовая автомобилизация быта... Вместе с тем надо признать, что основной для достаточно надежного прогноза миграционной подвижности населения мы

пока не располагаем, и дело здесь прежде всего в том, что неисследованных вопросов в этой области больше, чем исследованных" (с.49).

Именно поэтому формулировка каких бы то ни было предпосылок для прогноза миграции и, следовательно, обусловленных ею вторичных изменений в региональном распределении населения СССР, по-моему, пока невозможна. Взвесив все "за" и "против", я предпочел от нее отказаться и только в дополнительных вариантах прогноза представил возможные последствия миграции населения Среднеазиатских республик.

2. Предпосылки собственных перспективных исчислений

Тем самым мои попытки прогнозировать дальнейшее развитие населения Советского Союза свелись к разработке предпосылок рождаемости и смертности. Изменения возрастно-полового состава и общей численности населения стали производными названных процессов, но не отразили дополнительного влияния миграционного фактора. Отсюда следует, что результаты моих перспективных исчислений могут подтвердиться в реальной действительности лишь благодаря такому стечению обстоятельств, какое позволило некоторым демографам объявить ясновидцем С.Г.Струмилина.

Я на это не рассчитываю – более того – не хотел бы прослыть ясновидцем. Свою задачу я свожу к объективному выявлению тенденций будущего, заложенных в настоящем, и представлению их отдаленных количественных последствий. Поэтому – согласно терминологии Э.Россета (1973) – мой прогноз не относится к числу реалистических. Скорее всего он носит аналитический (условный) характер и может рассматриваться как прогноз-предостережение. Тем не менее я отнюдь не исключаю, что его конечные результаты окажутся весьма близкими к истинным. Проверить это предположение мне не удастся по двум причинам: из-за длительности перспективного периода и дальнейшего (несмотря на нынешние официальные призывы к гласности) засекречивания в СССР статистической информации. Надеюсь, все же, что в этом меня заменит часть моих читателей.

В связи с изложенным я отказался от первоначального намерения и исключил из текста настоящей монографии целый ряд вариантов прогноза, оставляя в нем только тот, который счел наиболее вероятным ("средний"), а также два экстремальных (минимальный и максимальный; если читателя устраивает подобная терминология, их можно определить как пессимистический и оптимистический, или "низкий" и "высокий"). Пользуясь случаем, здесь же укажу, что максимальный вариант прогноза основан на предположении о неизменности на протяжении всего перспективного периода обоих элементов естественного движения (стабилизации на уровне начала 80-х гг. повозрастных коэффициетов рождаемости и смертности).

Переходя к обоснованию остальных предпосылок и освещению полученных на их основе результатов, прежде всего подчеркну, что после долгих колебаний я решился довести свои исчисления до 2020 г. Поскольку каждый "шаг" составил в них 5 лет, численность населения на середину 2017 г. я определил затем как среднюю из численностей на начало 2015 и 2020 гг. Принятие такой длительной перспективы мне представляется вполне допустимым, т.к. "вплоть до 2000 г. перспективные расчеты населения исходят из того, что его возрастная структура в предстоящие десятилетия нам известна, а в отношении количества детей в семье можно строить вполне обоснованные предположения. До 2020-25 гг. можно исходить из достоверных предположений о возрастной структуре населения, в отношении же количества детей в семье – выдвигать различные гипотезы" (Э.А.Араб-Оглы, 1978, с. 43).

Таким образом, мой прогноз, временной интервал которого приближается к сорока годам, занимает промежуточное место между сверхдолгосрочными и долгосрочными (В.В.Косолапов, 1981), и к нему с полным основанием можно отнести все соображения, которые высказывались многими специалистами по поводу длительности перспективы (отдаленности горизонта) и ее влияния на точность конечных результатов (Ф.Бааде, 1962; В.В.Войтинский, 1958; А.Сови, 1958). Наиболее все же ценно для меня указание В.Срба (1965), согласно которому только прогнозы, охватывающие 30-50-летний временной интервал, "позволяют пролить свет на отдаленные последствия тенденций, выступающих сегодня" (с. 177). Придерживаясь того же мнения, я

решился не принимать во внимание предостережения А.Я.Боярского (1965), писавшего, что "верхней границей срока реальности прогноза будущей численности населения... можно считать период 20 лет" (цит. по изд. 1975, с. 217).

Цитируемый автор утверждает, что за пределами этого срока "начинаются уже не исчисления, а догадки" (там же) и, по-видимому, считает, что этим определением окончательно дисквалифицирует все долгосрочные прогнозы. Недоразумение, надо полагать, заключается в том, что А.Я.Боярский относит свои замечания к т.н. реалистическим прогнозам, а его сторонники пытаются их распространить и на аналитические. Ценность же последних как раз в том, что их результаты показывают, к каким последствиям приведет воплощение в жизнь той или иной предпосылки, положенной в основу прогноза. Обоснованность этой предпосылки заставляет внимательно вчитаться в конечные результаты, даже если они заранее определены как возможная, но отнюдь не неизбежная характеристика демографического будущего.

Год двухтысячный, которым откроется новый век и новое тысячелетие и на котором обрывались прогнозы чуть ли не всех моих предшественников, делит временной интервал, охваченный моими перспективными исчислениями, на две примерно равные части. Этот магический порог, не перейденный до сих пор никем, кроме авторов сверхдолгосрочных прогнозов ООН (Estimates..., 1982; Long Range..., 1983) и Т.Фрейки (1973), оказался для меня лишь вехой на полпути. Значит ли это, что я не подвержен болезни круглых дат, которой страдают многие мои коллеги? Увы, не значит, ибо свои исчисления мне захотелось довести до дня, когда так или иначе будет отмечаться столетие Октябрьской революции. Надеюсь, что читатели простят мне это проявление слабости. Я не приобрел невосприимчивости к юбилейным датам и не излечусь от мании подсчета лет, прошедших с того пасмурного дня, когда круто повернулось колесо не только общей биографии нескольких поколений моих сограждан, но и всего человечества.

Естественно, я был бы куда более удовлетворен полученными результатами, если бы пришел к ним путем суммирования прогнозов, составленных по союзным республикам и экономическим районам. Согласно Л.Л.Рыбаковскому (1978), "методика

ГВЦ Госплана СССР... предполагает прогнозирование населения отдельных территорий с учетом заранее заданного сальдо миграций" (с. 147). К сожалению, доступны лишь общие методические указания ("Методические...", 1969, 1974), тогда как необходимые для их использования материалы либо засекречены, либо внушают серьезнейшие сомнения, заставляющие отказаться от их принятий в качестве исходных.

Лучшее тому доказательство – отсутствие данных о возрастно-половом составе населения не только союзных республик, но даже Советского Союза в целом. В главе III я подробно осветил этот вопрос и описал методические ухищрения, к которым вынужден был прибегнуть, пытаясь приподнять еще один плотный покров, накинутый на основные статистические сведения о населении Советского Союза. Есть нечто гротескно-парадоксальное в том, что – стремясь проникнуть взглядом в будущее, скрытое от глаз исследователя любого явления и в любой стране, – сталкиваешься с необходимостью расшифровывать настоящее, хотя его познание на уровне современной науки не требует ничего, кроме основной информации, систематически оглашаемой всюду, за исключением СССР. Можно ли удивляться, что, приступая к составлению прогноза, я считался с возможностью отклонения его результатов от действительности не только из-за неточности препосылок, но также из-за далеко не безупречного исходного информационного массива? Именно потому, выражая полученные результаты в тысячах, я не могу поручиться, что не следовало бы ограничиться их выражением в десятках (по отдельным возрастным группам), а то и сотнях тысяч (в итоговых цифрах).

Приступая к перспективным исчислениям, я отдавал себе отчет и в том, что их конечные результаты не совпадут с прогнозом ООН (Demographic Indicators ..., 1982) не только из-за существенных расхождений в предпосылках (см. ниже). Расхождения неминуемы и потому, что (не вдаюсь в методические детали) эксперты ООН несколько иначе оценили базовую общую численность и возрастно-половой состав населения СССР в 1980 г. В сложившихся условиях такие расхождения вполне объяснимы, и не мне судить, чья оценка ближе к истине. Выбрав в качестве исходной вытекающую из собственных расчетов базовую структуру, считаю нужным повторить (см. главу III), что она сущест-

венно отклоняется от оценки ООН только в трех случаях: в численностях возрастных групп 0-4, 5-9, и 75-79 лет. Поскольку расхождение, относящееся к старшей группе, в перспективном исчислении играет минимальную роль, а относящиеся к двум младшим нивелируются, они не сказываются на общих конечных результатах. Добавлю, что я оценил исходную численность населения СССР в 264.486 тыс., эксперты же ООН – в 265.493 тыс. чел. (на 0,38% выше). Таким образом, кое-какое влияние на результаты перспективных исчислений могли оказать только различающиеся численности двух самых младших возрастных групп. Однако – при условии идентичности предпосылок, относящихся к динамике повозрастных коэффициентов рождаемости и вероятностей дожития, – они могли бы отразиться лишь на промежуточных, но не на конечных результатах этих исчислений.

Разумеется, мне не хотелось ни повторить ошибки многих моих предшественников, ограничивавшихся формулировкой более или менее произвольных предпосылок прогноза во всесоюзном масштабе, ни воспользоваться исходными данными о возрастно-половом составе населения СССР, исчисленными по итогам переписи 1970 г. Благодаря остроумным работам М.Фешбаха (1982) возникла возможность иного, в известном смысле компромиссного решения. Определив предполагаемый возрастно-половой состав населения по пяти группам союзных республик ("славянские", Среднеазиатские, Прибалтийские, Закавказские, а также Молдавская и Казахская), я сформулировал затем предпосылки дифференцированного изменения повозрастных коэффициентов рождаемости. К сожалению, из-за отсутствия официальной информации о повозрастных уровнях смертности не только по отдельным республикам, но и во всесоюзном масштабе, я вынужден был исходить в прогнозе из несколько упрощенных предпосылок (дифференциация по группам республик и вариантам прогноза при стабилизации во времени).

Не исключаю, что группировка союзных республик кое-кому покажется сомнительной. В данном случае – в полном соответствии с рекомендацией Г.Макенрота (1953) – я руководствовался не столько логикой цифр, сколько логикой вещей, и именно поэтому республики, включаемые некоторыми исследователями в единую группу, где завершен демографический переход, разделил на две: "славянских" и Прибалтийских. По тем же со-

ображениям ко второй из названных групп я отнес Литву, хотя по Р.Татевосову (1982), применившему классификацию Д.Богю (1969), демографический переход в ней только близится к завершению. Азербайджанская ССР включена мной в ту же группу, что Среднеазиатские республики, поскольку для коренного населения, все еще составляющего там подавляющее большинство, характерен тот же режим вопроизводства, а само оно по этническим и религиозным признакам ближе к этой группе, чем к Закавказской. Объединение Армении и Грузии не требует особых пояснений, хотя в первой демографический переход еще довольно далек от завершения, тогда как во второй в относительно недалеком будущем следует ожидать смены режима слегка расширенного воспроизводства режимом простого, а то и суженного. Что же касается объединения Молдавской и Казахской республик в группу "прочие", то это результат механического упрощения таблиц (расчеты по каждой из названных республик проводились отдельно). В группу Среднеазиатских республик Казахстан я не включил, т.к. коренное население, для которого характерен режим расширенного воспроизводства, давно не составляет там большинства, а перспективный период – в зависимости от судеб сельского хозяйства на бывших целинных землях – возможен как дальнейший приток мигрантов, так и изменение этнических пропорций под влиянием различий в процессах воспроизводства населения (в обоих случаях Казахская ССР будет отличаться от всех остальных групп республик).

Таким образом, рассматриваемые ниже варианты прогноза отличаются друг от друга только по темпам уменьшения повозрастных коэффициентов рождаемости, дифференцированных по перечисленным группам республик. Опуская излишние технические детали, привожу коэффициенты суммарной рождаемости и валового (брутто) воспроизводства.

Содержащиеся в таблице У.1 данные свидетельствуют о том, что ни в одном из вариантов я не предусмотрел катастрофического сокращения рождаемости. На мой взгляд, воспроизводство населения к концу перспективного периода останется, однако, расширенным только в Среднеазиатских республиках и Азербайджане, а также в Казахстане и Молдавии. К режиму суженного воспроизводства населения перейдут Армения и Грузия. Что же касается "славянских" (РСФСР, УССР и БССР) и Прибалтий-

ских республик, где величина коэффициента воспроизводства населения не достигает критического уровня, то в них углубятся наблюдаемые ныне тенденции.

Добавлю, что коэффициенты суммарной рождаемости исчислены по повозрастным, причем исходные групповые определялись как средневзвешенные из республиканских. Уровень рождаемости в Среднеазиатских республиках во втором варианте прогноза на конец перспективного периода принял на 10% меньше минимального, отмеченного в настоящее время в этой группе (исключая Азербайджан, который отнесен к ней по принципиальным соображениям), а в третьем варианте — на 20% меньше. Примерно такие же предпосылки были сформулированы и при установлении конечных уровней повозрастной рождаемости в Закавказских республиках, Молдавии и Казахстане. В славянских же и Прибалтийских республиках рождаемость, уже в настоящее время находящаяся на весьма низком уровне, по-моему, может сократиться — в основном — только за счет сокращения повозрастных коэффициентов в старших группах контингента женщин детородного возраста. Величины коэффициентов для промежуточных периодов исчислялись с учетом экстремальных по соединяющей их логарифмической кривой.

Дифференциация повозрастных коэффициентов рождаемости неминуемо приведет и к дифференциации темпов количественного роста населения групп республик, что, в свою очередь, окажет не предусмотренное моими предшественниками влияние на динамику величины общесоюзных показателей воспроизводства населения. Откладывая рассмотрение соответствующих данных до следующей главы (таблица У1.3), ограничусь пока констатацией, что коэффициенты суммарной рождаемости и воспроизводства населения, исчисленные во всесоюзном масштабе как средневзвешенные величины соответствующих коэффициентов по группам союзных республик, на протяжении перспективного периода в первом варианте прогноза несколько возрастут, а во втором незначительно уменьшатся. Изменится, однако, их внутренняя структура, что будет чревато дальнейшими коренными сдвигами в структуре контингента родившихся и распределении населения по союзным республикам.

Тем не менее ни стабилизация повозрастных коэффициентов рождаемости на современном уровне (вариант 1), ни их незначи-

тельное снижение (вариант П) даже к концу перспективы не обусловят перехода к режиму суженного воспроизводства населения всей страны (полная заменяемость поколений будет обеспечиваться за счет тех республик, где сохоанится режим несколько расширенного воспроизводства). По третьему же варианту прогноза, который основан на предпосылках о более существенном снижении рождаемости, сопровождаемом некоторым ростом смертности (большим, чем в вариантах 1 и П), я пришел к принципиально иным конечным результатам. Они показывают, что в этом случае к концу перспективы Советский Союз вступит в эпоху суженного воспроизводства, угрожающего в дальнейшем депопуляцией.

Перейду к предпосылкам, касающимся смертности.

Они дифференцированы только по группам союзных республик, но не во времени, в соответствии со специально сконструированными гипотетическими таблицами смертности. Расчеты последних основывались на результатах анализа динамики повозрастной смертности в 60-70-е гг. (см. главы II и III). Из-за фрагментарности и неточности исходной информации таблицы носят ориентировочный характер и вынуждают ограничиться предположением о неизменности (в каждом данном варианте прогноза и групше республик) принятых параметров.

В таблице У.3 приведены величины одной из биометрических функций этих гипотетических таблиц смертности – числа живущих в возрасте х лет (по пятилетним группам). Они достаточны для того, чтобы определить все остальные функции, в частности, вероятности дожития, с помощью которых производилась передвижка возрастов. Не стану комментировать свои таблицы, т.к. они играли роль рабочего инструмента. Считаю все же нужным отметить: в отличие от авторов других прогнозов даже в оптимальный я заложил сокращение средней продолжительности предстоящей жизни новорожденных обоего пола примерно на один год по сравнению с официальными таблицами 1968-71 гг.

Подробному рассмотрению сформулированных мной предпосылок прогноза и их влияния на промежуточные и конечные результаты исчислений посвящена следующая глава. Тем не менее четыре обстоятельства требуют освещения уже здесь. Во-первых, предупреждая возможные сомнения тех читателей, которые обратят внимание на относительно небольшое изменение величин

коэффициентов суммарной рождаемости в т.н. мусульманских республиках (Среднеазиатских и Азербайджане), повторю, что мой прогноз носит биологический характер и не учитывает межреспубликанских миграций, а также миграций по направлениям "село-город-село". Глубоко уверен, что существенного сокращения рождаемости в указанных республиках при этом условии ожидать не приходится и переход к режиму простого воспроизводства населения растянется в них на многие десятилетия, вероятно, до конца XX1 в. Напротив, события в магометанском мире могут способствовать дальнейшей "исламизации" республик советской Средней Азии, Ажербайджана и ряда автономий Российской Федерации. Поскольку репродуктивные установки, характерные для населения мусульманских стран, мощно противодействуют объективным факторам демографического перехода, представляется возможной также стабилизация рождаемости на современном уровне, что мной предусмотрено в максимальном (первом) варианте прогноза.

Другое дело, если экономические или внеэкономические факторы сдвинут с насиженных мест эту многомиллионную массу, располагающую в настоящее время огромным демографическим потенциалом роста (Е.Андреев, С.Пирожков, 1075; П.Венсан, 1945). Отрыв от соплеменников, вовлечение в орбиту культурного влияния "иноверцев", переход от привычного крестьянского труда к работе на современных промышленных предприятиях, повышение занятости женщин в общественном секторе производства – все это неминуемо отразится на демографических установках, приведет к выработке новых норм демографического поведения и повлечет за собой ускорение темпов снижения рождаемости. Именно такую возможность я предусмотрел в одном из дополнительных вариантов прогноза (см. главу У1), по которому коэффициент суммарной рождаемости в Среднеазиатских республиках к 2015-19 гг. уменьшится до 3110,0, а коэффициент валового вопроизводства – до 1,515, что несколько уступает исходным показателям в Казахстане и Молдавии.

Не исключено, что попытка использовать потенциальную рабочую силу Среднеазиатских республик в других экономических районах страны повлечет за собой и существенное повышение смертности среди мигрантов. Полагаю, что и такой вариант перспективных исчислений представлял бы определенный интерес,

но, каюсь, не сумел его разработать. Вероятно, непременным условием того, что предпосылки такого прогноза не будут высосаны из пальца, должен стать всесторонний анализ динамики смертности населения Советского Союза под влиянием неблагоприятных климатических и экологических факторов. Вряд ли необходимо добавлять, что в доступной литературе нет и намека на подобный анализ.

Во-вторых, серьезным недостатком моего прогноза явилось отсутствие каких бы то ни было предпосылок, относящихся к внешней миграции. Ни одна из упомянутых выше работ, так же, впрочем, как исследование Т.Ивановой и И.Калинюк (1979), не содержит сведений, необходимых для их формулировки. Внешней миграции я вообще не учитывал, тем более, что предусмотреть политику советского правительства в этой области немыслимо. Нельзя исключить смягчения эмиграционной политики под давлением внешних сил, ради преодоления экономических трудностей или по пропагандистским соображениям. Но и в таком случае отклонение конечных результатов прогноза от действительности вряд ли существенно возрастет, т.к. маловероятно, что число покидающих СССР превысит величины, отмеченные в середине 70-х гг. (см. главу II).

В-третьих, как я уже упоминал, представленный ниже прогноз отличается от всех предыдущих заложенным в него сокращением средней продолжительности жизни. Правда, оно относительно невелико, но достаточно четко свидетельствует об убежденности автора в изменении долгосрочной тенденции. Не могу исключить периодических колебаний этого показателя, но думаю, что они не оказали бы заметного влияния на конечные результаты (в этом нетрудно убедиться, сравнивая численности населения в возрасте 40 лет и старше, определенные по первому и остальным вариантам; см. следующую главу).

И, наконец, в-четвертых, должен заранее предупредить читателей, что – по примеру всех специалистов в области демографического прогнозирования – в своих перспективных исчислениях я не принимал во внимание возможного воздействия т.н. катастрофических факторов. По Чехову, ружье, висящее на стене в первом акте спектакля, непременно должно выстрелить в последнем. Аналогия возникает непроизвольно, хотя чеховское ружье, конечно, несравнимо с накопленным термоядерным ракетным потенциалом.

Расчетами и вероятностными оценками демографических последствий современной войны за рубежом занимаются довольно давно, в сущности, с тех пор, как были обработаны и оглашены результаты исследований, проведенных американскими специалистами в Хиросиме и Нагасаки ("Действие... ", 1960; "Поражающее действие... ", 1954). Их обобщение содержится в известном докладе Генерального секретаря ООН (Report ..., 1967), в подготовке которого принимали участие и советские эксперты. Не подлежит сомнению, что в СССР эта проблематика усиленно разрабатывается.

Тем не менее "Запад есть Запад., Восток есть Восток", как Киплинг некогда сказал, и судить о плодах соответствующих изысканий можно только по американским и международным публикациям, но никак не по советским. Согласно Г.Абрамсу и У.Ф.Каснелу (цит. по Е.И.Смирнову, 1983), в результате мощного ядерного удара в США сразу погибло бы 86 млн. чел. Из выживших не менее 34 млн. будет тяжело ранено, а 50 млн. умрут в убежищах и от последствий радиационной болезни. В живых осталось бы 60 млн. чел. Учитывая значительно меньшую плотность населения СССР и отсутствие столь крупных городских агломераций, можно предположить, что здесь ядерный удар вызвал бы несколько меньшие потери. Однако и в СССР осталось бы не более трети населения. Остается надеяться на рассудок политиков, на сохранение в длительной перспективе равновесия в области стратегического оружия и средств защиты от него. К тому же надо исключить возможность роковой случайности. Разве что гибельный потенциал будет действительно уничтожен...

Если термоядерная война все же разразится, вряд ли уцелеют демографы, а если даже уцелеют, то вряд ли станут заниматься исчислениями.

Но и без термоядерной катастрофы (или до нее) разнообразные крайне неблагоприятные факторы могут оказать воздействие на обе составляющие процесса воспроизводства населения СССР. Возможны военные авантюры по образу и подобию афганской, которая влечет за собой человеческие жертвы, уже теперь исчисляемые десятками тысяч. Возможна справедливая месть природы. Возможны – после очередных "приливов" разума в отношениях с капиталистическим миром – "отливы", доводящие до экономической блокады. Возможно распространение новых

инфекций, о чем свидетельствует хотя бы неожиданно замахнувшийся на человечество СПИД. К какому повышению смертности приведут такого рода факторы и как параллельно снизится рождаемость? Демографу на эти вопросы не ответить. Не уверен, что ответ на них смогли бы дать и многопрофильные коллективы специалистов.

Глава VI

ГУСТАЯ ТЕНЬ ПРОЗРАЧНЫХ ЦИФР

Руководствуясь приведенными в предыдущей главе гипотетическими таблицами смертности (точнее, определенными по ним вероятностями дожития) и гипотетическими повозрастными коэффициентами рождаемости, я разработал прогноз в трех вариантах по пяти названным выше группам союзных республик, причем, разумеется, проводил все расчеты отдельно для мужчин и женщин, а затем суммировал результаты и определял производные показатели. Таким образом, каждый из основных вариантов прогноза развития населения Советского Союза представляет собой сумму пяти региональных прогнозов.

Кроме того, я рассчитал 12 дополнительных вариантов, отличающихся друг от друга некоторыми второстепенными деталями. Во избежание перегрузки настоящей монографии цифрами, которые привлекли бы внимание лишь очень узкого круга специалистов, ограничусь рассмотрением трех из них (они обозначены символами $1У^{а}$, $1У^{б}$ и $1У^{в}$). По тем же соображениям основой этой главы служат результаты перспективных исчислений по варианту П, который я счел наиболее вероятным, результаты же остальных использованы и прокомментированы в несколько сокращенной форме, лишь по мере необходимости.

1. Динамика численности населения

Хотелось бы все же начать со сравнения общей численности населения Советского Союза, определенной по всем основным вариантам прогноза. Максимальный (1) вариант базируется на предпосылке о неизменности на протяжении всего перспективного периода исходных повозрастных коэффициентов рождаемости и смертности. Следовательно, он показывает, к каким последствиям привела бы стабилизация показателей естественного движения населения всех пяти групп союзных республик на современном уровне. Варианты П и Ш (наиболее вероятный и минимальный) отличаются от него и друг от друга снижением первых и повышением вторых, конечными уровнями этих показателей и, следовательно, темпами сдвигов в рождаемости и смертности,

Эти, казалось бы, незначительные в каждый данный момент, подспудные изменения, улавливаемые и должным образом оцениваемые только специалистами, выливаются во внушительные цифры, которые настолько прозрачны и убедительны, что не могут не подействовать на воображение даже неискушенных в демографии читателей. Если действительность подтвердит предпосылки, из которых я исходил, рассчитывая максимальный вариант прогноза, численность населения Советского Союза в 1980-2019 гг. возрастет на 72,0 млн. (27,2%) . По минимальному варианту прирост численности составил бы только 37,5 млн. (14,2%) , т.е. почти вдвое меньше. Расхождение между предполагаемыми величинами прироста превышает 34,5 млн., т.е. на 2,4 млн (14,2%) превосходит исходную численность населения пяти союзных республик, отнесенных к группе Среднеазиатских.

"Вилка", принятая в моих исчислениях (таблица У1.1) кое-кому покажется чрезмерной. Закономерно предположение, что я расширил ее сознательно, чтобы она "в свои железные объятия... включила... фактические цифры" (Б.Ц.Урланис, 1974, с. 327), относящиеся к концу перспективного периода. Парируя этот возможный упрек, я мог бы напомнить, что подобные расхождения между отдельными вариантами при прогнозировании на 30-40 лет тем же автором в другом месте цитируемой монографии оцениваются как вполне допустимые. Такой полемический при-

ем мне представляется все же менее убедительным, чем выяснение причин, обусловивших столь существенное расхождение между крайними вариантами прогноза.

Дело-то, в частности, в том, что точность перспективных исчислений при прочих равных условиях определяется удачностью предпосылок отнюдь не в большей мере, чем качеством исходной статистической информации. В этом контексте уместно сослаться на опыт ООН, в различных вариантах прогноза которой расхождения между итоговыми численностями населения Китая, Нигерии или Афганистана целиком и полностью определялись отсутствием достоверных исходных данных и вытекали из расхождений в оценках, принятых в качестве базы для последующих перспективных исчислений. Оно конечно, в СССР демографическая статистика поставлена лучше, чем в перечисленных странах, и, насколько мне известно, на протяжении 1959-79 гг. ни один серьезный специалист не выразил сомнения в достоверности советских данных об общей численности населения. Несколько иначе многие отнеслись к официальным публикациям по рождаемости. Неоднократно подчеркивалось, что общие и повозрастные ее коэффициенты, рассчитываемые во всесоюзном масштабе и по союзным республикам, явно недостаточны ни для углубленного анализа актуальной демографической обстановки, ни для всесторонней оценки перспектив дальнейшего развития населения СССР. Об информации по смертности и говорить не приходится – практически в настоящее время ее нет.

Поэтому в свое оправдание (если кто-либо сочтет его необходимым) я вправе сказать, что сформулированные мной предпосылки различных вариантов прогноза (следовательно, и конечные его результаты) не разнились бы столь существенно, если бы я располагал не фрагментарными, а полными данными о составе и естественном движении населения СССР и не был вынужден заполнять пробелы в официальной информации собственными предположениями, ориентировочными оценками и гипотетическими расчетами. Глубоко уверен, например, что пришел бы к несколько иным выводам о предстоящих сдвигах рождаемости, если бы имел возможность изучить ее динамику не в республиканском, а в порайонном разрезе, располагал внушающей доверие информацией о демографическом поведении мигрантов, достоверными сведениями о распространенности абортов и т.п.

Еще проблематичнее представляются мне самому предпосылки, легшие в основу гипотетических таблиц смертности, т.к. при их разработке я не мог воспользоваться официальной информацией не только о региональных особенностях, но и о структуре умерших по возрасту и причинам смерти.

Подчеркнув, что и я отнюдь не в восторге от столь значительных расхождений между крайними вариантами прогноза, хотел бы повторить, что наиболее вероятными мне кажутся результаты второго варианта. Тем не менее и в нем еще кое-что не вполне ясно, и я понимаю, что судьба моего прогноза окончательно определится лишь к концу 80-х – началу 90-х гг. В возраст наибольшей репродуктивной активности войдут тогда когорты женщин, родившихся во второй половине 60-х и начале 70-х гг., т.е. в период заметного снижения рождаемости. Их демографическое поведение позволит окончательно оценить, насколько я был прав, предусматривая те или иные сроки и темпы завершения демографического перехода в Среднеазиатских республиках, Азербайджане, Казахстане и Молдавии, и насколько относительная немногочисленность этих когорт, определяемая во всесоюзном масштабе, будет компенсироваться меньшим, чем я предполагал, сокращением рождаемости в названных республиках. Выяснится также принципиально важный и все еще не решенный теоретиками вопрос о дальнейшем течении демографических процессов там, где демографический переход уже завершен. Остановится ли рождаемость на достигнутом к этому моменту уровне, близком к критической границе простого воспроизводства населения, или стабилизация окажется невозможной и вскоре сменится режимом воспроизводства все более и более суживающегося? Этим, в конечном счете, будет предопределена динамика численности населения славянских и Прибалтийских республик, на долю которых к началу перспективного периода приходилось почти 78% населения всей страны.

Второй же неясный вопрос относится к предполагаемым сдвигам в смертности. В отличие от всех своих предшественников я исходил из более высокого ее базового уровня и предусмотрел дальнейшее повышение. А ведь именно в текущем десятилетии в возраст, в котором вероятности умереть увеличиваются скачкообразно и в котором уже теперь пребывают все активные участники второй мировой войны, вступят также все те, кто испы-

тал на себе влияние сопутствующих ей неблагоприятных для здоровья и физического развития факторов. От того, насколько я был прав или ошибался в квантификации отсроченного воздействия этих факторов, зависит численность той части предполагаемого мной в будущем населения страны, к которой в исходный момент перспективного периода (в 1980 г.) относились лица в возрасте 30 лет и старше (их доля составляла 48,9% общей численности населения).

Определенное значение будут иметь и дальнейшие сдвиги смертности в младших возрастных группах – всех тех, кто родился в 1950-79 гг. Именно на них в наибольшей степени отразились как положительные, так и отрицательные социально-экономические аспекты послевоенной советской действительности, именно им уже пришлось и еще придется острее, чем прочим возрастам, испытать на себе последствия нынешнего кризиса советской медицины и здравоохранения, назревающей экологической катастрофы. А ведь в состав этих возрастных групп в 1980 г. входило более половины (51,1%) населения страны, к концу же перспективного периода даже самые старшие из них только-только перешагнут рубеж биологической старости!

Критический характер текущего десятилетия прежде всего выявляется путем сравнения действительного, зарегистрированного официальной статистикой, и предполагаемого прироста населения СССР в 1970-79 и 1980-89 гг. Согласно данным ЦСУ ("СССР в цифрах", 1982), в минувшем десятилетии он составил 22,8 млн., по результатам же моих перспективных исчислений в текущем не превысит 19,6 млн., а может быть (по минимальному варианту), составит только 14,8 млн. (по дополнительным вариантам прогноза и того меньше). Таким образом, среднегодовой естественный прирост во второй половине текущего десятилетия, по всей вероятности не достигнет 1,7 млн., т.е. окажется меньшим, чем в каком бы то ни было "нормальном" (за исключением войн, коллективизации и "большого террора") году с начала века. Столь заметное сокращение естественного прироста представляется тем более существенным, что к 1980 г. численность населения страны по сравнению с 1901 г. возросла почти вдвое (на 130 млн.), а по сравнению с 1927 г. – на 80% (на 118 млн. чел.).

Я отдаю себе отчет в том, что подобные цифры могут произвести немалое впечатление и вызвать определенные сомнения. Ну

что ж, если к 1990 г. ЦСУ СССР не засекретит последних – пока еще оглашаемых – сведений по демографической статистике, если я тогда ознакомлюсь с цифрами, опровергающими результаты моих расчетов или требующими внесения в них серьезных поправок, то не только не огорчусь, но, напротив, испытаю глубокое удовлетворение. Такая реакция автора опровергнутого жизнью прогноза вытекает из его уверенности в том, что существенные отклонения конечных результатов от действительности могут быть обусловлены только благоприятными изменениями политической и экономической обстановки в стране.

В текущем десятилетии – только цветочки, а ягодки, как говорится, впереди. В последующих, как показывает таблица У1.1, темпы количественного роста населения страны будут все более и более снижаться. Уже в 1990-99 гг. среднегодовой абсолютный прирост сократится до 61% отмеченного в 1970-79 гг. и на 17% по сравнению с предполагаемым на 1980-89 гг., а относительный соответственно на 34% и 18%. Вопреки мнению авторов всех известных мне публично обоснованных прогнозов (не стану ссылаться на отдельные высказывания, напр., в двух анкетах "Литературной газеты"; см. главу 1У), Советский Союз не подойдет к рубежу следующего века как страна, насчитывающая более 300 млн. жителей. Только при условии стабилизации рождаемости и смертности на современном уровне их число могло бы достигнуть 301,0 млн., но по минимальному варианту моего прогноза составит 291,3 млн., а по одному из дополнительных едва превысит 290 млн.

Оценивая приведенные в таблице У1.1 результаты перспективных исчислений на 2000 г., читатель заметит, что демографическое будущее Советского Союза мне рисуется в менее радужных красках, чем авторам прогноза ООН (Demographic Indicators ... , 1982). Как я уже указывал, численность населения СССР в 1980-2000 гг., по их мнению, возрастет с 265,5 млн. до 310,2 млн., т.е. на 44,7 млн. (16,8%), а среднегодовой прирост (2,2 млн., или около 0,8%) почти в полтора раза превысит полученные мной показатели (по варианту П они составят 1,5 млн., или 0,5%).

Расхождение в исходной численности населения, хотя и выражается немалой цифрой 1,0 млн., т.е. приближается к 0,4%, все же не имеет принципиального значения, ибо обусловлено в основном тем, что я в качестве исходных принял данные до начала

года, эксперты же ООН – на середину. Гораздо существеннее расхождения в заложенных в прогнозы предпосылках о динамике рождаемости и смертности, обнаруживаемые при сравнении численностей населения в возрасте 0-19 лет (доживших к 2000 г. из числа родившихся в 1980-99 гг.) и в возрасте 20 лет и старше (живших к началу перспективного периода). Первая величина по моим подсчетам уступает определенной экспертами ООН на 6,0 млн. (6,1%), а вторая – на 8,8 млн. (4,2%).

Таким образом, сформулированные мной предпосылки о рождаемости обусловили ее дефицит по сравнению с оценкой ООН, примерно равный числу рождающихся в течение целого года. Еще более впечатляют различия в предпосылках о смертности. Производя операцию постарения тех контингентов, к которым в 1980 г. относились лица в возрасте 0-59 лет, а в 2000 г. будут относиться лица в возрасте 20-79 лет, авторы прогноза ООН основывались на вытекающем из сконструированных ими гипотетических таблиц смертности предположении, что естественная убыль составит здесь 11,0% (т.е. менее 6‰ в год). По моим же расчетам, смертность в рассматриваемых группах, по-видимому, достигнет 14,0% (т.е. 7,5‰ в год).

Не мне судить, кто тут прав, а кто допустил принципиальную ошибку. Вынужден все же отметить, что авторы прогноза ООН исходили из априорного, но, к сожалению, эмпирически не подтвержденного тезиса о необратимости прогресса, влекущего за собой неуклонное увеличение средней продолжительности жизни. Я же, грешным делом, попытался осторожно экстраполировать в обозримое будущее противоречащие столь оптимистическим воззрениям тенденции, которые проявлялись в Советском Союзе с середины 60-х до начала 80-х гг. Биометрические параметры рассчитанных мной гипотетических таблиц смертности (таблица У.3) отражают в связи с этим не прогресс, а стагнацию в перспективном периоде и регресс по сравнению с ранее достигнутым уровнем. Насколько реальны эти параметры, покажет будущее. Недавнее прошлое и настоящее подтверждают, однако, обоснованность такого подхода к их определению.

Сразу же за рубежом XX1 в. темпы количественного роста населения СССР, видимо, еще более существенно замедляются, и в последнем десятилетии перспективного периода среднегодовой прирост будет, вероятно, втрое меньше, чем в 1970-79 гг., а по

минимальному варианту не достигнет и 0,4 млн. Стоит здесь же отметить, что результаты исчислений по одному из дополнительных вариантов прогноза ($1У^{В}$), основанному на предположении об усилении оттока населения Среднеазиатских республик в районы, испытывающие ныне дефицит рабочих рук, привели к еще более пессимистическим выводам. Согласно этому варианту, численность населения СССР в 2010-19 гг. возрастет с 296,3 млн. до 298,6 млн., т.е. среднегодовой прирост составит 0,2 млн. (0,8‰). Может быть, комментаторы демографических событий вспомнят тогда, что в 1970-79 гг. такой прирост регистрировался не за год, а всего только за пять недель, в период же 1923-29 гг. – за 27 дней (хотя население в середине периода в первом случае не превышало трех четвертей, а во втором не достигало и половины той численности, которой, вероятно, достигнет к 2020 г.). Возможно, кто-нибудь из них с горечью и некоторым смущением добавит, что коль скоро такой был среднегодовой прирост за десятилетие, то к его концу, примерно в канун 100-летнего юбилея Октябрьской революции, он неизбежно выразился отрицательной величиной...

2. Естественное движение.

Специфические особенности динамики численности населения СССР, отличающие перспективный период от всех предыдущих, обусловлены заложенными в прогноз предпосылками о рождаемости и смертности.

Сопоставленные в таблице У1.2 по десятилетиям перспективного периода среднегодовые показатели свидетельствуют о том, что абсолютные числа родившихся характеризуются относительным постоянством (амплитуда между крайними их величинами в варианте П прогноза составляет только 3,4% по отношению к средней), тогда как числа умерших существенно возрастают (в конце периода достигают уровня на 26% более высокого, чем в его начале). Относительная стабильность родившихся, связанная с ростом общей численности населения, тем не менее не обеспечивает сохранения исходного уровня рождаемости, смертность же неуклонно увеличивается, чем и обусловлено весьма существенное снижение естественного прироста. Следует отметить, что он снижается очень заметно даже по максимальному варианту

прогноза, хотя рождаемость – благодаря увеличению числа родившихся – к концу перспективного периода повышается. Все же и в этом варианте смертность растет быстрее рождаемости: прирост среднегодового числа умерших составляет 40,5%, а коэффициента смертности – 17,8% (родившихся – 22,7% и рождаемости – 2,9%). По минимальному варианту среднегодовое число родившихся уменьшается весьма незначительно, тогда как умерших увеличивается на 33,3%, коэффициенты же рождаемости и смертности изменяются в противоположном направлении (на – 11,2% и 20,8%), что приводит к пятикратному снижению естественного прироста (по максимальному варианту он сокращается на 25%, а по наиболее вероятному – почти втрое).

Такие сдвиги в рождаемости обусловлены динамикой ее средневзвешенных всесоюзных коэффициентов, исчисленных на основе принятых в прогнозе предпосылок об их динамике в пяти названных выше группах союзных республик.

Читателям, не успевшим пока ознакомиться со сдвигами в региональном распределении населения СССР и сдвигами в его возрастной структуре, содержание таблицы У1.3 может показаться несколько неожиданным. Из нее следует, что суммарная рождаемость (плодовитость), синтезирующая разнонаправленные колебания повозрастных ее коэффициентов, на протяжении всего перспективного периода, по-видимому, не претерпит в СССР сколько-нибудь существенных изменений. Как в начале, так и в конце этого периода условная тысяча женщин за время своего пребывания в детородном возрасте (при предположении, что коэффициенты повозрастной рождаемости стабилизируются на протяжении всего десятилетия на каждом данном уровне) будет рожать несколько более двух тысяч детей. Тем самым не только по максимальному, но и по наиболее вероятному вариантам прогноза на протяжении всего перспективного периода сохранится слегка расширенное воспроизводство населения, и лишь по миминимальному коэффициент чистого воспроизводства в 2010-19 годы снова уменьшится до уровня, которым характеризуются 1980-89 гг., т.е. не обеспечивающего полного замещения поколений.

Изучая демографические процессы только во всесоюзном масштабе и исходя из провозглашаемого официальной пропаганды "единства советского народа", можно было бы ограничиться

этим выводом. Им нельзя, однако, удовлетвориться, хоть чуточку углубляясь во внутреннее содержание приведенных выше показателей, бесконфликтность которых тут же оказывается иллюзорной. Драматизм коэффициентов воспроизводства населения СССР не в их величине, а именно во внутреннем содержании, сложность и противоречивость которого становятся очевидными как только всесоюзные показатели представляются в форме алгебраической суммы региональных. Даже не обращаясь к приводимым ниже данным, нетрудно установить, благодаря чему воспроизводство населения Советского Союза, согласно наиболее вероятному варианту прогноза, на протяжении всего перспективного периода остается несколько расширенным. Это было бы исключено, если бы не относительно высокая и медленно изменяющаяся рождаемость в Среднеазиатских республиках.

Это будет исключено и в том случае, если население Среднеазиатских республик по тем или иным причинам примет большее, чем до сих пор, участие во всесоюзных миграционных процессах. Дополнительные расчеты, выполненные в соответствии с предпосылками вариантов $1У^{а}$, $1У^{б}$ и $1У^{в}$, свидетельствуют о том, что ускорение темпов демографического перехода в этих республиках в недалеком будущем может привести к смене режима расширенного производства населения СССР суженным. По одному из названных вариантов это историческое событие произойдет примерно в 2005 г., а по другому – уже в конце 90-х годов. Коэффициент чистого вопроизводства населения Советского Союза в обоих случаях – впервые в демографической истории страны – не достигнет критического уровня единицы, ниже которого невозможна заменяемость поколений, что предвещает депопуляцию, т.е. сокращение численности населения.

Не только в этом, однако, дело.

Несомненное познавательное значение имеет третий помещенный в таблице У1.4 показатель – показатель эффективности воспроизводства, величина которого соответствует выраженному в процентах отношению коэффициента чистого воспроизводства к коэффициенту валового. Как известно, чем ближе его величина к 100%, тем меньше т.н. избыточная рождаемость, необходимая для достижения данного уровня вопроизводства в условиях чрезмерной, биологически необоснованной смертности в младших возрастах. Из данных, приведенных в таблице У1.4, следует,

что этот показатель на протяжении чуть ли не всего перспективного периода почти не отклонится от своего исходного, совершенно, впрочем, неудовлетворительного уровня. Необходимо подчеркнуть, что такой уровень был характерен для Советского Союза еще в 50-60-х гг., тогда как многие западноевропейские страны к настоящему времени уже приблизились к 98-99%. Столь продолжительная стагнация оказалась бы еще одним "мировым рекордом" Советского Союза в соревновании цивилизованных государств, стремящихся по мере возможности постоянно снижать биологическую стоимость демографического воспроизводства, повышать ценность человеческой жизни с самого ее начала.

Возвращаясь к таблицам У1.3 и У1.4 добавлю, что изменения во времени содержащихся в них коэффициентов в определенной степени обусловлены сдвигами в возрастном составе контингента женщин детородного возраста и его региональной структурой. Второго вопроса я коснусь на последующих страницах. Пока отмечу, что доля женщин в возрасте наибольшей репродуктивной активности (20-29 лет) хоть несколько уменьшается к концу перспективного периода по сравнению с его началом (с 31,9% в 1980-89 гг. до 29,4% в 2010-19 гг.), но все же характеризуется относительной стабильностью, тогда как доля женщин в возрасте 35-49 лет, в котором коэффициенты плодовитости резко снижаются, заметно увеличивается (соответственно с 36,5% до 42,0%). Не подлежит сомнению, что подоплека этих явлений – пертурбации в возрастном составе всего населения страны, обусловленные изменениями уровня рождаемости и продвижением к верхним этажам возрастной пирамиды тех когорт, которым только еще суждено появиться на свет. Их отличие от ныне живущих не сводится, конечно, лишь к количественным параметрам, но и численность имеет немалое значение.

Предстоящее в 1980-2019 гг. некоторое снижение рождаемости, пока оно рассматривается на всесоюзном, а не на региональном уровне, не нуждается в особых комментариях. Ниже я покажу, что иллюстрирующие его показатели недостаточны для всесторонней оценки положения в этой области, но сами по себе не внушают тревоги. В конце-то концов, демографический переход, одно из проявлений которого отражено в динамике коэффициентов рождаемости, типичен для всех развитых стран: некоторые давно его завершили, другие постепенно близятся к завершению,

и Советский Союз не представляет среди них исключения. Специфическая его особенность в том, что, все еще продолжая решать позитивную задачу демографической революции, он уже вплотную столкнулся с необходимостью решать и негативную (А.Г. Вишневский, 1982) – не допускать дальнейшего падения рождаемости хотя бы в масштабах всей страны.

В перспективный период депопуляционные тенденции неминуемо охватят огромный массив славянских и Прибалтийских республик, а может быть – по минимальному варианту прогноза – и Закавказских. Тем не менее благодаря демографическому динамизму Среднеазиатских республик количественный рост населения Советского Союза в целом и в этом случае будет продолжаться. Существенное же снижение уровня рождаемости в них привело бы к депопуляции во всесоюзном масштабе. Не стоит пока вдаваться в оценку такого рода перспектив и задумываться, не опаснее ли они для московской власти, чем деформация национальной структуры. Отметить их возможность все же необходимо.

Есть и еще одна специфическая особенность советских показателей рождаемости, вытекающая из того, что на значительной части территории страны все еще господствуют демографические отношения, весьма далекие от современного типа. В отличие от некоторых отечественных авторов (О.Ата-Мирзаев, 1978), я не считал, что "социально-демографический стереотип" сохранится здесь и в отдаленном будущем, по крайней мере – "до конца текущего столетия" (О.Ата-Мирзаев, Б.Гольдфарб, 1979, с. 113), и поэтому не исходил из предпосылки о "сохранении высокого уровня рождаемости основной массы коренного населения" (там же). Мне думается, куда ближе к истине М.Аманеков (1979), предполагающий, что в Туркмении (добавлю – и в других Среднеазиатских республиках), "по-видимому, в ближайшие годы произойдет активизация процесса снижения рождаемости" (с. 78). И хотя другие исследователи (Л.Алтыева, 1973) в своих оценках предпочли проявить осторожность, я склонен согласиться с А.Г.Вишневским (1982), написавшим: ... "ни теоретический анализ, ни изучение всемирного и отечественного опыта, ни конкретные исследования демографических тенденций в Средней Азии и других регионах с высокой рождаемостью не дают оснований для подобного взгляда на будущее рождаемости в этих

регионах. Высокая рождаемость – не национальная особенность, в мире нет народа, у которого в прошлом не было бы традиций высокой рождаемости. Но когда историческое развитие лишает эти традиции объективной основы, они могут сохраняться некоторое время лишь в силу инерции. Как долго будет действовать такая инерция, зависит от многих особенностей места и времени, но все же зависит не настолько, чтобы инерция прошлого оказалась сильнее требований настоящего" (с. 214). В сущности, подобные выводы следует извлечь также из социологических (М.В.Вагабов, 1980) и некоторых демографических (М.Аманеков, 1979) исследований, посвященных современной проблематике советской Средней Азии. К ним же пришли А.Г.Вишневский и А.Г.Волков (1983) на основании эмпирических данных об изменениях репродуктивных установок, наблюдаемых в Средней Азии.

Именно поэтому я сформулировал приведенные выше предпосылки прогноза, на основании которых определил итоговые коэффициенты рождаемости. Однако – в отличие от авторов долгосрочных прогнозов ООН (Demographic Indicators ..., 1982; Estimates..., 1982; Long Range..., 1982; New United..., 1976) – я полагаю, что демографический переход в масштабах всего Советского Союза завершится не к концу XXI в., а значительно раньше (в его середине), и что стабилизация численности населения страны на достигнутом к тому времени уровне окажется весьма непродолжительной. Ко всему прочему еще до завершения демографического перехода произойдут глубочайшие сдвиги в региональном распределении контингентов женщин детородного возраста, родившихся и всего населения СССР. Эти сдвиги наложат свой отпечаток на процессы рождаемости в последующий период, а их значение и возможные не только и не столько демографические, сколько социально-экономические и политические последствия трудно оценить (см. ниже).

Что же сказать о динамике коэффициентов смертности? Советские авторы, на протяжении длительного времени с тревогой следящие за их ростом, и через 40 лет, точно так же, как на рубеже 70-х и 80-х гг., возможно, предпочтут вообще не касаться публично этих вопросов или ограничиться ссылками на сдвиги в возрастном составе населения и старение последнего. Более честные, отдающие себе отчет в недопустимости такого, хотя и не

ошибочного, но все же неполного, а потому – ложного объяснения, укажут на сверхсмертность мужчин, на относительно высокую долю в структуре смертности по причинам болезней органов дыхания и травматизма, на "запаздывание" Среднеазиатских республик, отсталость которых по сравнению с европейскими связана-де с их историческим прошлым (М.С.Бедный, 1979; А.Г.Вишневский, 1982).

Считают ли отечественные авторы, что список причин, обусловливающих это неблагоприятное явление, не требует существенных дополнений, – не знаю. Формулировка А.Г.Вишневского (1982) дает, однако, основания полагать, что так оно и есть. Трудно ведь иначе оправдать сдержанность и спокойствие, с которыми он подытоживает свой анализ:... "структура причин смерти сохраняет некоторые переходные черты, в ней отражается не вполне определенное еще влияние традиционных экзогенных факторов, с одной стороны (отсюда, в частности, относительно высокая младенческая смертность от желудочно-кишечных или простудных заболеваний), и слабо нейтрализованное действие факторов тоже экзогенных, но порождаемых новыми условиями жизни и неадаптированностью населения к ним – с другой (отсюда, видимо, повышенная мужская смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в сельской местности": с. 137-138).

Свое мнение по этим вопросам я высказал в главе Ш, и к нему – из-за отсутствия необходимой для всестороннего анализа статистической информации – мне добавить нечего. Исходя из него, я сконструировал гипотетические таблицы смертности, по биологическим функциям которых (вероятностям дожития) осуществил операцию т.н. передвижки возрастов. Тем самым выполнялась основная задача, поставленная темой настоящей главы. Ее решение, однако, не удовлетворит тех моих читателей, которые не придают особого значения итоговым абсолютным данным об общей численности населения страны и не склонны прислушиваться к голосу относительных показателей. Им, сегодняшним моим читателям, действительно безразлично, достигнет ли число жителей Советского Союза к 100-летию Октябрьской революции только 310,9 млн. (таблица У1.6) или несколько превысит эту величину, а повышение общей смертности с 10,9‰ до 12,4-13,8о, т.е. примерно на 14-27% от исходного уровня, покажется ничтожно малым (два-три случая в год на тысячу населения!).

Но, может быть, их заинтересует сравнение, к которому я решил прибегнуть, когда сам пытался вскрыть внутреннее содержание приведенных цифр. Разумеется, я понимал, что нет смысла сравнивать рассчитанные мной гипотетические таблицы смертности с таблицами, которые в конце 70-х – начале 80-х гг. были опубликованы в Скандинавских странах, Швейцарии или Нидерландах (World Health..., 1982). Все это – небольшие страны, где легче, чем в такой громадине, как Советский Союз, организовать медицинское обслуживание и снабжение. Их народное хозяйство, преимущественно – вследствие традиционного нейтралитетата – не страдало от войн (о революциях и говорить не приходится), экономические кризисы не сотрясали их до основания, а с депрессиями – делом привычным – они научились справляться. Понятно, что средняя продолжительность жизни достигла в перечисленных странах высочайшего в настоящее время уровня в мире (вот уже более ста лет они только меняются местами в авангарде). Даже Япония, занявшая в конце 70-х гг. по средней продолжительности жизни мужчин второе место (уступая лишь Исландии), а женщин – третье-четвертое (уступая Исландии и Нидерландам, наравне со Швейцарией), – здесь не пример. Известно: "японское экономическое чудо", его не понять и тем более – не повторить...

Так нельзя ли найти иную модель? Не сравнить ли предполагаемую на перспективный период смертность в СССР со смертностью в стране, где показатели средней продолжительности жизни давно уже достигли вполне приличного уровня, но никогда намного не превышали отмечавшихся в большинстве развитых стран? Хотелось бы, чтобы страна, откуда была бы почерпнута такая модель, и по размерам не слишком уступала Советскому Союзу, чтобы по дифференциации своих граждан в социальном, культурном и иных отношениях она приближалась или даже превосходила советские образцы, чтобы доступность медицинского обслуживания, несмотря на высокий научный уровень, оставляла в ней желать лучшего.

Есть такая страна! И – как бы специально для того, чтобы сравнение оказалось еще более демонстративным, – именно в ней по единодушному мнению советских авторов, процветают преступность, алкоголизм и наркомания, неимоверно велик производственный и дорожный травматизм, ширятся нервно-психи-

ческие заболевания и стрессовые состояния (Ю.А.Добровольский, 1959, 1968; Б.Д.Петраков, 1972), а к тому же торгашеская медицина и ущербная система здравоохранения зиждутся на антинаучных основах (А.Ф.Серенко, В.В.Ермаков, 1977; Б.Я. Смулевич, 1960, 1973; Г.И.Царегородцев, 1973, 1975). Нищете расовых меньшинств, их культурной отсталости, ущемлению всяческих прав в этой стране советская печать посвящает столько места, что добавить – даже если бы была охота – тут совершенно нечего и остается только недоумевать, почему средняя продолжительность жизни мужчин все же достигла там 69,6 г., а женщин – 77,4 г. (соответственно на 5 лет и 3 года больше, чем по последним опубликованным отечественным таблицам; ЦСУ СССР, "Смертность... ", 1974). Впрочем, от специалистов – граждан этой страны не скрывают статистической информации. Они неутомимо обрабатывают ее накопленный и все расширяющийся массив, обнажают отрицательные явления социально-экономической действительности, вскрывают причины, обусловившие как отставание от вышеназванных европейских стран, так и неуклонное увеличение средней продолжительности жизни (ее показатели определяются не только для населения в целом, но и по различным социальным, расовым и иным группам). Ведь именно из публикуемых там (собранных по невиданной в СССР программе) статистических сведений о состоянии здоровья населения (Vital and Healthy ..., 1960-1982) и фундаментальных монографий (напр., Д.Фрай, В.А.Фарндейль, 1972) советские авторы позаимствовали всю разоблачительную информацию.

Читатель, разумеется, догадался, что я имею в виду Соединенные Штаты. Основываясь на опубликованной в США очередной полной таблице смертности (World Health..., 1981; кстати сказать, такие таблицы рассчитываются и оглашаются ежегодно), я определил, как на протяжении перспективного периода росла бы численность населения СССР, если бы его повозрастная смертность соответствовала не моим гипотетическим таблицам, а тем параметрам, которые американские демографы зарегистрировали в 1979 г. Прошу должным образом оценить проявленную осторожность: в своих расчетах я исключил возможность дальнейшего увеличения средней продолжительности жизни в США, хотя за последнюю четверть века ее показатель у мужчин возрос на 3,6 г. а у женщин – на 5,4 г. Технические детали моих расчетов

по этой модели не привлекут внимания ни специалистов (они им известны и без того), ни тех читателей, которые, не интересуясь методикой, хотели бы все же ознакомиться с результатами.

Так вот, опуская детали, ограничусь констатацией, что если бы в 1980-2019 гг. рождаемость в Советском Союзе соответствовала принятым мной уровням (таблица У1.2), а смертность –параметрам, содержащимся в американских таблицах 1979 г., численность населения СССР к началу 2020 г. достигла бы 337,6 млн., в т.ч. 165,8 млн. мужчин и 171,8 млн. женщин. По наиболее вероятному варианту моего прогноза (таблицы У1.1 и У1.5) итоговая цифра составила 312,7 млн., в т.ч. 147,9 млн. мужчин и 164,8 млн. женщин. Поскольку в обоих расчетах исключены внешние миграции, а рождаемость условно принята одинаковой, разность между результататми целиком и полностью обусловлена различиями в уровнях смертности. Таким образом, отставание Советского Союза от Соединенных Штатов по избранному здесь показателю, вероятно, обойдется стране в 24,9 млн. человеческих жизней.

Эта астрономическая цифра примерно на 5 млн. превысила названную Н.С.Хрущевым (1961) величину общих потерь Советского Союза в войне с фашистской Германией. Не стоит доказывать, что информация премьера-"волюнтариста" не соответствовала действительности и что как сознательно им заниженная, так (тем более!) фактическая величина военных потерь в значительной мере была обусловлена преступно легкомысленным отношением к людским ресурсам, разбазариванием того бесценного демографического потенциала, которым – несмотря на пережитые ею демографические катастрофы – все еще располагала страна. Ничуть не задумываясь над необратимыми последствиями бессмысленных кровопусканий, политики и маршалы могли тогда, по крайней мере, ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, рассчитывать, наконец, на преслувутое "война не спишет".

А сейчас, в свете такого сопоставления, результаты проведенных расчетов оборачиваются еще одной стороной, и в этом смысле они отнюдь не случайны. Они показывают, что преемники прежних политических деятелей точно так же относятся к человеческой жизни и точно так же разбазаривают демографический капитал страны. Разница лишь в том, что им-то уж никак не сослаться на чрезвычайные обстоятельства. Преступная легкомыс-

ленность (точнее сказать, бездушие и бездумье) по-прежнему характеризует истинное отношение советской верхушки к демографической проблематике, следовательно, к судьбам народов. Более того, преступная легкомысленность стала "постоянно действующим фактором" не декларируемой, а фактически осуществляемой демографической политики, и этого не скрыть набившей оскомину пропагандой социалистического гуманизма.

Пренебрежительное отношение к человеческой жизни – имманентная черта советского строя, и именно его можно счесть краеугольным камнем того самого "социалистического закона народонаселения", по поводу формулировки которого в подцензурных изданиях вот уже несколько десятилетий ведутся столь же ожесточенные, сколь бесплодные споры. Последствия такого издавна укоренившегося отношения, как свидетельствуют приведенные цифры, будут ощущаться населением СССР не только вплоть до недалекого уже конца XX в., но и много позже.

Вернусь к результатам своих расчетов. Почти две трети отклонения результатов вероятного варианта прогноза от итоговых величин, к которым я неминуемо пришел бы, если бы сумел себя убедить, что смертность в СССР в течение срока предстоящих лет снизится до современного американского уровня, относятся к мужчинам и только одна треть – к женщинам. Вот она, цена, которую стране придется заплатить за то, что сверхсмертность мужчин достигла в ней самого высокого в мире уровня! Относительная величина рассчитанных по этому методу гипотетических потерь советского населения увеличивается по мере продвижения от нижних этажей возрастной пирамиды к верхним. Если среди тех, кому предстоит родиться в течение перспективного периода (в 1980-2019 гг.), она составляет только 2,6%, то в старших группах, в состав которых в 2020 г. войдут лица в возрасте 60 и более лет, достигает 10,6% (иначе говоря, каждый десятый в составе этих возрастных групп умрет преждевременно лишь потому, что имел несчастье родиться не в Соединенных Штатах, а в Советском Союзе).

Надеюсь, приведенные цифры достаточно убедительны. Итак, ежегодно на протяжении всего перспективного периода более полумиллиона советских граждан будут преждевременно умирать из-за того, что их социалистическая родина так и не догнала США в сфере материального производства и в области здравоох-

ранения, что в борьбе за продление человеческой жизни она добилась гораздо меньших успехов, чем капиталистическая Америка.

3. Возрастно-половой состав

Вероятно, подобные статистические выкладки производились в советских учреждениях и, в частности, из-за них было приказано засекретить все материалы о смертности, а заодно и о возрастнополовом составе населения (как первых достаточно для расчета вторых, так по вторым можно судить о первых). Засекречивание не меняет, однако, истинной картины и лишь усугубляет ответственность тех, кто, зная, чем чреваты условия жизни сотен миллионов людей, не добился их коренного улучшения.

Что касается меня, то я предлагаю теперь вниманию читателя более подробные результаты перспективных исчислений, отражающие естественный процесс постепенного уменьшения разницы в численности женщин и мужчин, которая выражена также их долями в общей структуре населения и показателем феминизации.

Процесс, отраженный в таблице У1.5, вызван как увеличением удельного веса послевоенных когорт, в которых некоторое численное превосходство женщин обусловлено только обычной (т.е. свободной от влияния экстремальных факторов) сверхсмертностью мужчин, так и постепенным вымирание когорт с наиболее нарушенным в годы войны соотношением полов. Любопытно все же, что абсолютный дефицит мужчин и отражающие его относительные показатели, вероятно, достигнут минимальных величин к 2000 г., а в 2000-19 гг. снова несколько возрастут. Первопричиной этого парадоксального процесса в мирное время и в закрытом, не подверженном влиянию внешних миграций обществе (согласно предпосылкам прогноза) станет возрастающая — по сравнению с женщинами — смертность мужчин.

Как показывает таблица У1.5 расхождения между вариантами перспективных исчислений в данном случае невелики. Подчеркну, что по любому из них СССР к концу текущего столетия попрежнему будет существенно отличаться от подавляющего большинства стран-участниц второй мировой войны. В ФРГ, например, доля женщин в структуре всего населения уменьшиться до

50,0%, в Польше не превысит 50,5-51,0%, что же касается Франции, США и Великобритании, то к тому времени особенности внешних миграций окажут на эти показатели большее воздействие, чем последствия вызванной экстремальными факторами смертности.

Сравнивая исходные и конечные данные о возрастно-половом составе населения, следует отметить, что избыток женщин в первом случае появляется в возрасте 50-54, а во втором – 45-49 лет, характерный же для младших возрастных групп избыток мужчин в 1980 г. сменяется избытком женщин в группе 30-34, а в 2000 г. – 25-29 лет. Общий дефицит мужчин как в начале, так и в конце перспективного периода обусловлен количественным соотношением полов в старших возрастных группах (в возрасте 50 лет и старше на каждую тысячу мужчин в 1980 г. приходилось 1797, а в 2020 г. придется 1440 женщин).

Таблицы У1.6 и У1.7 показывают, как отразится на показателе феминизации неминуемое изменение возрастной структуры населения СССР. Известно, что величина этого показателя зависит не только от различий в повозрастной смертности мужчин и женщин, но и от воздействия экстремальных факторов. С течением времени влияние последних все более ослабевает, т.е. уменьшается доля испытавших его возрастных групп. Весьма значительную роль сыграет в этом отношении факт, что на долю когорт, вынесших на себе наибольшие тяготы войны, уже в 1990 г. придется менее 10% и в 2000 г. – менее 4% населения страны, тогда как в 1980 г. приходилось более 15%. Необходимо все же отметить, что к концу перспективного периода заметно усилится влияние возрастающей сверхсмертности мужчин, обусловленной комплексом неблагоприятных для здоровья социально-экономических факторов. Именно она приведет к увеличению – по сравнению с 2000 г. и 2010 г. – как общего показателя феминизации, так и показателей феминизации во всех послевоенных когортах, т.е. в возрасте до 75 лет.

Изменения возрастного состава, представленные в общем виде в таблицах У1.6, У1.8 и У1.9, объясняются как сокращением рождаемости, так и постепенным продвижением к верхним этажам возрастной пирамиды тех когорт, численность которых в наибольшей степени зависела от прямого и косвенного воздействия факторов военного времени, вызвавших повышение смер-

тности и снижение рождаемости. Прежде чем подробно рассмотреть эти сдвиги, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, определяя временной интервал прогноза, я стремился в его итоговых цифрах прийти к такой гипотетической возрастной группе населения Советского Союза, которая несла бы на себе исключительно печать условий, возникших после Октябрьской революции. Последняя возрастная пирамида, вычерченная на основании результатов моих исчислений, отличалась бы от всех предыдущих не столько очертаниями (рубанок времени проходится по ним при любом строе), сколько тем, что лишь советской власти была бы обязана своей специфической формой (разумеется, в тех пределах, в каких можно не принимать во внимание "демографического эха").

Сравнивая возрастные пирамиды 1980-2020 гг., следует иметь в виду, что выделенные в таблице У1.6 возрастные группы подходят к каждому из хронологических рубежей в совершенно ином составе, сформировавшемся под влиянием качественно различных политических и социально-экономических условий. Поскольку в дальнейшем описании я намеренно ограничусь сравнением численностей населения по пяти крупным возрастным группам и их долей в общей численности населения страны, напомню, что при определении условных границ между ними к группе населения моложе трудоспособного взраста я в данном случае отношу недостигших 20 лет, к младшей группе трудоспособного населения – 20-39-летних, к старшей – 40-59-летних, к числу лиц пожилого возраста – 60-79-летних и к числу долгожителей – лиц в возрасте 80 и более лет (последние две группы составляют население в возрасте старше трудоспособного). Предлагаемая мной группировка основана, как и во всех предыдущих главах, не только на формально-статистических признаках. Я исхожу также из употребляемого В.В.Никитенко (1979) понятия об "укрупненной когорте", включающей в себя серию смежных однолетних когорт. "В них, как правило, подчеркивается близость возраста, общность исторических условий периода формирования и периода самостоятельной общественно-практической деятельности; последнее обусловливает общность жизненного опыта и переживаний" (с.17).

К моменту, которым замыкается прогноз, из ровесников Октября в живых останутся лишь считанные столетние старцы. К началу перспективного периода они колонной в составе почти 8

млн. чел. (лица в возрасте 60-64 лет) только что перешагнули нижнюю границу пожилого возраста, тогда как к 2000 г., потеряв более 80% своих сверстников, достигнут возраста долгожителей. В поредевшие шеренги долгожителей к 2020 г. переместятся и все родившиеся в годы гражданской войны, нэпа и сталинского строительства социализма в одной стране, относимые ныне к старшей группе трудоспособного населения (на рубеже XX и XX1 вв. они станут пенсионерами). Те, кто родился в годы второй мировой войны и первое послевоенное (еще сталинское) десятилетие, перейдут соответственно из младшей группы трудоспособного населения в старшую, а затем и в пенсионный возраст. Таким образом, состав и численность трудовых ресурсов страны к 2020 г. будут, в основном, обусловлены отсроченным воздействием авторов послесталинской эпохи, тогда как к 2000 году все еще сохранят заметную печать комплекса факторов, действовавших в период войны и на протяжении первого послевоенного десятилетия (в отличие от настоящего времени самые глубокие следы воздействия этих факторов можно будет обнаружить не в младшей, а в старшей группе трудоспособного населения).

Геометрическая фигура, вычерченная по итоговым данным прогноза (2020 г.), менее всего напоминает пирамиду. Скорее можно ее определить как две поставленные друг на друга ступенчатые трапеции, причем в нижней (до возраста 34 лет) ширина обоих оснований почти одинакова, а в верхней (от 55 лет) каждая следующая ступень заметно у́же предыдущей. Только расположенная между ними часть этой сложной геометрической фигуры (возрастные группы 35-54 лет) по своей причудливой форме приближается к пирамидам, которые отражают возрастной состав населения в 1950-80 гг.

Узуры, столь типичные для всех возрастных пирамид послеоктябрьских времен, постепенно перемещаясь к более высоким этажам, к концу перспективного периода практически исчезнут. Численности восьми младших возрастных групп (до 39 лет) будут почти одинаковыми (амплитуда между крайними величинами уменьшится с 5,3 млн., или 44% в 1980 г. до 3,0 млн., или 12% в 2020 г). В возрасте 40-64 лет колебания численностей пятилетних возрастных групп тоже не будут столь существенными, как в начале перспективного периода: абсолютный диапозон сократится с 12,2 млн. до 4,4 млн. (почти втрое), а относительный

– с 50% до 20%. Равномерность распределения населения по возрасту выразится, в частности, в весьма значительном (более чем в 3 раза) сокращении амплитуды между максимальной и минимальной численностями тринадцати возрастных групп (до 65 лет и вычисленной из их весов вариансы (в 6,5 раза).

Как свидетельствуют данные, представленные в таблицах У1.8 и У1.10, для самой младшей из пяти выделенных возрастных групп на протяжении всего перспективного периода характерен постоянный, но весьма медленный количественный рост, для двух следующих – весьма умеренный, по темпам близкий к росту населения в целом, а для двух самых старших – очень высокие темпы увеличения как численностей, так и долей. Особый интерес представляет то обстоятельство, что численность младшей группы трудоспособного населения к 2000 г. несколько сократится по сравнению с 1990 г., а старшей в 1990 г. и 2020 г. будет уступать соответственно 1980 и 2010 гг. Как эти колебания, так и несколько меньшая численность лиц пожилого возраста в 2020 г. по сравнению с 2010 г. связаны с вхождением в ту или иную возрастную группу двух контингентов, к которым относятся родившиеся в 1930-34 и 1940-44 гг. Относительно небольшая исходная численность этих возрастных групп обусловлена обстоятельствами военного времени и периода коллективизации. Что же касается контингентов, численность которых связана с дефицитом рождаемости в годы первой мировой и гражданской войн (1915-19 гг, рождения), военными потерями (1900-24 гг. рождения) и потерями в годы "большого террора" (те же годы рождения), то в начале перспективного периода лишь незначительная их часть входила в состав старшей группы трудоспособного населения, а с 1990 г., постепенно сокращаясь, и она окажется в группе нетрудоспособного.

Чрезвычайны показательны ожидаемые изменения численности детей и подростков (население в возрасте 0-14) в сопоставлении с изменениями численности двух самых старших возрастных групп (60 и более лет). Опережающие темпы количественного роста вторых по сравнению с первыми приведут к тому, что к концу перспективного периода на каждую тысячу "стариков" придется только 1298 детей и подростков, тогда как в его начале приходилось 1882. Демографическое постарение "сверху", оцениваемое по доле пожилого и старческого возраста в общей структуре населения, будет, следовательно, сопровождаться "по-

старением снизу", мерой которого служит сокращающаяся доля самых младших возрастных групп.

Огромное значение для демографических судеб страны имеет и динамика численности контингента женщин в детородном возрасте, а также его доля в общей структуре населения. Быстрый количественный рост первой несколько амортизировал бы последствия неминуемого снижения уровня повозрастной рождаемости, увеличение же или стабилизация второй не привели бы к заметному снижению ее общего коэффициента. Результаты перспективных исчислений свидетельствуют, однако, о том, что ни с того, ни с другого ожидать не приходится. Число женщин в возрасте 15-49 лет, составлявшее в 1980 г. 68,5 млн., возрастет к 2020 г. до 76,1 млн., т.е. только на 11,2%, причем заметно сократится доля подгрупп, характеризующихся максимальной плодовитостью. Хотя показатель т.н. среднего возраста не относится к особо точным, нелишне отметить, что его величина возрастет в этом контингенте на целый год (с 31,2 г. до 32,2 г.). Как весьма существенное и неблагоприятное изменение надо оценить сокращение доли рассматриваемого контингента в общей структуре населения (с 25,9% до 24,3%).

Прослеживая динамику двух следующих возрастных групп (20-39 и 40-59 лет), необходимо подчеркнуть, что их общая численность приближается к численности трудовых ресурсов, но, конечно, не совпадает с ней. Напомню, что в Советском Союзе в категорию трудовых ресурсов включают " а) трудоспособное население в трудоспособном возрасте, т.е. мужчин в возрасте 16-59 лет и женщин в возрасте 15-54 лет, за исключением неработающих инвалидов труда и войны 1 и П групп и неработающих мужчин в возрасте 50-59 лет и женщин в возрасте 40-54 лет, получающих пенсии по старости на льготных условиях; б) мужчин в возрасте 60 лет и старше, женщин в возрасте 55 лет и старше и подростков моложе 16 лет, работающих на государственных предприятиях, в кооперативных и общественных организациях и общественном хозяйстве колхозов" (Е.В.Касимовский, 1975, с.12)

Подцензурная литература, посвященная проблематике трудовых ресурсов, а также соотношению этой категории с занятостью в народном хозяйстве, с одной стороны, и численностью населения в трудоспособном возрасте – с другой, по молчаливому уговору (или в соответствии с негласной директивой) обходит чис-

ленность вооруженных сил и заключенных (исключение составялет монография Б.Ц.Урланиса, 1964, основанная на итогах переписи 1959 г., но и в ней, разумеется, нет ни слова о принудительном труде в лагерях). Между тем именно в советских условиях это вопросы исключительно острые. По мнению зарубежных экспертов, к началу перспективного периода в Советской Армии служили 3,7 млн. чел., а в лагерях находились 4 млн., и нет никаких оснований полагать, что общая доля этих групп в составе населения в трудоспособном возрасте, уже в настоящее время превышающая 6%, сократится к концу перспективы. Стоит к тому же напомнить, что численность вооруженных сил СССР многими авторами оценивается значительно выше (см. главу У).

Отечественные официальные источники не содержат исчерпывающих сведений о возрастном составе пенсионеров (кое-какие материалы на эту тему я нашел только в монографии А.Г.Новицкого и Г.В.Миля, 1981, посвященной, однако, лишь РСФСР), числе работающих подростков, численности и возрастно-половом составе не занятых в общественном производстве (в. т.ч. военнослужащих), заключенных и т.п. Поэтому понятие трудовых ресурсов в его строго научном смысле, а также в значении, соответсвующем практике органов планирования, в демографическом исследовании применить чрезвычайно трудно, если не невозможно (нужно бы располагать всеми теми данными, которые признаны в СССР совершенно секретными). Изучая возрастной состав населения, приходится вместо этого оперировать крупными возрастными группами (такими же или несколько отличающимися от выделенных в таблицах У1.8 и У1.9), либо общими данными о населении в трудоспособном возрасте.

К сожалению, и последние понятия требуют уточнения. Дело в том, что нижняя граница трудоспособного возраста, установленная советским законодательством, внушает сомнения даже в настоящее время и вряд ли приемлема при анализе данных, относящихся к столь длительному временному интервалу, какой принят в моем прогнозе. Продление сроков подготовки квалифицированных кадров стало объективным фактом, в свете которого архаическими представляются правовые нормы, установленные много десятилетий тому назад. В противоположном направлении, однако, задействует затеянная при Андропове и продолженная при его преемниках школьная реформа, суть которой сводится

к ускоренной подготовке рабочих еще в школьные годы при одновременном использовании дарового труда подростков. И не только подростков – детей, "начиная с первого класса", что возвестил сам министр просвещения СССР М.А.Прокофьев (1983).

В то же время неясно, как советское законодательство относится к верхней границе трудоспособного возраста. Нехватка рабочих рук, становящаяся хронической болезнью малопроизводительного народного хозяйства, препятствует ее снижению, хотя износ рабочей силы вследствие полного пренебрежения к современным нормам и научной организации труда (А.Косилов, 1965, "Психофизиологические... , 1971), эргономики (В.П.Зинченко, 1974) и инженерной психологии (М.А.Котик, 1978) требует расширения списка вредных для здоровья профессий и рабочих постов, дающих льготы в пенсионном обеспечении. Возрастающие потребности народного хозяйства в людях связывают, однако, руки даже тем сотрудничающим с отечественными законодательными органами специалистов, которые сознают архаичность положений классической гигиены труда (А.А.Летавет, 1965) и понимают необходимость пересмотра правовых норм именно в таком направлении.

Исследователь вынужден поэтому принять за основу нынешние нормы, но и здесь наталкивается на определенные препятствия. Напомню, что в качестве исходных мне пришлось оперировать пятилетними возрастными группами, численность которых я определял косвенными методами и не благодаря, а вопреки официальной статистике, причем не располагал никакими, даже самыми приблизительными сведениями об исходной численности годичных кагорт. Оставалось одно: сосредоточиться на анализе именно тех возрастных групп, которые выделены в таблицах У1.8-У1.10. В заключительную часть анализа введены лишь две поправки: общая численность этих групп уменьшена за счет женщин в возрасте 55-59 лет, но увеличена за счет приблизительного числа лиц в возрасте 16-19 лет (по другому варианту расчета – 18-19 лет), определенного на основе данных о рождаемости и с учетом параметров гипотетических таблиц смертности.

Таким образом, я не смог учесть ни влияния, оказываемого на численность и состав трудовых ресурсов существеннейшим как в медицинском, так и в социально-экономическом плане фактором инвалидизации, ни сокращением их численности в ре-

зультате все же возможного расширения списка "привилегированных" профессий, дающих право на пенсионное обеспечение до достижения возраста, соответствующего общим трудовым нормам. Кроме всего прочего, условно отождествляя население в трудоспособном возрасте с трудовыми ресурсами, я не охватил своим анализом тех возможных изменений в их численности и составе, которые могут быть вызваны вовлечением в общественное производство занятых в личном и домашнем хозяйстве, а также пенсионеров. Отдавая себе отчет в ориентировочном характере приводимых здесь данных, мне остается выразить надежду, что они будут уточнены, как только в Советском Союзе отважатся огласить все необходимые для расчетов исходные материалы. Тогда же возникает возможность использования в прогностических целях и любопытной методики Л.Чижовой (1971), по которой определяются коэффициенты прироста и воспроизводства трудоспособного населения.

По наиболее вероятному варианту прогноза, прирост общей численности населения в возрасте 20-59 лет выражается довольно внушительной цифрой 23,0 млн. Однако, превосходя величину, вытекающую из минимального варианта, только на 12,6%, она уступает предусматриваемой максимальным на 27,6%. Расхождение обусловлено, главным образом, различием положенных в основу прогноза предпосылок о рождаемости, гипотезы же о динамике смертности сыграли здесь явно второстепенную роль. Различия между предпосылками привели к тому, что численность младшей группы трудоспособного населения (20-39 лет) по минимальному варианту оказалась к концу перспективного периода на 7,7 млн. (8,2%) меньше, чем по максимальному, тогда как старшей (40-59 лет) – только на 1,2 млн. (1,6%).

Внушительность цифры прироста оказывается мнимой, если принять во внимание, что она относится к длительному, 40-летнему перспективному периоду. Пренебрегая малосущественными колебаниями по десятилетиям, можно, следовательно, заключить, что среднегодовой прирост численности трудоспособного населения СССР в 1980-2020 гг. не превысит 732 тыс. (по максимальному варианту прогноза), но может сократиться до 510 тыс. В этом контексте уместно вспомнить, что в 1959-78 гг. общая численность учитываемых в данном случае возрастных групп увеличилась со 110,9 млн. до 141,0 млн., или на 30,1 млн. (27,1%).

Итак, общий прирост трудоспособного населения даже в случае стабилизации рождаемости и смертности на современном уровне не достигнет в перспективный период той величины, которая была зарегистрирована отечественной статистикой в минувшем двадцатилетии, т.е. в срок вдвое меньший. При особо неблагоприятном сочетании обстоятельств (минимальный вариант прогноза) разница в абсолютном приросте составит 9 млн. В 1959-78 гг. среднегодовой прирост составлял 1,5 млн., т.е. более чем вдвое, а то и почти втрое превышал его предполагаемый уровень. Неудивительно, что некоторые отечественные авторы (напр., В.И.Переведенцев, 1982[а]) бьют в набат. Видимо, результаты их неопубликованных расчетов звучат как сигнал о бедствии.

Тревожный характер прогноза более всего проявляется в предвестии, что незначительный прирост трудовых ресурсов, характерный для всего перспективного периода, в последнем его десятилетии сменится их сокращением. Правда, численность населения в возрасте 20-59 лет по наиболее вероятному варианту в 2020 г. уменьшится по сравнению с 2010 г. только на 1,0 млн. чел., но значение этого факта трудно переоценить, т.к. в условиях мирного развития страны он не имел бы прецедента во всей демографической истории Советского Союза.

Советской экономике, которую пока лишь намереваются перевести на рельсы интенсивного развития, столь слабый приток свежей рабочей силы угрожает крахом. Составляя баланс трудовых ресурсов страны, отечественные специалисты знают, что нельзя больше рассчитывать на пополнение кадров промышленности из привычного источника – сельского хозяйства. Этот источник иссякает. В свете данных международной статистики о структуре населения развитых стран подобное утверждение может показаться необоснованным. Ведь в каждой такой стране, кроме Испании, Португалии и европейских стран т.н. реального социализма (за исключением ГДР), доля сельскохозяйственного населения давно вдвое-втрое меньше, а в США, например, доля занятых в сельском и лесном хозяйстве (3,4%) почти в 6 раз меньше, чем в СССР (19,9% общего числа занятых в народном хозяйстве).

Однако из сельского хозяйства Советский Союз снова мог

бы некоторое время получать недостающие промышленности, строительству, транспорту, связи и сфере услуг рабочие руки только при условии стремительной модернизации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Поскольку исторический опыт показал, что обанкротившаяся колхозно-совхозная система к этому неспособна и что кремлевская верхушка не склонна к принципиальным шагам, ибо они не укладывались бы в идеологическую "сверхдействительность" (А.Безансон, 1984), я не счел возможным положить в основу своих перспективных исчислений такого рода предпосылки.

Немудрено, что в СССР все настоятельнее указывают на необходимость более широкого вовлечения в общественное производство женщин и стимулирования хотя бы частичной занятости "ветеранов труда". Не говоря уже о скудности этих дополнительных ресурсов (занятость женщин и без того характеризуется в СССР невиданно высокими показателями, а число работающих пенсионеров – по понятным причинам – относительно невелико), осуществление таких замыслов привело бы в конечном счете к трагическим последствиям, "Тотальная мобилизация" способствовала бы еще более существенному сокращению рождаемости, исключающему возможность решения негативной задачи демографической революции, а также повышению смертности в старших возрастах.

Результаты прогноза не оставляют сомнения и в том, что – если оправдаются положенные в его основу предпосылки – трудовым ресурсам страны (точнее, населению в трудоспособном возрасте) не избежать некоторого постарения. Оно еще не отразится на соотношении между его старшей и младшей возрастной группами, которое в 1980-2020 гг. почти не изменится (доля младшей с 53,9% снизится только до 53,6%), но проявится в увеличении среднего возраста (с 38,1 г. до 39,2 г.). Постарение трудовых ресурсов всегда запаздывает по сравнению с общим постарением (Э.Россет, 1968). Следует поэтому полагать, что в Советском Союзе его более заметные признаки появятся уже за пределами рассматриваемого периода, по всей вероятности, в середине XXI в., когда начнут сказываться последствия того сокращения рождаемости, которое предусмотрено прогнозом.

В перспективном периоде существенно изменятся как чис-

ленности группы лиц в пожилом возрасте и долгожителей, так и доли обеих этих групп в общей структуре населения. Первопричины ожидаемых сдвигов следует все же доискиваться не в росте абсолютной численности старших возрастных групп, а тоже в снижении уровня рождаемости, в результате которого уменьшаются численность и доля младших. Что же касается средней продолжительности жизни, то — как это ни парадоксально — ее предполагаемое сокращение, вызванное, в частности, повышением детской смертности, не амортизирует процесса демографического постарения, а, напротив, будет способствовать его ускорению, т.к. приведет к еще более существенному уменьшению численности детей. Сочетание роста абсолютной численности старших групп со снижением уровня рождаемости, естественно, катализирует процесс демографического постарения.

В СССР, позже, чем западно- и североевропейские страны, вступившем в ту стадию демографической революции, для которой характерно снижение уровня рождаемости, часто повторяемые официальной пропагандой слова об относительной молодости населения до поры до времени покоились на довольно веских основаниях. Тем не менее и тогда не стоило этим кичиться и молодость социализма противопоставлять старости капитализма. Следовало, вооружившись "самой передовой теорией", предвидеть будущее. Результаты прогноза убедительно свидетельствуют о том, что абсолютная численность старших возрастных групп (60-79 и 80 и более лет) будет увеличиваться гораздо существеннее, чем младших (таблицы У1.6 и У1.8-У1.10). Неминуемые в связи с этим структурные сдвиги окажутся наиболее глубокими в той их части, которая в специальной литературе (С.Кленович, 1977; Э.Россет, 1968) принимается в качестве меры демографической старости. Не возвращаясь к рассмотрению различных ее показателей, но имея в виду особенности послевоенного демографического развития СССР, я оперирую ниже весами населения как в возрасте 60 и более, так 65 и более лет.

Увеличение численности лиц в возрасте 65 лет и старше (по минимальному варианту прогноза на 34,9%, по наиболее вероятному — на 37,7% и по максимальному — на 40,0% по сравнению с исходным уровнем) приведет к значительному повыше-

нию их доли (с 10,0% до соответственно 11,9%, 11,7% и 11,0%). Расхождение в величинах прироста и долей, обусловленное принятыми в прогнозе гипотезами о рождаемости, свидетельствует прежде всего о том, что даже стабилизация последней на современном уровне не предотвратит значительного демографического постарения Советского Союза. Так окончательно рухнет созданный Маяковским образ "страны-подростка". Еще до Октябрьской революции она вступила в раннюю переходную фазу между демографической молодостью и старостью, а в середине 60-х гг. перешла в позднюю. В 70-е гг. она оказалась в фазе собственно демографической старости, а к концу перспективного периода вплотную подойдет к верхней границе последней. Есть основания полагать, что в середине следующего столетия СССР вступит в фазу поздней демографической старости (Д.Вересов, 1985; С.Кленович, 1979; см. также главу П).

Доля долгожителей (лиц в возрасте 80 лет и более) в составе нетрудоспособного населения (лиц в возрасте 60 лет и старше) к концу перспективного периода возрастет по сравнению с его началом примерно в 1,3 раза (с 11,5% и до 15,0%) по наиболее вероятному варианту прогноза, до 15,2% – по максимальному и 14,9% – по минимальному). Напомню, что на протяжении всего периода 1980-2020 гг. численность этой группы населения в значительной степени обусловливается отсроченным влиянием демографических катаклизмов первой половины XX в. Во второй четверти следующего столетия группа долгожителей начнет пополняться за счет когорт 1945 и последующих годов рождения. Только тогда ее доля как по отношению к общей численности населения, так и по отношению к численности лиц в пожилом возрасте будет определяться уже исключительно уровнями смертности в старших возрастных группах.

Таким образом, период, охваченный моими перспективными исчислениями, будет характеризоваться не только весьма незначительным ростом численности и увеличением доли младшей, но также стремительным увеличением численностей и долей двух самых старших групп населения. Одно это заставляет ожидать в течение 1980-2020 гг. существенных изменений как общей величины т.н. показателя нагрузки трудоспособно-

го населения нетрудоспособным, так и его внутренней структуры. Учитывая не только демографическое, но и экономическое значение этого показателя, при его определении я применил несколько иные, чем в главе П, возрастные критерии. По изложенным выше соображениям я отказался также от архаичных критериев, которые положены в основу современного отечественного трудового законодательства, и к населению в трудоспособном возрасте отнес 18-59-летних мужчин и 18-54-летних женщин, причем численность самых младших когорт определил по принятым в прогнозе коэффициентам рождаемости и содержащимся в гипотетических таблицах смертности вероятностям дожития до указанного возраста.

В таблице УП.11 сопоставлены результаты ориентировочного определения трудовых ресурсов страны и численности нетрудоспособного населения по двум вариантам, различающимся по уровню, на котором проводится нижняя граница трудоспособного возраста, а в таблице У1.12 – рассчитанные по ним величины показателя нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным. Эти данные заставляют призадуматься над тем, удастся ли приноровить советские правовые нормы к ускоряющемуся шагу научно-технического прогресса. Ведь перемещение нижней границы трудоспособного возраста только на 2 года (не до 18-го года жизни, а всего до 20-го), т.е. удлинение сроков подготовки кадров, неминуемо привело бы к сокращению трудовых ресурсов на 9-10 млн. чел., или примерно на 6%. Соответственно возросла бы численность нетрудоспособного населения.

Таблицы У1.11 и У1.12 показывают, что увеличение общего показателя нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным по обоим вариантам расчета окажется относительно небольшим (на 12,9% по сравнению с исходным уровнем по первому варианту и на 9,6% – по второму). Существенно, однако, изменится его структура, в которой резко возрастет доля нагрузки населением в возрасте старше трудоспособного (с 37,5% до 46,3% по первому варианту и с 34,4% до 43,4% – по второму), "зато" сократится доля нагрузки детьми и подростками (соответственно с 62,5% до 53,7% и с 65,6% до 56,6%).

Не мне оценивать экономические последствия этого коренного перелома. Пусть специалисты сравнят государственные расходы на пенсионное обеспечение с расходами на образование и сто-

имость гериатрического обслуживания со стоимостью педиатрического. Пусть на основании такого сравнения прикинут, дороже ли и на сколько "старческий крен" показателя нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным "детского крена". Пусть решат, в состоянии ли советская экономика сбалансировать государственный бюджет в столь неблагоприятной демографической ситуации, сможет ли она создать приемлемые условия как для подрастающих поколений, так и для тех, кто после долгих лет трудовой жизни вправе рассчитывать на возвращение государством хотя бы части присвоенной им прибавочной стоимости.

Не вдаваясь в эти сложнейшие и выходящие за пределы моей профессиональной компетенции вопросы, считаю необходимым указать, что с демографической точки зрения оценка приведенных выше цифр не вызывает сомнений. Какими бы высокими гуманными чувствами ни проникся демограф и с каким бы уважением ни отнесся к совокупности лиц в пенсионном возрасте, он вынужден принимать во внимание, что эта совокупность – только прошлое генеральной популяции, тогда как находящиеся на противоположном полюсе последней дети и подростки – ее будущее. Поэтому "старческий крен" показателя нагрузки трудоспособного населения нетрудоспособным, даже рассматриваемый исключительно в демографическом аспекте, никак не может служить основанием для оптимистической оценки перспектив развития населения Советского Союза.

Данные, приведенные в таблице У1.11, позволяют выявить еще одну особенность трудовых ресурсов СССР в перспективный период. Выход за пределы трудоспособного возраста, а затем и окончательный уход с демографической сцены тех когорт, в которых война и сопутствовавшие ей обстоятельства существенно нарушили нормальное количественное соотношение между полами, будет способствовать некоторому уменьшению показателя феминизации. Если в 1980 г. на каждую тысячу мужчин в возрасте 16-59 лет приходились 982 женщины в возрасте 16-54 лет, то к 2020 г. этот показатель уменьшится до 936, т.е. на 4,7% (по второму варианту расчета, по которому нижняя граница трудоспособного возраста была установлена на уровне 18-го года жизни, показатель феминизации уменьшится с 983 до 934, т.е. на 5,0%).

Несомненно, такая перспектива радует советских плановиков: растущая феминизация совокупности занятых в общественном производстве их беспокоит. Следует все же иметь в виду, что количественное соотношение между мужчинами и женщинами во всем населении трудоспособного возраста отличается от соотношения в упомянутой совокупности. Не берусь квантифицировать возможные его изменения, т.к. не имею представления, какова будет инвалидизация потенциальной рабочей силы (уверен только в том, что число нетрудоспособных мужчин будет возрастать быстрее и существеннее, чем женщин, хотя бы вследствие алкоголизма). Не знаю также, скольких миллионов молодых мужчин советское народное хозяйство лишится по воле маршалов.

Нельзя, ко всему прочему, забывать, что количественное преобладание мужчин над женщинами в составе трудоспособного населения – своего рода статистическая фикция, т.к. в эту категорию населения входят 32 когорты первых и 27 вторых. То же обстоятельство следует учитывать, оценивая показатели феминизации населения в возрасте старше трудоспособного, поскольку число входящих в него мужских когорт, напротив, на ту же величину уступает числу женщин. Не берусь прогнозировать соотношения между полами среди занятых в народном хозяйстве, поскольку не располагаю никакими достоверными статистическими сведениями, на основании которых рискнул бы определить, в какой степени современная рекордная занятость советских женщин обусловлена потребностями экономики и их стремлением к самостоятельности, в какой же вызвана материальной необходимостью. Можно, однако, полагать, что пока среднемесячная заработная плата мужа не обеспечивает семье прожиточного минимума (оптимум – удел избранных). Советский Союз по-прежнему будет опережать другие развитые страны по показателю профессиональной активности женщин (занятости женщин в общественном производстве). Для кого – активность, а для кого – непосильная нагрузка, единственная цель которой – создание семье приемлемых условий существования.

Заканчивая анализ сдвигов в возрастной структуре населения СССР, хотелось бы обратить внимание читателя на весьма умеренное увеличение жизненного потенциала страны.

Темпы роста жизненного потенциала на протяжении перспективного периода заметно отстанут от более чем скромных темпов количественного роста населения СССР. Объясняется это лежащим в основе прогноза предположением о неизбежном сокращении средней продолжительности жизни. В то же время прогрессирующее постарение населения Советского Союза повлечет за собой усиление относительного значения старших возрастов в формировании общей величины жизненного потенциала и увеличение среднего возраста.

Отставание темпов роста жизненного потенциала от количественного роста населения выразится, в частности, в уменьшении величины среднего жизненного потенциала, более заметном у мужчин, чем у женщин, и в средних возрастных группах, чем в младших и старших.

Данные, приведенные в таблице У1.14, убедительно свидельствуют, что сокращение средней продолжительности жизни, обусловленное повышением уровней повозрастной смертности, сильнее всего отразится именно на тех группах населения, которые играют наибольшую роль в экономической и общественной жизни страны.

4. Распределение населения СССР по группам союзных республик и национальностям

Собственно говоря, этим неутешительным выводом можно было бы подытожить комментарий к результатам перспективных исчислений, относящихся к Советскому Союзу в целом. Поскольку по изложенным выше соображениям я не сумел в своем прогнозе учесть ни внешних, ни даже внутренних миграций, вопроса о распеределении населения СССР по союзным республикам (так же, как вопроса об урбанизации) касаться бы не следовало. Тем не менее приведу ориентировочные данные, которые позволят читателю составить если не окончательное, то хотя бы предварительное мнение о возможном ходе событий. Эти исчисления я проводил не только в соответствии с предпосылками о рождаемости и смертности, сформулированными по пяти группам союзных республик, но и с учетом проявившихся в недавнем прошлом тенденций развития их населения.

Межреспубликанские миграционные потоки заставят внести в результаты моих ориентировочных оценок, приведенные в таблице У1. 15 более или менее существенные поправки. Все же величины последних вряд ли окажутся настолько серьезными, чтобы принципиально изменить общую картину, складывающуюся из моих цифр. К концу перспективного периода Российская Федерация, хотя она по-прежнему будет крупнейшей по населению союзной республикой, лишится своей традиционной позиции лидера, располагающего абсолютным большинством. Референдумы и плебисциты в Советском Союзе не проводятся, однако в некотором социопсихологическом значении этого факта сомневаться нельзя. Так же, может быть, несущественна в практическом смысле, но не лишена психологического эффекта констатация, что суммарная доля населения Среднеазиатских республик (исключая Казахскую, но в купе с Азербайджанской), на которые в 1980 г. приходилось 12,2% общей численности населения страны, к 2020 г. удвоится и достигнет 25,2%, т.е. почти в полтора раза превысит совместную долю Украины и Белоруссии.

Сокращение доли славянских республик может оказаться значительно большим, если и впредь будет осуществляться политика русификации национальных окраин, один из примитивнейших, но, в то же время, самых действенных методов которой состоит в их заселении русскими мигрантами. К противоположным результатам привела бы попытка расширенного использования трудовых ресурсов Среднеазиатских республик за их пределами (этим, возможно, был бы обусловлен гораздо больший, чем в начале 80-х гг., приток мигрантов в Азиатскую часть РСФСР). Что повлекла бы за собой массовая (в значительной степени принудительная) миграция узбеков и туркмен в Сибирь, представить себе нелегко, но полностью исключить ее нельзя.

Расположив союзные республики в очередности, соответствующей убывающим величинам численности их населения, видишь, что как в начале перспективного периода, так и в его конце Узбекистан и Казахстан займут в этом списке третье и четвертое места (за Российской Федерацией и Украиной). Если, однако, в 1980 г. Узбекская республика по числу своих жителей более чем втрое уступала Украинской, то в 2020 г. дистанция между ними сократится до 13%. Существенно повысится позиция Туркмен-

ской и Таджикской республик (с 13-го и 9-го мест они перейдут соответственно на 9-е и 6-е), а также Киргизской и Азербайджанской. Напротив, некоторые союзные республики, не относящиеся к т.н. магометанским, передвинутся в обратном направлении (Белорусская, Грузинская, Молдавская и Литовская).

Латвийская и Эстонская республики останутся на своих привычных местах. Изменение их позиции проявится, однако, в уменьшении числа жителей и, следовательно, доли в составе населения всей страны. По обоим этим признакам Прибалтийские республики не будут, впрочем, отличаться от славянских, где тоже проявятся депопуляционные тенденции. Качественная разница все же весьма существенна: если в славянских республиках некоторое сокращение численности населения (на 5,5%), вероятно, вызовет серьезные трудности (особенно в освоении Сибири и Дальнего Востока), то в Прибалтийских (на 6,4%) оно неминуемо приведет к необратимым последствиям. В потоке мигрантов (из соседних ли славянских или далеких Среднеазиатских республик) растворится или даже утонет коренное население, а без мигрантов острейший дефицит рабочей силы исключит возможность полного использования созданного на протяжении десятилетий экономического потенциала. Без мигрантов Прибалтийским республикам угрожает медленное демографическое угасание, а с ними – потеря национального облика. Впрочем, в выборе пути они не вольны. Решения будут приниматься в Москве, литовцам же, латышам и эстонцам останется либо смирение, либо бесперспективная борьба.

Столь же ориентировочный характер носят и данные о национальном составе населения СССР.

Из-за отсутствия необходимой исходной информации основанные на более или менее современной методике исчисления я вынужден был и здесь заменить оценками, в которых наряду с предполагаемыми темпами количественного роста населения союзных республик учитывал тенденции, наблюдавшиеся в прошлом, в частности, влияние ассимиляционных процессов. Принимая во внимание не только упомянутые выше данные Г.А.Бондарской (1977), но также некоторые результаты эмпирического изучения изменения репродуктивных установок (А.Г.Вишневский, А.Г.Волков, 1983), я все же подошел к ним с предельной осторожностью и непосредственно использовал исключительно в тех случаях, когда попадал в безвыходное положение.

Три вывода из содержащихся в таблице У1.16 цифр напрашиваются сами собой. Во-первых, существенно сократится численность русских, что на фоне бурного количественного роста ряда этнических совокупностей приведет к снижению их доли в этнической структуре населения всей страны до уровня, впервые в демографической истории Советского Союза не достигающего 50%. Славянские народы по-прежнему будут располагать абсолютным большинством, но с 71,5% оно уменьшится до 57,1%, причем, по-видимому, национальная рознь, обостряющаяся вследствие русификаторской политики, с одной стороны, и украинских национально-освободительных тенденций – с другой, поставит под сомнение правомерность моей группировки.

Второй вывод относится к евреям, численность которых в результате демографического постарения и ассимиляционных процессов будет сокращаться столь стремительными темпами, что их доля в структуре населения страны к концу перспективного периода едва превысит треть процента. Похоже на то, что и без эмиграции "еврейский вопрос" в Советском Союзе во второй половине XX1 в. будет решен окончательно. Та горстка евреев, которые к тому времени останутся еще в СССР, окажется, однако, вполне достаточной для сохранения и даже усиления антисемитизма...

Третий вывод, вероятно, разочарует некоторых кремлеведов, вот уже много лет предсказывающих близкую "исламизацию" населения Советского Союза. Формулируя его, я, разумеется, отдаю себе отчет в неточности результатов, которые получил на основе исходной информации. Все же порядок величин не оставляет сомнений в правомерности такого вывода, хотя конкретные цифры потребуют уточнения. Спору нет, количественный рост среднеазиатских народов, переживающих ныне нечто подобное демографическому взрыву, не приостановится на протяжении всего перспективного периода. Тем не менее маловероятно, чтобы суммарная доля коренного населения Узбекской, Казахской, Таджикской, Киргизской, Туркменской и Азербайджанской республик, к которому я в данном случае прибавил и другие магометанские народы (абазин, абхазов, адыгейцев, балкарцев, башкир, народности Дагестана, дунган, ингушей, кабардинцев, каракалпаков, карачаевцев, курдов, осетин, татар, татов, турков, уйгуров, черкесов, чеченцев), когда-либо превысила долю славянских народов, а в обозримом будущем, охваченном вре-

менным интервалом моего прогноза, достигла трети всего населения страны.

Несмотря на определенную тенденцию, приведенные цифры все же не подтверждают мнения А.И.Солженицына (1983), что "мы вступили в период необратимого вымирания славянских народов" (с.7). Если некоторое сокращение численности отождествлять с "вымиранием", то подобные перспективы открылись в последнее время и перед несколькими самыми многочисленными народами Западной Европы и Северной Америки (американцами, англичанами, французами, немцами). В том, что в первой половине XX1 в. приостановится их количественный рост, не сомневаются и японцы. В конечном итоге во всемирном масштабе произойдет примерно то же, что во всесоюзном: сократится численность одних народов и возрастет других, причем более или менее выраженные депопуляционные тенденции будут свойственны именно тем народам, которые к настоящему времени вступили в четвертую стадию демографического перехода и оказались на пороге пятой (см. главу Ш). Факт, что одни принадлежат к т.н. социалистическому, а другие – к капиталистическому миру, не имеет в данном случае никакого значения. Никем к тому же не доказано, что депопуляционные тенденции всегда необратимы. Напротив, в ряде случаев они рано или поздно сменялись противоположными тенденциями, о чем свидетельствует хотя бы демографическая история Франции.

Сказанное отнюдь не означает, что опережающие темпы количественного роста среднеазиатских народов по сравнению со славянскими не играют существенной роли в динамике населения СССР и не окажут серьезного влияния на его экономику, не дадут себя знать в общественной жизни. Здесь мне снова придется обратиться к результатам моих перспективных исчислений по группам союзных республик, а не по группам национальностей. Несомненно, их неточность предопределяется тем, что, с одной стороны, к населению Среднеазиатских республик я отнес и проживающих на их территории русских, украинцев, евреев и др., с другой же – искусственно исключил из своих расчетов не только магометанское население автономий Российской Федерации, но даже Казахской ССР (напомню: казахи в своей республике уже стали нацменьшинством и потому характерные для них нормы демографического поведения детерминировали положенные в

основу прогноза предпосылки о рождаемости в значительно меньшей степени, чем демографические установки пришлого населения). Все же я придаю этим результатам определенное познавательное значение, т.к. они вытекают из статистического анализа предполагаемых тенденций рождаемости и смертности, и поэтому привожу их в таблице У1.15.

Поскольку суммарная численность населения пяти союзных республик, включенных мной в рассматриваемую группу, уже в 1979 г. значительно уступала общей численности т.н. магометанских народов, я решил дополнить эти результаты ориентировочной оценкой предполагаемой демографической динамики последних, которая легла в основу итоговых данных, содержащихся в таблице У1.16. Эта оценка основывалась на предположении, что как по исходному возрастно-половому составу, так и по предполагаемым показателям естественного движения магометанское население Российской Федерации, Казахстана и Закавказья не будет в перспективный период существенно отличаться от населения Среднеазиатских республик и Азербайджана. Такая оценка, вероятно, нагляднее перспективных исчислений по основным вариантам прогноза, т.к. исходная численность учитываемых в ней магометанских народов на 12,4 млн. превосходит исходную численность коренного и на 11,5 млн. – всего населения Среднеазиатских республик. К сожалению, отсутствие ряда необходимых статистических данных заставило меня применить грубоориентировочные методы, что отразилось на точности результатов.

Согласно этой оценке, общая численность магометанских народов к концу перспективного периода достигнет примерно 99,9 млн. чел., т.е. составит около 32,0% общей численности населения СССР (по наиболее вероятному варианту прогноза). Конечно, нельзя отрицать очевидных фактов, свидетельствующих о непрерывном увеличении удельного веса этих народов в составе населения страны. В этом контексте нелишне напомнить, что общая численность названных выше 25 магометанских народов, составлявшая в 1959 г. 24,7 млн., к 1970 г. достигла 35,1 млн., а в 1979 г. – 43,7 млн. Отсюда повышение их удельного веса соответственно на 11,8% до 14,5% и 16,7% (в последнем случае – по отношению к постоянному населению; Л.М.Володарский,1983; И.П.Зинченко,1976; В.И.Козлов,1977). Этот процесс продолжится и в перспективный период, в течение которого численность маго-

метанских народов увеличится примерно в 2,3 раза, а их доля в составе всего населения страны удвоится. Большинством они, однако, не станут и славянских народов по численности не догонят. Вряд ли поэтому стоит пророчить "исламизацию" Советского Союза (во всяком случае, в обозримом будущем).

Тем не менее эти прозрачные цифры бросают на демографическое будущее СССР густую тень. Его подернутые туманом очертания все больше и больше тревожат не только духовных наследников славянофилов прошлого века, но и сбросивших обветшалые покровы какой бы то ни было идеологии прагматически мыслящих работников центрального партийно-государственного аппарата. Им, из Москвы наблюдающих за ходом демографических процессов в Средней Азии, Азербайджане, Татарской и Башкирской автономных республиках и на Северном Кавказе, становится все яснее, что в безвозвратное прошлое отходят прежние представления о советском многонациональном государстве. Его пресловутому единству ничто не угрожало, пока десятки национальностей даже сообща не составляли половины численности "русского народа... – наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав всех народов нашей страны" (И.В.Сталин, 1946[а], с. 173). В перспективный период это единство может дать глубокие трещины как из-за изменения количественных соотношений между населяющими страну народами, так и в связи с ростом национального самосознания тех, кто был обречен на безропотное подчинение "старшему брату".

Демограф вправе не касаться сложнейших проблем, связанных с социопсихологической эволюцией этнических совокупностей, которые сравнительно недавно, в конце XIX и первой половине XX вв., вступили в стадию консолидации, а во второй половине текущего столетия и в перспективный период окончательно превратятся в современные нации. Такие нации не только имеют хрестоматийное право на "самоопределение вплоть до отделения", но ныне мечтают этим правом воспользоваться, а в недалеком будущем, быть может, поднимутся на борьбу за его осуществление. Задача демографа здесь сводится к тому, чтобы по возможности точно записать количественные параметры этих процессов, показать фон, на котором будут возникать, изменяться и решаться проблемы национальной политики советского государства. Этому в определенной степени служат таблица У1.17,

где содержатся результаты перспективных исчислений по трем основным вариантам моего прогноза с выделением славянских и Среднеазиатских республик.

Выше я привел и предварительно оценил результаты перспективных исчислений, из которых следовало, что количественный рост населения СССР, хотя и существенно замедлится, отнюдь не приостановится (даже по минимальному варианту прогноза). Тем не менее различия между отдельными группами республик очевидны. Непрерывный количественный рост вплоть до конца перспективного периода будет отмечаться в Среднеазиатских республиках и Азербайджане, в Казахстане и Молдавии, а также в Армении, численность же населения славянских и Прибалтийских республик (по минимальному варианту – также Грузии) сократится. Сама региональная дифференциация темпов количественного роста населения Советского Союза показывает, насколько проблематично сохранение в обозримом будущем режима слегка расширенного воспроизводства во всесоюзном масштабе. В сущности, без Среднеазиатских республик он не был возможен и поэтому представляет собой своего рода статистическую фикцию.

Чтобы проиллюстрировать это положение, позволю себе предположить, что демографическое будущее Среднеазиатских республик сформируется под влиянием тех чрезвычайных факторов, которые я попытался квантифицировать в дополнительном ($1У^{а}$) варианте прогноза, количественный же рост населения остальных республик – в соответствии с предпосылками, положенными в основу не первого (максимального) и не второго (наиболее вероятного), а третьего (минимального) варианта. Хотя такое сочетание мне представляется наименее правдоподобным, думаю, что его анализ не лишен познавательного значения.

Как я уже упоминал и как следует из таблицы У1.18, в этом случае прирост численности населения одних только Среднеазиатских республик (в 2010-20 гг. он превысил бы 10,4 млн.) компенсирует убыль населения славянских и Прибалтийских республик (на 9,9 млн.), прирост же численности населения Армении, Грузии, Молдавии и Казахстана (на 1,7 млн.) обеспечит даже в последнем десятилетии перспективного периода среднегодовой прирост населения СССР на 180 тыс.

Результаты несложных расчетов свидетельствуют, однако, о

том, что сразу же за пределами перспективного периода и в этом гипотетическом случае неминуемо началось бы сокращение численности населения не только в республиках, завершивших уже к настоящему времени процесс демографического перехода, но и во всесоюзном масштабе. Доказательством служат величины коэффициентов суммарной рождаемости, валового и чистого воспроизводства населения. Эти данные убедительно показывают, что при условии существенного ускорения демографического перехода в Среднеазиатских республиках режим суженного воспроизводства установится во всесоюзном масштабе в первом десятилетии XX1 в. (вариант $1У^{б}$ прогноза), а при неблагоприятном стечении обстоятельств (вариант $1У^{в}$ прогноза) – еще раньше, под конец XX в.

На мой взгляд, определенный интерес представляет и такой дополнительный вариант перспективных исчислений, в котором предполагается, что население Среднеазиатских республик в 1980-2020 гг. будет развиваться в соответствии с данными таблицы У1.18 (ускоренный демографический переход, стимулируемый попытками более широкого вовлечения их коренных народов во всесоюзную экономическую систему), остальных же союзных республик – по предпосылкам, отраженным в таблицах У1.1 и У1.2 для наиболее вероятного варианта.

В этом случае (вариант $1У^{б}$) возрастно-половой состав населения славянских, Среднеазиатских и остальных союзных республик представлялся бы так, как показывает таблица У1.19.

Интерпретация содержащихся в ней данных по использованной мной схеме настолько проста, что я опущу все ее детали и ограничусь основным выводом: в этом случае численность населения СССР к 2020 г. достигла бы 305,7 млн., т.е. уступала бы установленной по варианту П прогноза почти на 7 млн., причем доля населения в возрасте 65 лет и старше составила бы 17,8%, а в возрасте 0-19 лет – 28,8% (вместо соответственно 17,5% и 30,1%).

Весьма любопытно, как изменялась бы в условиях ускоренного демографического перехода населения Среднеазиатских республик общая численность наслеления страны и по двум остальным вариантам перспективных исчислений (если бы в славян-

ских, Прибалтийских и Закавказских республиках, а также в Молдавии и Казахстане сохранялся режим воспроизводства населения, предусмотренный первым и третьим, т.е. максимальным и минимальным вариантами прогноза).

Эти данные сопоставлены в таблице У1.20 и не требуют ком-миллиардов рублей или миллионов тонн стали, но никогда еще в лицах У1.1 и У1.17).

Вернусь к рассмотрению наиболее вероятного варианта в его чистом виде, т.е. без учета возможного коренного и быстрого изменения режима воспроизводства населения Среднеазиатских республик. Разумеется, и в этом случае значение последних ощутимо увеличится, причем оно не ограничится прямым воздействием на ход демографических процессов во всесоюзном масштабе, но охватит также другие сферы социально-экономического развития. Благодаря более высокому исходному уровню при таких же заложенных в прогностической оценке темпах количественного роста еще существеннее возрастет роль т.н. магометанских народов.

Оценивая неминуемые перемены, в первую очередь отмечу, что хотя доля Среднеазиатских республик в структуре населения страны не достигнет четверти, а доля магометанских народов — трети, среднегодовой прирост их численности уже на грани XX и XX1 вв. превысит общий прирост населения СССР сегодня. Превосходящая долю всего населения доля контингента женщин в детородном возрасте и за пределами перспективного периода при снижающейся рождаемости будет способствовать тому, что Среднеазиатские республики и магометанские народы останутся основной движущей силой процессов воспроизводства населения Советского Союза.

Примерно вдвое по сравнению с началом перспективного периода увеличится их доля в составе трудовых ресурсов. Более трехсот человек из каждой тысячи трудоспособного населения страны к тому времени будут уроженцами Средней Азии. Очевидно, что советское народное хозяйство не сможет без них обойтись, но все еще неясно, как оно сумеет их использовать. Последует ли из интерпретации этих демографических показателей вывод о необходимости форсированной индустриализации национальных окраин или будет принято отчаянное решение о создании

какого-то подобия трудовых армий, личным составом которых постараются латать прорехи на хозяйственном фронте, как маршевыми батальонами наспех затыкали фронтовые прорывы? Где и за счет чего будут изысканы средства на новые капиталовложения в Среднеазиатских республиках или на массовые переброски рабочей силы в необжитые районы, на обеспечение в них таких условий, которые не привели бы к гибели тысяч и десятков тысяч людей, родившихся и выросших в совершенно ином климате, привыкших к иным видам труда, иному быту?

Следует отдавать себе отчет в том, что "в границах обжитой территории СССР находится примерно 9,5 млн. км^2, или 42,4% площади страны" (Д.И.Валентей, Б.С.Хорев, 1970, с. 8), причем ее природные ресурсы почти исчерпаны. Огромные природные ресурсы сосредоточены как раз там, где расселению препятствуют суровые климатические условия. Их использование – непременное условие дальнейшего развития советской экономики. Оно потребует тотальной мобилизации трудовых ресурсов страны. Резервами трудовых ресурсов располагают, в сущности, только Среднеазиатские республики, и именно их, по-видимому, попытаются бросить на освоение необжитых районов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

От ряда острейших вопросов не уйти в ближайшем будущем и советским маршалам, без особого труда одержавшим верх над хозяйственниками, когда споры велись из-за дополнительных миллиардов рублей или миллионов тонн стали, но никогда еще в мирное время не испытавшим сколько-нибудь серьезного дефицита новобранцев. Пока промышленность могла рассчитывать на постоянный приток рабочей силы из деревни, никто не скупился – до миллиона молодых парней размашистым жестом ежегодно вычеркивали из трудовых балансов.

Число потенциальных призывников и к концу перспективного периода удовлетворит маршальские аппетиты. Из 6-7 млн. юношей, которые ежегодно в 1980-2020 гг. будут входить в состав когорт, пополняющих ряды Советской Армии, можно укомплектовать такое же, а то и большее, чем ныне, количество дивизий. Все дело, однако, в том, что, во-первых, без этих юношей начнет задыхаться народное хозяйство, а во-вторых, будущее пушечное мясо с точки зрения советских маршалов не то что несколько подпорчено, но отдает каким-то новым, не совсем при-

вычным и потому отпугивающим душком. Оставляя в стороне вопрос о готовности советских солдат образца 2000 г. переносить такие же лишения, на какие безропотно шли их отцы, деды и прадеды (этим пусть займутся социологи и психологи), укажу лишь, что в числе потенциальных солдат Советской Армии в 2010-19 гг. окажется более 2 млн. уроженцев Среднеазиатских республик, почти 3 млн. магометан. Призывать ли всех пригодных к воинской службе или стараться – несмотря на коренное изменение обстановки – любой ценой сохранять устоявшиеся пропорции между основными этническими группами? Первый путь лищает уверенности, что армия при любых обстоятельствах останется послушным орудием не только советской государственной, но и русской великодержавной политики. Став на второй, надлежало бы принять во внимание возможность конфликта с хозяйственниками, которые будут судорожно цепляться именно за высыхающие русские и украинские, а не за грозящие всесоюзным потопом узбекские и туркменские трудовые ресурсы.

И в заключение – еще одна группа не только количественных, но и качественных показателей, подтверждающих огромные этнодемографические различия и диспропорции в структуре населения Советского Союза. Они ярче всего выявляются при использовании методов потенциальной демографии.

Возрастные пирамиды магометанских и немагометанских (в частности, славянских) народов как в начале, так и в конце перспективного периода отличаются друг от друга не менее, пожалуй, существенно, чем пирамиды населения западноевропейских стран от южноамериканских. Не подлежит сомнению, что в них запечатлена динамическая характеристика господствующих на протяжении многих десятилетий качественно различных меж собой режимов воспроизводства. Отражая демографическое прошлое, они, в то же время, в значительной степени предопределяют будущее. Если возрастные пирамиды немагометанских народов свидетельствуют о завершении демографического перехода и начале более или менее длительной стадии депопуляции, сопровождающейся глубокими структурными сдвигами, то пирамиды магометан сформированы исключительно мощной ударной волной демографического взрыва. Чтобы ответить на вопрос, кому из них принадлежит будущее, а кто отходит в прошлое, не нужно быть специалистом. Достаточно сравнить основания этих пирамид.

Именно потому столь серьезное не только диагностическое, но и прогностическое значение имеет факт, что хотя доля самой младшей возрастной группы (0-19 лет) в составе магометанских народов несколько уменьшится к 2020 г. по сравнению с началом перспективного перехода, она все же чуть ли не вдвое превысит соответствующую долю у всех остальных народов СССР. В то же время у магометанских народов почти не изменится величина показателя демографического постарения (доля группы лиц в возрасте 60 лет и старше), тогда как в структуре славянских народов она возрастет более чем в полтора раза. Стоит добавить, что доля самой старшей возрастной группы в структуре магометан в 2020 г. будет вшестеро меньше, чем доля самой младшей, тогда как в структуре остальных народов несколько превысит ее, а в структуре славян почти сравняется с ней.

Прогрессивные изменения возрастной структуры магометанских народов и регрессивные – остальных будут способствовать тому, что общий жизненный потенциал первых на протяжении перспективного периода резко увеличится, а вторых существенно сократится. В этом контексте следует подчеркнуть, что относительная демографическая молодость магометанских народов пока (в течение всего рассматриваемого здесь периода) с лихвой компенсирует неблагоприятные тенденции эволюции средней продолжительности жизни (влияние стремительного количественного роста все еще превалирует над влиянием медленного, но неуклонного уменьшения среднего жизненного потенциала). С этими тенденциями уже не справляются другие, в частности, славянские народы, у которых сокращение численности, сопровождающееся уменьшением среднего жизненного потенциала, обусловливает и весьма существенное уменьшение общего. Резко изменится и структура последнего, причем нельзя не отметить, что хотя доля магометанских народов в общей численности населения СССР к концу перспективного периода едва превысит одну треть, на них придутся две пятые величины общего жизненного потенциала и более половины той его части, возникновение которой связано с самой младшей группой населения.

5. Столетний юбилей

Итак, к концу перспективного периода, к столетнему юбилею Октябрьской революции, Советский Союз подойдет как страна с исключительно сложной демографической обстановкой. Основные результаты перспективных исчислений, относящихся к юбилейному году, я привел в таблице У1.6, а их оценка дана на последующих страницах этой главы. Если до сих пор я еще ни разу не упомянул в ней о 2017 г., то только потому, что с точки зрения демографа этот год ничем существенным не отличается ни от нескольких предыдущих, ни от самого конца десятилетия, которым замыкается мой прогноз. Юбилей – дата чисто символическая, демографические же явления и процессы, которые я описывал, исходя из полученных результатов, детерминированы всей столетней историей советской страны. Вся она как целое в свете приведенных цифр дает основания для объективных и, смею полагать, неопровержимых оценок.

Нет смысла повторять основные выводы только ради того, чтобы отнести их непосредственно к 2017 г. Да будь он хоть трижды юбилейным, эти выводы не изменятся ни на йоту! Вместо такого повторения предлагаю читателям представить себе, что все мы дожили до упомянутого года и в канун всенародного праздника имеем возможность полистать вышедшую удвоенным тиражом и в увеличенном объеме "Правду". Впрочем, текст, который я имею в виду, будет помещен также в "Известиях", во всех остальных центральных газетах, республиканских, областных, районных...

"Седьмого ноября 2017 г., – будет сказано в праздничном сообщении ЦСУ и многократно повторено, и на все лады прокомментировано, – численность населения СССР достигла 310,886 тыс. чел. С 1917 г., за годы советской власти, прирост населения страны, несмотря на тяжелые последствия навязанных нашему народу войн, приблизился к 150 млн. Советский Союз по численности населения на протяжении всей своей истории занимал и попрежнему занимает третье место в мире (уступая только Китаю и Индии). В настоящее время число его жителей превосходит численность населения Великобритании, Федеративной Республики Германии, Франции и Италии вместе взятых.

Доля городского населения увеличилась в нашей стране за годы советской власти в четыре с лишним раза, причем его численность постоянно растет за счет естественного прироста, преобразования сельских населенных пунктов в городские и перехода населения в город, связанного с быстрым развитием промышленного производства и повышением производительности труда в сельском хозяйстве.

Выравнялось нарушенное военной интервенцией 1918-22 гг. и Великой Отечественной войной 1941-45 гг. соотношение численности мужчин и женщин. В возрастах до 49 лет включительно, т.е. среди родившихся с 1967 г., в котором наша страна торжественно отмечала 50-летие Великого Октября, численность мужчин превышает численность женщин, тогда как в 1917 г. уступала ей на 2 млн., в 1926 г. – на 3,5 млн., в 1959 г. – на 4 млн., в 1970 г. – на 3 млн. К празднику взволнованно готовятся свыше 60 тыс. ровесников Великой Октябрьской социалистической революции, около 15 млн. советских граждан, родившихся до Великой Отечественной войны. Около 80 млн. наших сограждан, т.е. более 25% всего населения СССР, родились уже в XX1 в.

На основе роста общественного производства и производительности труда, благодаря историческим достижениям социалистического строя и победам научно-технической революции в СССР систематически повышается жизненный уровень народа, растут реальные доходы, неуклонно возрастает уровень образования и культуры, постоянно улучшается медицинское обслуживание советских людей. Материнство в нашей стране охраняется и поощряется государством. Ни в одной стране мира нет такого количества врачей, медицинских сестер и других медицинских работников, заботящихся о здоровье народа, об увеличении продолжительности человеческой жизни. По сравнению с дореволюционным периодом смертность населения СССР снизилась вдвое, детская смертность – в 7 раз, а средняя продолжительность жизни увеличилась почти на 40 лет.

311-миллионный советский народ успешно осуществляет грандиозные задачи, поставленные Программой КПСС, и уверенно строит коммунизм – светлое будущее всего человечества".

Не стану продолжать... Не стану опровергать эти золотые мысли и формулировки, которые я позаимствовал из сообщения ЦСУ СССР, посвященного появлению на свет 250-миллионного

гражданина Союза Советских Социалистических Республик ("Нас 250 млн.", 1974). Не вижу необходимости и в детальном анализе текста, который я состряпал по принятой в советской пропаганде рецептуре, включив в него некоторые результаты своих перспективных исчислений. Ограничусь кое-какими международными сравнениями.

Их возможность создает прогноз ООН (Demographic Indicators ..., 1982), на который я уже несколько раз ссылался и который охватывает не только конец текущего, но и первую четверть следующего века (до середины 2025 г.). Заменив содержащиеся в нем сведения об СССР результатами своих перспективных исчислений по наиболее вероятному варианту и оставив без изменений все остальные, предлагаю вниманию читателя таблицу У1.21.

Таблица У1.21 дает мне основания констатировать, что, во-первых, если предпосылки прогнозов окажутся верными, доля населения Советского Союза с нынешних 6,0% к 100-летнему юбилею Октябрьской революции сократится до 4,1% по отношению к численности населения всего мира (примерно в полтора раза). По темпам количественного роста населения Советский Союз в 1980-2025 гг. будет существенно отставать от развивающихся стран и начнет отставать от развитых.

Во-вторых, к концу перспективного периода СССР не сохранит за собой занимаемого ныне среди крупных регионов мира 6-го места и уступит его Северной Америке. По численности населения она обгонит СССР в 2017 г. на 18,1 млн. (9,0%), тогда как в 1980 г. отставала на 16,7 млн. (6,3%). Уменьшится "зато" разрыв между Советским Союзом и Зарубежной Европой. Если в 1980 г. численность населения последней была больше, чем СССР на 219,2 млн. (82,9%), то к 2017 г., хотя абсолютная разница все еще останется внушительной (209,9%), относительная сократится до 67,5%. В этом найдет свое отражение все еще благоприятная для Советского Союза разница в темпах количественного роста населения (в Зарубежной Европе среднегодовой их показатель в 1980-2017 гг. составит только 2,0‰, а в СССР – около 3,6‰).

Хотелось бы, в-третьих, отметить, что темпы количественного роста населения европейских социалистических стран (если этим сугубо условным понятием охватить не только страны, входящие в СЭВ, но также Албанию и Югославию) в перспективный

период окажутся большими, чем в СССР (соответственно 4,2‰ и 3,6‰), и значительно превзойдут показатель, предусматриваемый в тот же период для европейских капиталистических стран (около 0,9‰). В результате общая численность населения европейского "социалистического лагеря", составлявшая в 1980 г. 399,6 млн., к 2020 г. возрастет до 483,4 млн., тогда как капиталистической Европы – с 348,6 млн. до 361,4 млн.

Демографическая карта современного мира поражает своей пестротой. В демографических публикациях ООН за 1982 г. содержится информация о 153 странах. В сорока из них, однако, число жителей не достигает одного миллиона, а в тринадцати не превышает 100 тыс. Сравнение каких бы то ни было демографических показателей, регистрируемых в СССР, и, например, в Науру, Сан-Марино, Гренаде или даже в Уругвае, Бутане, Нидерландах и Новой Зеландии, имеет, разумеется, ничтожное познавательное значение или вообще лишено его. Лучше, мне кажется, удовлетвориться международными сравнениями в пределах группы крупнейших стран мира (в каждой из них число жителей в 1980 г. превышало 30 млн.), на общую долю которых в 1950 г. приходилось 80,8%, а в 1980 г. – 81,4% населения всего мира. Советский Союз сохранит среди них занимаемое ныне место как по численности, так и по темпам количественного роста населения. Уступая по первому из названных показателей как в начале, так и в конце 70-летнего периода, охваченного сравнением, только Китаю и Индии, он по второму в 1950-80 гг. опережал все включенные в таблицу У1.22 развитые страны т уступал всем развивающимся. В 1980-2020 гг. быстрее, чем в СССР, будет увеличиваться население в Испании и Польше, а медленнее – во всех остальных развитых странах.

Снижение среднегодовых темпов количественного роста населения предусмотрено прогнозами для всех (кроме некоторых африканских) стран мира, и в этом отношении Советский Союз не представляет исключения. Нелишне все же отметить, что в большей, чем в СССР, степени они снизятся только в Японии, Италии, Великобретании и ФРГ, причем в двух последних численность населения в 1980-2020 гг. существенно уменьшится. Вот где уместно еще раз вспомнить слова одного из виднейших специалистов в области прогнозирования, что настоящее передовых в демографическом отношении стран – это будущее всех остальных.

Нетрудно догадаться, что огромные различия в темпах количественного роста населения обусловлены дифференциацией показателей его воспроизводства.

Советский Союза, как и подавляющее большинство экономически развитых стран, приближается к той стадии демографического перехода, которая характеризуется весьма близкими к единице величинами коэффициента чистого воспроизводства населения. Поэтому в таблицу У1.23 я в основном включил такие страны и лишь для сравнения с ними привел показатели суммарной рождаемости и средней продолжительности жизни в нескольких развивающихся (Бразилия, Индонезия, Китай, Мексика).

При таком сопоставлении вырисовывается весьма любопытная картина. Незавершенность демографического перехода в СССР находит свое отражение в том, что по суммарной рождаемости (следовательно, по коэффициенту валового воспроизводства населения) он, как в начале, так и в конце перспективного периода превосходит все развитые страны. В то же время по средней продолжительности жизни мужчин СССР отстает даже от включенных в таблицу развивающихся стран, а по средней продолжительности жизни женщин превосходит... только Индонезию. При случае отмечу, что эксперты ООН предусматривают на конец перспективного периода более высокие, чем в СССР (по моей оценке), показатели средней продолжительности жизни женщин в Латинской Америке, а мужчин – во всех без какого бы то ни было исключения больших регионах мира.

В своем "противостоянии" капиталистической системе, в "мирном соревновании" с ней Советский Союз на протяжении перспективного периода будет терять одну за другой завоеванные было демографические позиции. Правда, подцензурные комментаторы не преминут победоносно возвестить, что общая численность населения социалистических стран, составлявшая в 1980 г. 1.554,6 млн., в 2000 г. достигнет 1.950,8 млн., а к 2020 г. – 2.259,2 млн., т.е. увеличится соответственно на 25.5% и 15,8%, а всего на 45,3%. Импонирующие цифры, не правда ли? Однако на деле они показывают, что если к 1980 г. доля народов, "сбросивших оковы капитализма", составила в населении мира 35,1%, то к концу перспективного периода она сократится до 32,4%. Разумеется, вследствие опережающих темпов количественного роста населения стран третьего мира, что не отражается на соотноше-

нии между двумя основными мирами: социалистическим и капиталистическим.

Восторженные комментаторы не проронят ни слова на тему, которая обсуждается не только в кремлевских кабинетах, но и в московском метро, а уж тем более – на хабаровских улицах, в приамурских поселках и на владивостокских причалах. Эту тему не называют "желтой опасностью", быть может, потому, что еще рассчитывают на нейтрализацию Китая, на полное подчинение советскому диктату всех прочих азиатских т.н. социалистических стран. Тем временем нарастает и "черная опасность". Ангола, Гвинея, Конго, Мозамбик, Эфиопия (подобно, впрочем, Вьетнаму и Кампучии, Афганистану и Йемену) не столько поддерживают своим демографическим потенциалом советскую часть "мировой социалистической системы", сколько ложатся на нее тяжким бременем,

И остается от мнимого величия только обломок просоветского социалистического мира – СЭВ. Тут цифры куда скромнее. В этой организации, прогрессирующая деградация которой обусловлена экономической и научно-технической отсталостью, милитаризацией, разрастанием злокачественной опухоли бюрократизма и катализируется советским диктатом, участвуют теперь не только европейские социалистические страны (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия и – в роли наблюдателя – Югославия), но также полностью зависимые от СССР Вьетнам, Куба, Монголия, Йемен, Афганистан (два последних в качестве наблюдателей). Общая численность их населения с 479,8 млн. в 1980 г. возрастет до 565,0 млн. в 2000 г. и 630,4 млн. в 2020 г., т.е. соответственно на 17,9% и 11,6%, а всего на 31,4%. Однако их доля в составе населения мира заметно снизится.

Главной все же печалью подцензурных комментаторов демографических событий станет информация из-за океана.

Если предпосылки прогнозов, положенных в основу моего сравнительного очерка, найдут подтверждение в действительности, то на протяжении перспективного периода "превосходство" СССР над США по численности населения уменьшится втрое: с 41,3 млн. до 13,7 млн. Чрезвычайно показательно при этом сопоставление возрастных структур населения Советского Союза и Соединенных Штатов, свидетельствующее о том, что различия

между ними постепенно сглаживаются. Они сохраняются, однако, в строках цифр, характеризующих режим воспроизводства населения, особенно же – среднюю продолжительность жизни. Поскольку именно она в наиболее обобщенной форме отражает не только повозрастные уровни и особенности смертности, но также весь сложнейший комплекс факторов благосостояния, это можно рассматривать как один из нагляднейших итогов соревнования двух социально-экономических систем.

Вошедшее при Горбачеве в моду словосочетание "человеческий фактор" с точки зрения экономиста это прежде всего трудовые ресурсы. Выше я лишь вскользь упомянул о реформе советской школы. Добавлю, что они снизила возраст первоклассника с семи до шести лет, а всеобщее обязательное обучение свела к девяти классам вместо прежних десяти. Итак, к 15-ти годам иное поколение, овладевшее якобы профессией еще в школе, будет пополнять трудовые ресурсы. Иного уровня кадров требуют стоящие перед советской экономикой задачи, что, впрочем, признал сам М.С.Горбачев (1986). Но эффективность предложенного им "создания единой системы непрерывного образования" (с.6) в советских условиях внушает сомнения. Как бы она не обернулась очередным блефом...

Оно конечно, времена, когда войны выигрывались "большими батальонами", давно миновали. Тем не менее советские генералы лично командуют т.н. военно-спортивными играми школьников. В солдаты готовят с детства. Не следствие ли это сознания предстоящих демографических сдвигов? Ведь советское военное командование, отдающее себе отчет в неблагоприятном для СССР соотношении в области логистики и по многим видам современного вооружения, к концу перспективного периода не сможет рассчитывать и на превосходство в живой силе, которой оно – по старым образцам – попыталось бы компенсировать все прочее. Это превосходство станет минимальным. Есть основания полагать, что к середине XX1 в. оно вообще исчезнет. Значит, надо выжимать все возможное и невозможное из имеющегося "человеческого фактора".

* * *

Занавес, отделяющий будущее от настоящего и прошлого, столь плотен, что, вероятно, ничьему взгляду не дано сквозь него проникнуть. Контуры будущего удается очертить лишь в порядке первого приближения в соответствии с положенными в основу перспективных исчислений предпосылками. Обезоруживает, к тому же, вывод, к которому пришел Б.Каплан (1955), утвердавший, что овладеть мастерством прогнозирования немыслимо, ибо необходимые для него личные качества генетически закодированы. С ними либо появляются на свет, либо нет, но приобрести их невозможно. Даже самые совершенные методы прогнозирования значительно меньше влияют на его результаты, чем личность автора. И все же я рискнул пуститься в автономное плавание на утлом суденышке своих далеких, вероятно, от совершенства методов. Ни в ретроспективных, ни, тем более, в перспективных исчислениях я не претендовал на непогрешимость. Теперь, добравшись до берега, я осматриваюсь вокруг в поисках тех, которые, быть может, заинтересуются моими размышлениями, продолжат их, соглашаясь со мной или не соглашаясь, но отдавая должное самой теме.

БИБЛИОГРАФИЯ*

а) Литература на русском языке

Аганбегян А.Г. Смена поколений. Изменится ли политический курс? "Форум", 1985, № 11, с. 3-9

Агафонов Н.Т., Хорев Б.С. (ред.) Нечерноземье – демографические процессы. М., 1977

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980

Алексеев М. Алкоголь в СССР. "СССР. Внутренние противоречия", вып. 7. Нью-Йорк, 1983, с. 51-88

Алтыева Л. Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. В: "Население и экономика". М. 1973, с. 71-82

Аманков М. Тенденции развития населения Туркмении. В: "Возобновление поколений нашей страны". М., 1979, с. 71-79

Андреев Е., Пирожков С. О потенциале демографического роста. В: "Население и окружающая среда". М., 1975, с. 52-67

Араб-Оглы Э.А. Демографические и экологические прогнозы. М.,1978

Араб-Оглы Э.А. Демографическое прогнозирование. В: Бестужев-Лада Д.М. "Рабочая книга по прогнозированию". М., 1982

Ата-Мирзаев О. Многодетная женщина. Социально-демографический анализ. В: "Женщины на работе и дома". М., 1978

Ата-Мирзаев О., Гольдфарб Б. Перспективы воспроизводства населения Средней Азии. В: "Наше будущее глазами демографа". М., 1979, с. 113-119

Бааде Ф. Соревнование к 2000 г. М., 1962

Бабынин Б. Население РСФСР в 1926-41 гг. "Бюл. Госплана РСФСР", 1926, № 23-24, с. 20-38

Бабынин Б. Перспективы роста населения СССР в 1927/28-1932/33 гг. "Плановое хозяйство"; 1928, № 10, с. 320-338

Балаян З. Без промаха. "Новый мир"; 1985, № 12, с. 179-189

Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М. 1968

Бахметова Г. Доживаемость и смертность населения СССР. В: "Продолжительность жизни". М., 1974, с. 40-48

Бахметова Г.Ш. Методы демографического прогнозирования. М., 1982

Бедный М.С. Продолжительность жизни. М., 1967

Бедный М.С. Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. М., 1972

---

* В список литературы на русском языке включены работы иностранных авторов, которые я использовал в русских переводах, а также одна работа, опубликованная на украинском языке. В то же время несколько работ советских авторов, вышедших в свет за границей в переводах, включены в список иноязычной литературы.

Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979

Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее. Лондон, 1984

Белова В.А., Бондарская Г.А., Вишневский А.Г., Дарский Л.Е., Сифман Р.И. Сколько детей будет в советской семье? Результаты обследования. М., 1977

Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972

Белоусов И.И. Основы учения об экономическом районировании. Размещение и районирование производительных сил. М., 1976

Бергсон А. Об 11-м пятилетнем плане. "СССР. Внутренние противоречия", вып. 6. Нью-Йорк, 1982, с. 11-19

Бернштам М. Стороны в гражданской войне. Проблематика, методология, статистика. "Вестник РХД", 1979, № 128, с. 252-357

Бернштам М. Микроб коммунизма или тифозная вошь? "Вестник РХД", 1980, № 130, с. 262-324

Бернштам М. О расчете зернового баланса в СССР в связи с неурожаями 1981 и 1982 гг. "Обозрение", 1982, № 2, с. 28-30

Бернштам М. Марксизм и контроль рождаемости в СССР. "Новый журнал", 1983, № 153, с. 231-261

Бжилянский Ю.А. Проблемы народонаселения при социализме. М., 1974

Бирман И. Экономическая ситуация в СССР. "Континент", 1981, № 28, с. 259 300

Бирман И. Где пьют больше? "СССР. Внутренние противоречия", вып. 7. Нью-Йорк, 1983[а], с. 89-102

Бирман И. Экономика недостач. Нью-Йорк, 1983[б]

Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М., 1974

Большакова Е. К проблеме демографического районирования. В: "Продолжительность жизни". М., 1974, с. 22-31

Бондарская Г.А. Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность. В: "Рождаемость. Проблемы изучения". М., 1976, с. 106-120

Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР. Этнодемографический аспект. М., 1977

Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976

Боярский А.Я. (1965). О прогнозе численности населения мира. Цит. по он же: "Население и методы его изучения". М., 1975, с. 245-273

Боярский А.Я. (1972). К методике прогноза населения. Цит. по он же: "Население и методы его изучения". М., 1975, с. 217-224

Боярский А.Я. (ред.) Курс демографии, изд. 3.М., 1985

Боярский А.Я., Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1980

Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС. XX1У съезду КПСС. В: он же, "Ленинским курсом". М., 1973, т. 3, с. 194-314

Бромлей Ю.В. Этнические процессы в СССР. "Коммунист", 1983, № 5, с. 56-64

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981

Бурнашев Э.Ю. (ред.) Естественное движение населения современного мира. М., 1974

Вагабов М.В. Ислам и семья. М., 1980

Валентей Д.И. (ред.) Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974

Валентей Д.И. Основы теории народонасселения. М., 1977

Валентей Д.И., Бодрова В.В. (ред.). Население и трудовые ресурсы в социалистических странах. М., 1979

Валентей Д.И., Бурнашев Э.Ю. (ред.). Библиография по проблемам народонаселения. Советская и переводная литература. 1960-1971 гг. М., 1974

Валентей Д.И., Бурнашев Э.Ю. (ред.). Библиография по проблемам народонаселения (1972-1975). М., 1977

Валентей Д.И., Бурнашев Э.Ю. (ред.). Литература о населении (1975-1978). М., 1981

Валентей Д.И., Хорев Б.С. Миграция в системе демографических процессов в СССР. В: "Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов". М., 1970, с. 5-12

Великая Отечественная война 1941-45. Энциклопедия. М., 1985

Вересов Д. От катастрофы к катастрофе. История населения Советского Союза (машинопись, 1985). Станфорд. Гуверовский центр

Вишневский А.Г. Демографические процессы в СССР. "Вопросы философии", 1973, № 9, с. 115-127

Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982

Вишневский А.Г., Волков А.Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. М., 1983

Волков А. Население СССР. В: Ежегодник БСЭ 1980. М., 1981, с. 9-13

Володарский Л.М. (ред.). Население СССР. М., 1983

Геллер М. Демографическая катастрофа в СССР. "Русская мысль" от 1.X. 1981

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История СССР с 1917 г. до наших дней. Лондон, 1982

Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические последствия войн. М., 1975

Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб, 1819

Гилицкий Ф.И. Социально-экономические проблемы трудовых ресурсов Белорусской ССР. Минск, 1977

Горбачев М.С. О созыве очередного XXУП съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. "Правда" от 24.1У. 1985[а]

Горбачев М.С. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 октября 1985. ЛГ от 16. X. 1985[б]

Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXУП съезду Коммунистической партии Советского Союза. "Правда" от 26.П. 1986, с. 1-10

Гражданников Е.Д. Прогностические модели демографических процессов. Новосибирск, 1974

Гроссман В. Жизнь и судьба. Лозанна, 1980

Двадцать второй съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962, т. 3

Двенадцатая сессия Комиссии ООН по народонаселению. "Вестник статистики", 1963, № 5, с. 82-86

Действие ядерного оружия (пер. с англ., изд. Министерства обороны США) . М., 1960

Дмитриева Р., Волков А. Задачи статистики населения и демографических исследований. "Вестник статистики", 1982, № 2, с. 7-16

Добровольский Ю.А. Очерки санитарного состояния населения капиталистических стран. Ашхабад, 1959

Добровольский Ю.А. Здоровье населения мира в XX веке. Капиталистические и развивающиеся страны. Социально-гигиеническое исследование. М., 1968

Елизаров В. Изменения в структуре новорожденных и динамика уровня детской смертности. В: "Население СССР сегодня". М., 1982, с. 83-98

Заславская Т. О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики. "Форум", 1983, № 5, с. 127-156

Заславская Т.И. Выбор и стратегия. "Известия" от 1.У1. 1985

Зинченко В.П. (ред.) . Введение в эргономику. М., 1974

Зинченко И.П. Национальный состав и языки населения СССР. В: "Всесоюзная перепись населения 1970 года". М., 1976, с. 193-210

Иванова Т., Калинюк И. Современные этапы развития миграции населения в СССР и ее перспективы. В: "Наше будущее глазами демографа". М., 1979, с. 73-84

Ильина И.И. Влияние войн на брачность советских женщин. В: "Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР". М., 1977, с. 50-61

Исупов А.А. Всесоюзная перепись населения прошла успешно. "Вестник статистики", 1979, № 6, с. 25-30

Исупов А. Переписи как ценный источник информации о населении. "Вестник статистики", 1980, № 7, с. 29-37

Калинюк И. Продолжительность жизни и возрастная структура населения СССР. В: "Продолжительность жизни". М., 1974, с. 60-66

Калинюк И., Веселкова И. Демографические процессы в СССР. В: "Население СССР сегодня". М., 1982, с. 7-19

Каррер д'Анкос Э. Расколотая империя. Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982

Касимовский Е.В. (ред.) . Трудовые ресурсы. Формирование и использование. М., 1975

Кваша А.Я. О некоторых инструментах демографической политики. В: "Изучение воспроизводства населения". М., 1968, с. 64-78

Кваша А. Поколение 2000 года. ЛГ от 22.Ш. 1972

Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. В: "Народонаселение". М., 1973, с. 13-26

Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974[a]

Кваша А.Я. Об условиях успешности и оценке эффективности демографической политики. В: "Демографическая политика". М., 1974б, с.81-87

Кваша А.Я. Управление развитием народонаселения в СССР (проблемы и перспективы). М., 1977

Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981

Киселева Г.П. Нужно ли повышать рождаемость? М., 1979

Коваленко П.С. Развитие городов. Киев. 1980

Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977

Колосова Г.И. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР. В: "Всесоюзная перепись населения 1970 года". М., 1976, с. 165-181

Комаров Б. Уничтожение природы. Обострение экологического кризиса. Франкфурт-на-Майне, 1978

Короваева В.Н. Миграция населения СССР. В:"Всесоюзная перепись населения 1970 года". М., 1976, с. 246-259

Корчак-Чепурковский Ю.А. Таблица доживання і сподіваного життя людності УССР 1925-26. Харьков, 1929

Корчак-Чепурковский Ю.А. Избранные демографические исследования. М., 1970

Косилов С.А. Очерки физиологии труда. М., 1965

Косинский И. В перспективе – военная диктатура. Попытка прогноза, "Время и мы", 1984, № 78, с. 96-111

Косолапов В.В. Методология социального прогнозирования. М., 1981

Косыгин А.Н. Социально-экономическое развитие советского многонационального государства. "Коммунист", 1972, № 17, с. 15-41

Котик М.А. Курс инженерной психологии. Таллин, 1978

Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография. Нью-Йорк, 1974

Кузнец С. (1965). Демографические аспекты современного экономического роста. Цит. по: "Население и экономика". М., 1970, с. 103-106

Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970-75 гг. и его долгосрочных последствиях. Нью-Йорк, 1975

Куличенко М.И., Аношкин И.Ф., Калтахчян С.Т., Ханазаров К.Х. Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977

Курганов И.А. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968

Курганов И.А. Три цифры. "Посев", 1977, № 12, с. 54-57 (впервые опубликовано в "Новом русском слове" от 12.1У.1964)

Летавет А.А. (ред.) Руководство по гигиене труда. М., 1965

Максимов Г.М. Численность и территориальное размещение населения СССР. В: "Всесоюзная перепись населения 1970 года". М., 1976, с. 146-164

Максудов. Потери населения СССР в 1918-1956 гг. (машинопись, без г. изд.), М.

Максудов. Интернационалисты и русская революция. Заметки по поводу статьи М.Бернштама. Проблематика, методология, статистика. "Вестник РХД", 1980, № 130, с. 221-262

Максудов. Некоторые причины роста смертности в СССР. "СССР. Внутренние противоречия", вып. 3, Нью-Йорк, 1982, с. 5-78

Максудов. Потери населения СССР в 1931-38 гг. "СССР. Внутренние противоречия", вып. 5. Нью-Йорк, 1983[а], с. 104-190

Максудов. Демографические потери населения Украины в 1927-1938гг., "Форум", 1983[б], № 4, с. 198-212

Маркин А. На пороге нового века. Ленинская стратегия научно-технической революции. "Дружба народов", 1970, № 4, с. 195-223

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976

Менделеев Д.И. К познанию России. СПб, 1906

Менделеев Д.И. (1907). Дополнение к познанию России. Собр. соч., М., 1953, т. 21, с. 383-533

Мерков А.М. (1962). Продолжительность жизни. Цит. по: он же, "Здоровье населения и методы его изучения". М., 1979, с. 154-159

Методические указания к составлению Государственного плана развития народного хозяйства СССР. М., 1969, 1974

Нас 250 миллионов. М., 1974

Население социалистических и капиталистических стран. М., 1971

Никитенко В.В. Демографический анализ поколений. М., 1979

Новицкий А.Г., Миль Г.В. Занятость пенсионеров. Социально-демографический аспект. М., 1981

Новосельский С.А., Паевский В.В. О свободных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения. "Тр. Демографического ин-та", т. 1, Л., 1935, с. 7-37

О демографии, геополитике и народном хозяйстве. "Посев", 1982, № 11, с. 7-8

Осколкова О.Б. Современные демографические тенденции. Развитые капиталистические и развивающиеся страны. М., 1984

Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970

Переведенцев В.И. Кто заменит нас в двухтысячном? ЛГ от 3.УП. 1970

Переведенцев В.И. Урбанизация и некоторые аспекты миграции населения в СССР. В: "Проблемы современной урбанизации". М., 1972, с. 125-141

Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М., 1975

Переведенцев В.И. Воспроизводство населения и семья. "Социологические исследования", 1982[а], № 2, с. 80-88

Переведенцев В.И. 270 миллионов. М., 1982[б]

Петраков Б.Д. Психическая заболеваемость в некоторых странах в XX веке. Социально-гигиеническое исследование. М., 1971

Подъячих П.Г. О росте перспективной численности населения с учетом планируемой миграции. В: "Вопросы народонаселения и демографической статистики" М., 1966, с. 239-251

Покшишевский В.В. География населения СССР. М., 1971

Поляков Л.Е. Цена победы. Демографический аспект. М., 1985

Поляков Ю.А., Киселев И.Н. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917-26 гг. "История СССР", № 2, с. 99-109

Поражающее действие атомных бомб. М., 1954

Проблемы демографической политики. "Вестник статистики", 1983, № 3, с. 65-68

Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1982

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР, т. 1, Нью-Йорк, 1952

Прокофьев М.А. "Учительская газета" от 16.УП.1983

Психофизиологические и эстетические основы НОТ. М., 1971

Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960

Раф Г. Немцы хотят уехать. "Посев", 1974, № 6, с. 27-30

Римашевская Н.М. (ред.). Региональные особенности воспроизводства населения в СССР. М., 1981

Романов Е.Р. О положении в СССР и демографических процессах. "Посев", 1977, № 12, с. 3-5

Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968

Россет Э. О познавательной ценности демографических прогнозов. : "Демографические прогнозы". М., 1973, с. 10-30

Рыбаковский Л.Л. Методологические вопросы прогнозирования населения. М., 1978

Рыбаковский Л.Л., Чураков В.Я. Социальные факторы и особенности миграции населения. М., 1978

Рылкова И. Изменение окружающей среды и некоторые демографические процессы. В: "Население и окружающая среда". М., 1975, с. 13-20

Рябушкин Т.В., Галецкая Р.А. Динамика и структура населения в социалистических странах. М., 1979

Рябушкин Т., Галецкая Р. Структура и воспроизводство населения Советского Союза. В: "Демографические процессы в социалистическом обществе". М., 1981, с. 75-102

Сабсович Л.М. СССР через 15 лет. М., 1929

Садвокасова Е.А. Роль аборта в осуществлении сознательного материнства. В: "Изучение воспроизводства населения". М., 1968, с. 207-224

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Франкфурт-на-Майне, 1968

Серенко А.Ф., Ермаков В.В. (ред.). Социальная гигиена и организация здравоохранения. М., 1977

Серенко А.Ф., Церковный Г.Ф. (ред.). Злокачественные новообразования. Статистические материалы по СССР. М., 1974

Скэммел М. Советские евреи в земле обетованной. "Континент", 1981 № 29, с. 185-208

Смирнов Е.И. Защитим жизнь. ЛГ от 2.1У. 1983

Смулевич Б.Я. Критика современной буржуазной социальной гигиены и медицинской социологии. М., 1960

Смулевич Б.Я. Критика буржуазных медико-социологических концепций, М., 1973

Сови А. Общая теория населения, тт. 1-2. М., 1977

Солженицын А.И. Коммунизм к брежневскому концу. "Посев", 1983, № 1 кварт., с. 3-9

Сталин И.В. Из выступления в комиссии по выработке примерного устава сельзозартели на П съезде колхозников-ударников. "Правда" от 13.Ш.1935

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946[а]

Сталин И.В. Интервью корреспонденту "Правды" от 9.П.1947. "Большевик", 1946[б]

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952

Старовский В.Н. (1960). О методах прогноза роста численности населения Советского Союза. Цит. по: он же, "Теория и практика советской государственной статистики". М., 1977, с. 175-184

Стешенко В.С. Демография в современном мире. М., 1978

Стешенко В.С. О жизни и научной деятельности А.П.Хоменко (краткий очерк). В: Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения. М., 1980, с. 7-18

Стешенко В.С. Изучение воспроизводства населения. М., 1981

Стешенко В.С. (ред.). Демографическая политика: осуществление и совершенствование в условиях развитого социализма. Киев, 1982

Стешенко В.С., Пискунов А.П. (ред.). Демографическая политика. М., 1974

Струмилин С.Г. (1922). Наши трудовые ресурсы и перспективы. Цит. по: он же, "Проблемы экономики труда". М., 1964, с. 25-34

Так сколько же нас будет в 2000 году? ЛГ №№ 1, 2, 10 за 1986

Тимофеев Л. Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать. Нью-Йорк, 1982

Тихонов Н.А. Речь на встрече с избирателями. "Правда" от 2.Ш.1984

Ткаченко А.А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978

Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941

Урланис Б.Ц. С.Г.Струмилин как демограф. "Вопросы народного хозяйства", 1962, с. 341-353

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни. М., 1963

Урланис Б.Ц. Динамика и структура населения СССР и США. М., 1964

Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974

Урланис Б.Ц. (ред.). Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978[а]

Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978[б]

Урланис Б.Ц., Борисов В.А. (ред.). Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1984

Федоров А.Г. Алкоголизм среди сельских жителей и его влияние на здоровье детей дошкольного возраста. Л., 1975 (дис. канд.)

Фильд М. Рост младенческой смертности в Советском Союзе: действительность и статистика. "Обозрение", 1983, № 5, с. 7-9

Хоменко А.П. (1932). Население УССР в перспективном исчислении. Цит. по: он же, "Семья и воспроизводство населения". М., 1980, с. 150-166

Хорев Б.С. Миграционная подвижность населения в СССР."Экономические науки", 1976, № 4, с. 44-52

Хорев Б.С., Киселева Г.П. Урбанизация и демографические процессы. М., 1982

Хрущев Н.С. Письмо Т.Эрландеру. "Международная жизнь", 1961, № 12, с. 8

Царегородцев Г.И. (ред.). Общество и здоровье человека. М., 1973

Царегородцев Г.И. (ред.). Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М., 1975

ЦСУ СССР. Естественное движение населения СССР. "Вестник статистики", 1977, № 12, с. 74-79; 1978, № 11, с. 80-85; 1979, № 11, с. 65; 1980, № 11, с. 74 79; 1981, № 11, с. 70-74; 1982, № 12, с. 63-67; 1983, № 12, с. 51-55; 1984, № 11, с. 75-79; 1985, № 3, с. 80

ЦСУ СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, тт. 1-7. М., 1972-1974

ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР. Статистические ежегодники. М., гг. изд. 1957-1984

ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР 1922-1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1971

ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР 1922-1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982

ЦСУ СССР. Население СССР. Статистический сборник. М., 1975

ЦСУ СССР. Смертность и средняя продолжительность жизни населения СССР (1968-71 гг.). "Вестник статистики", 1974, № 2, с. 94-95

ЦСУ СССР. СССР в цифрах. Краткие статистические сборники. М., 1971-1985

ЦСУ СССР. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984

ЦУНХУ СССР. Численность наличного населения СССР и распределение по полу, а также на городское и сельское по переписи на 17 декабря 1926г. и на 17 января 1939 г. Наличное и постоянное население на 17 января 1939 г. Возрастной состав, грамотность и уровень образования населения по переписи 1939 г. "Вестник статистики", 1956, № 6, с. 89-90

Человечество в 2000 году. Видные демографы мира отвечают на анкету "Литературной газеты". ЛГ № 4 за 1976

Черненко К.У. Цит. по: "В ЦК КПСС". "Правда" от 26.1У.1984

Чижова Л. Демографический аспект проблемы занятости трудовых ресурсов по районам страны. "Экономические науки", 1971, № 10, с. 62-68

Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости (По материалам специального исследования в Латвийской ССР). М., 1973

б) Иноязычная литература

Baldwin, G. "Projection of the Population of the USSR by Age and Sex: 1969 to 1990." *International Population Report*. Washington, 1969.

Baldwin, G. "Projection of the Population of the USSR by Age and Sex: 1975 to 2000." *International Population Report*. Washington, 1979.

Baldwin, G. "Projection of the Population by Age and Sex for the Republics and Major Economic Regions of the USSR: 1970 to 2000." *International Population Report*. Washington, 1979.

Barney, G., ed. *The Global 2020 Report to the President Council on Environmental Quality*. Washington, 1980.

Berelson, B., ed. *Future World Trends: A discussion Paper on World Trends in Population, Resources, Polution, etc and Their Implications*. London, 1965.

Boguet, D. J. *Principles of Demography*. New York, 1969.

Breton, R. "L'evolution des ethnics sovietiques" *Population* 38 (1983), pp 61- 76.

Campbell, A., Brackett, J. W. "Estimates and Projecting of the Population of the USSR: 1950 to 1976." *International Population Report*. Washington, 1954.

Caplan, B. *Short-Term Economic Forecasting: Studies in Income and Wealth*. Princeton, 1955.

Coale, A. J. "A Reassessment of the World Population Trends." *Population Bulletin UN* 4 (1982) pp. 1-16. New York, 1983.

Coale, A. J., Demeny, P. *Regional Model Life Tables and Stable Population*. New York, 1966.

Davis, C., Feschbach, M. "Life Expectancy in the Soviet Union." *The Wall Street Journal*, July 20, 1978.

Davis, C., Feschbach, M. "Rising Infant Mortality in the USSR in the 1970-s." *International Population Report*, series P-95, no. 74. Washington, 1980.

Demographic Indicators of Countries : Estimates and Projections as Assessed in 1980. New York, 1982.

Demographic Yearbook UN. New York, 1982.

Dyadkin, J. G. *Unnatural Deaths in the USSR*. New Jersey, 1983.

Dzienio, K. "Przyczyny spadku plodnosci w Europie Wschodniej i Zwiazku Radzieckim." *Studia Demograficzne* 31 (1973) pp. 121-130.

Eberstadt, N. "The Health Crisis in the USSR." *The New York Review of Books*, Feb 19, 1981.

Economic Survey of Europe in 1974. Part II: Post-war Demographic Trends and the Outlook until the Year 2000. New York, 1975.

Estimates and Projections of Urban and Rural and City Populations: 1950-2025. New York, 1982.

Feschbach, M., Rapawy, S. *Soviet Population and Manpower. Trends and Policies*. Washington, 1976.

Feschbach, M. *Employment Trends and Policies in the USSR*. Rapallo: 1978.

Feschbach, M. *Population and Manpower in the USSR*. Washington, 1978.

Feschbach, M. "The Soviet Union: Population Trends and Dilemmas." *Population Bulletin* 3 (1982) pp. 1-44.

Feschbach, M. "Trends in the Soviet Muslim Population – Demographic Aspects." *Joint Economic Committee, Soviet Economy in the 1980s: Problems and Prospects.* Washington, 1982.

Feschbach, M. "Soviet Population, Labor Force and Health." *Joint Hearings, The Political Economy of the Soviet Union.* Washington, 1984.

Festy, P. "Projections de population comparee: Etats Unis, l'URSS et France." *Population* 25 (1970) pp. 1108-1115.

Freika, K. *The Future of Population Growth: Alternative Paths to Equilibrium.* New York, 1973.

Fry, J., Farndale. W. A. J. *International Medical Care: A Comparison and Evaluation of Medical Care Service Throughout the World.* Oxford, 1972.

George, P. *Introduction a l'etude geographique de la population du monde.* Paris, 1957.

Herman, B. F. J. *Statistische Schilderung von Russland in Rucksicht auf Bevolkerung, Landesbeschaftenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufakturen und Handel.* St.-Petersbourg – Leipzig, 1790.

Isakow, B. J., Niestierow, J. M., Pietrosian, S. N., Tichomirow, N. P. "Statystyczne modelowanie i prognozowanie procesow reprodukcji ludnosci." *Studia Demograficzne* 69 (1982) pp. 115-131.

Jones, E., Grupp, F. W. "Infant Mortality Trends in the Soviet Union." *Population Developement Review* 9 (1983) pp. 2131-2146.

Kahn, H., Brown, W., Martel, L. *The Next 200 Years: A Scenario for America and the World.* London, 1976.

Kassof, A., ed. *Prospects for Soviet Society.* London, 1969.

Klonowicz, S. *Zyc mozna dluzej: Ewolicja przecietnego trwania zycia a postep spoleczno-gospodarczy i naukowy.* Warszawa, 1977.

Klonowicz, S. *Oblicza starosci: Wybrane zagadnienia gerontologii spolecznej.* Warszawa, 1979.

Knaus, W. *La medecine en l'URSS* Paris, 1981.

Koler, A. "Umschichtungen in der schweizezerischen Bevolkerung." *Sweiz. Z. f. Volkswirtschaft und Statistik* 3 (1956) pp. 1-9.

Landry, A. *La revolution demographique.* Paris, 1934.

Landry, A., ed. *Traite de demographie.* Paris, 1949.

"Long-Range Global Population Projections as Assessed in 1980." *Population Bulletin UN* 14 (1982) pp. 17-30.

Lorimer, F. *The Population of the Soviet Union: History and Prospects.* Princeton, 1946.

Lotka, A. J. "Selection between Birth Rates and Death Rates." *Sciences* 26 (1907) p 653.

Makenroth, G. *Bevolkerungslehre: Theorie. Soziologie und Statistik der Bevolkerung.* Berlin, 1953.

MacKeon, T. *The Modern Rise of the Population* London, 1976.

MacKinley, J. B., MacKinley, S. M. *The Questionable Contribution of Medical Measures to the Decline of Mortality in the United States in the Twentieth Century.* New York, 1977.

Maryanski, A. *Problemy ludnosciowe krajow socjalistycznych.* Warszawa, 1974.

Monnier, A. "La conjoncture demographique: l'Europe et les pays developpes d'outre-mer." *Population* 37 (1982) pp. 911-940.

"New United Nations Projections: A Brief Summary of the Projections of Total Population as Assessed in 1973-1974." *Population Bulletin UN* 8 (1976) pp 97-106.

Notestein, F. W. "Economic Problems of Population Change." *International Conference of Agricultural Economics.* London, 1953.

Notestein, F. W. "The Population of the World in the Year 2000." In J. J. Spengler, A. D. Duncan eds. *Demographic Analysis: Selected Readings.* Glencoe, IL, 1956.

Notestein, F. W., Tauber, J. B., Kirk, D., Coale, A. J., Kiser. L. J. *The Future Population of Europe and the Soviet Union: Population Projections 1940-1970.* Geneva, 1944.

Pavlik, Z. *Nastin populacniho vyvoje sveta.* Praha, 1964.

Pavlik, Z. *Demografcka revoluce jako globalni zakonitost populacniho vyvoje.* Praha, 1979.

Pearl, R., Reed, L. "On the Rate of Growth of the Population of the US since 1790 and Its Mathematical Representation." *Proc. Nat. Acad. Sci. US* 6 (1920) pp. 275.

Pressat, R. *L'analyse demographique.* Paris, 1961.

Pressat, R. *Dictionaire de demographie.* Paris, 1979.

Ptouch, M. "La population de l'Ukraine jusque 1960." *Bulletin of the Institute of International Statistics* 25 (1931) pp. 59-88.

Reinhardt, M. R. *Histoire de la population mondiale de 1700 a 1948.* Paris, 1948.

Report of the Secretary-General on the Effects of the Possible Use of Nuclear Weapons and on Security and Economic Implications for States of the Requisition and Further Development of These Weapons. Washington, 1967.

Rosset, E. "Regionalizacja polityki demograficznej." *Studia Demograficzne* 1, pp. 3-23, 2, pp 3-12 (1983).

Sauvy, A. *De Malthus a Mao Tse-Toung: Le probleme de la population dans le monde.* Paris, 1958.

Sauvy, A. *Croissance zero.* Paris, 1975.

Schmeltz, U. O. "New Evidence on Basic Issues in the Demography of Soviet Jews." *Jew. J. Soc.* 16 (1974) pp. 209-233.

Schraeder, G. E. *Consumption in the USSR: An International Comparison.* A Study prepared for the use of the Joint Economic Committee of the US Congress. Washington, 1981.

Schubnell, H. "Der Gebuntenruckgang als geselschaftspolitische Probleme." *Universitat Stuttgart* 28, pp. 745-757.

Selected World Demographic Indicators by Countries 1950-2000. New York, 1975.

Selected Demographic Indicators by Countries 1980-2000: Demographic Estimates and Projections as Assessed in 1978. New York, 1980.

Sheehy, A. "Population Trends in the Union Republics, 1979-1984."

Rep. res. 166/85. May 21 (1985).

Sixth Report on the World Health Situation.Part I:Globa Analysis. Geneva, 1980.

Smith, H. *The Russians.* New York, 1977.

Sokolowska, M. *Granice medycyny.* Warszawa, 1980.

Spengler, J. J. *Population Theory.* IL, 1925.

Srb, V. *Uvod do Demografie.* Praha, 1965.

Statistical Yearbooks 1980-1982 UN. New York, 1980-1982.

Tatevesov, R. "Zakladni tendence demografickeho rozovoju SSSR v regionalnim pruvezu." *Demografia* 24 (1982) pp. 311-316.

The Determinants and Consequences of Population Trends. New York, 1953, 1975.

Thompson, W. S. "Population." *Am. J. Soc.* 6 (1929) pp. 959-975.

Thompson, W. S. *Population Problems.* London, 1942.

Thompson, W. S. *Population and Peace in the Pacific.* Chicago, 1946.

Thompson, W. S. "The Demographic Revolution in the United States." *Ann. Am. Acad. of Political and Social Sci.* Philadelphia, 1949.

Tietze, A. *Induced Abortion: A World Review.* New York, 1983.

Treml, V. "Death from Alcohol Poisoning in the USSR." *Sov. Stat.* 34 (1982) pp. 487-505.

Treml, V. *Alcohol in the USSR.* New Jersey, 1983.

Trends and Prospects in the Population of Urban Agglomerations 1950-2000 as Assessed in 1973-1975. New York, 1975.

Vincent, P. "Potential d'accroissement d'une population." *J. Soc. Stat. Paris* 2 (1945).

Vital and Health Statistics: Data from National Health Survey. Washington, 1960-1982.

Voslensky, M. *La Nomenclature: Les priviligies en l'URSS.* Paris, 1980.

World Health Statistics Annual 1949-1981. Geneva, 1950-1982.

World Population Prospects as Assessed in 1967. New York, 1968.

World Population Prospects as Assessed in 1968. New York, 1973.

World Population Prospects as Assessed in 1973. New York, 1977.

World Population Trends and Prospects by Countries1950-2000: Summary Report of the 1970 Assessment. New York, 1979.

World Population Trends and Policies 1981: Monitoring Report. Vol I: Population Trends. New York, 1982.

Woytinsky, W. S. *World Resources in Relaton to Population: Population and World Policies.* Glencoe, 1958.

Woytinsky, W. S., Woytinsky, E. S. *World Population and Production Trends and Outlook.* New York, 1953.

ТАБЛИЦА II. 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Годы	Численность (млн.)	Прирост населения за весь период (млн.)	Среднегодовой прирост млн.	в %[а]
1917	147,6	–	–	–
1923	136,1	–11,5	–1,9	–13,4
1929	154,1	18,0	3,0	20,7
1933	165,8	11,7	2,9	18,1
1936	160,8	– 5,0	–1,7	–10,5
1940	173,3	12,5	2,5	15,0
1941	197,5	–	–	–
1945	169,0	–28,5	–7,1	–38,8
1950	178,5	9,5	2,1	12,1
1961	216,3	37,8	3,4	17,3
1970	241,6	25,3	2,8	12,2
1979	262,3	20,7	2,3	9,1
1985	276,3	14,0	2,3	8,6

Примечание: 1917–40 гг. – в границах 1924–39 гг., с 1941 г. – в современных границах; численность населения в 1941 и 1945 гг. – по состоянию на середину года, за остальные годы – по состоянию на 1 января.

Источники: Д. Вересов (1985); ЦСУ СССР, "Естественное..."(1985); "Народное..."(1984); "Население..." (1975) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА II. 2

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО РЕГИОНАМ И РЕСПУБЛИКАМ

Регионы	Численность населения (тыс.)				Среднегодовой прирост		
	1959	1970	1979	1984	1959–69	1970–78	1979–83
СССР	208827	241720	262442	273841	1,34	0,92	0,86
Европ. часть	162292	182442	194187	200440	1,07	0,70	0,64
РСФСР	93976	103602	109462	112231	0,89	0,62	0,68
автономии	15453	17866	18957	19440	1,32	0,67	0,50
ост. часть	78523	85736	90505	93791	0,80	0,60	0,72
Украина	41869	47126	49757	50667	1,07	0,61	0,36
Белоруссия	8056	9002	9559	9878	1,01	0,66	0,66
Прибалтика	6001	6848	7386	7644	1,21	0,84	0,68
Молдавия	2885	3569	3948	4080	1,96	1,12	0,66
Армения	1763	2492	3031	3267	3,18	2,20	1,52
Грузия	4044	4686	5016	5167	1,35	0,76	0,59
Азербайджан	3698	5117	6028	6506	2,97	1,83	1,53
Азиатская часть	46535	59238	68255	73401	2,22	1,58	1,46
РСФСР	23558	26437	28090	28886	1,06	0,67	0,56
автономии	2560	3239	4024	4813	2,16	2,43	3,65
ост. часть	20998	23198	24066	24073	0,92	0,41	0,03
Средняя Азия	13682	19792	25480	28867	3,42	2,85	2,54
Казахстан	9295	13009	14685	15648	3,12	1,36	1,27

Источники: ЦСУ СССР, "Народное..." (1979, 1984), "Население..." (1975) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА II. 3

ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1979 И 1984 гг. ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЙОНАМ И СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Экономические районы и союзные республики	Численность населения (тыс.)					
	17. 1. 1979 г.			1. 1. 1984 г.		
	Всего	город	село	Всего	город	село
СССР	262442	163591	98851	273841	177488	96353
РСФСР	137552	95375	42177	142117	102544	39573
Северо-Западный	13275	10553	2722	13891	11336	2555
Центральный	28947	22680	6267	29587	24022	5565
Волго-Вятский	8343	5195	3148	8354	5551	2803
Центр.-Черноземный	7797	4065	3732	7680	4373	3307
Поволжский	19393	12729	6664	19725	13645	6080
Северо-Кавказский	15487	8496	6991	16102	9144	6958
Уральский	15568	11586	3982	15938	12155	3783
Западно-Сибирский	12959	8768	4191	13929	9856	4073
Восточно-Сибирский	8158	5605	2553	8664	6155	2509
Дальневосточный	6819	5081	1738	7415	5655	1760
Украинская ССР	49757	30516	19241	50667	32761	17906
Донецко-Приднепр.	21045	15866	5179	21417	16644	4773
Юго-Западный	21578	10166	11412	21864	11302	10562
Южный	7134	4484	2650	7386	4815	2571
Прибалтийский	8192	5427	2765	8476	5856	2620
Литовская ССР	3399	2062	1337	3539	2301	1238
Латвийская ССР	2521	1726	795	2587	1819	768
Эстонская ССР	1466	1022	444	1518	1082	436
Закавказский	14075	7794	6281	14940	8446	6494
Грузинская ССР	5016	2601	2415	5167	2762	2405
Азербайджанская ССР	6028	3200	2828	6506	3486	3020
Армянская ССР	3031	1993	1038	3267	2198	1069
Среднеазиатский	25480	10362	15118	28867	11884	16983
Узбекская ССР	15391	6350	9041	17498	7409	10089
Киргизская ССР	3529	1366	2163	3886	1529	2357
Таджикская ССР	3801	1324	2477	4365	1469	2896
Туркменская ССР	2759	1322	1437	3118	1477	1641
Казахская ССР	14685	7921	6764	15648	8849	6799
Белорусская ССР	9559	5262	4297	9878	6016	3862
Молдавская ССР	3948	1551	2397	4080	1786	2294

Примечание: данные по Калининградской области включены в итоги по РСФСР и по Прибалтийскому району.

Источники: ЦСУ СССР, "Народное..." (1979, 1984) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА II. 4

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПО ПОЛУ

В 1979 И 1984 гг.

Республики	Численность населения (тыс.) 1979 м.	ж.	всего	1984 м.	ж.	всего
СССР	122329	140107	262436	128308	145533	273841
Российская	63483	74068	137551	65918	76199	142117
Украинская	22744	27011	49755	23296	27371	50667
Белорусская	4442	5118	9560	4611	5267	9878
Литовская	1603	1795	3398	1668	1871	3539
Латвийская	1161	1360	2521	1198	1389	2587
Эстонская	677	789	1466	706	812	1518
Грузинская	2355	2660	5015	2437	2730	5167
Армянская	1475	1556	3031	1597	1670	3267
Азербайджанская	2939	3089	6028	3176	3330	6506
Узбекская	7558	7833	15391	8612	8886	17498
Киргизская	1714	1815	3529	1897	1989	3886
Таджикская	1878	1923	3801	2157	2208	4365
Туркменская	1358	1401	2759	1537	1581	3118
Казахская	7084	7600	14684	7565	8083	15648
Молдавская	1858	2089	3947	1933	2147	4080

Источники: ЦСУ СССР, "Народное..." (1984) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА II. 5

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР

В 1980 И 1985 гг.

Возраст (лет)	Численность населения (тыс.)					
	1980 г.			1985 г.		
	м.	ж.	всего	м.	ж.	всего
Всего	123397	141089	264486	129760	146515	276275
0–4	11939	11447	23386	12647	12131	24778
5–14	21025	20384	41409	22702	21788	44490
15–24	24736	24014	48750	22339	21731	44070
25–34	19178	18987	38165	22923	22631	45554
35–44	16283	17249	33532	14310	15036	29346
45–54	15440	18063	33503	16377	18269	34646
55–64	6920	12285	19195	10854	16246	27100
65–74	5666	12938	18604	4771	10644	15415
75 и ст.	2210	5722	7932	2837	8039	10876

Примечание: В таблице приведены результаты собственной оценки, отклоняющиеся от официальных (ЦСУ СССР, "СССР в цифрах", 1985) всего на 54 тыс. (0,02%); остановившись на официальной цифре (276329 тыс.), я мог бы распределить разницу по представленным в таблице возрастно-половым группам пропорционально их численности, но предпочел отложить эту несложную операцию до оглашения официальных данных и дать читателю возможность оценить, насколько оправдываются сформулированные мной предпосылки прогноза.

Источники: см. в тексте.

ТАБЛИЦА II. 6

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ОСНОВНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ В 1980 И 1985 гг.

Возраст (лет)	Численность населения					
	1980 г.			1985 г.		
	м.	ж.	всего	м.	ж.	всего
Всего	123397	141089	264486	129760	146515	276275
0–19	45244	43717	89027	45528	43810	89338
20–39	38126	37951	76077	43146	42748	85894
40–59	29350	35575	64925	29852	34532	64384
60–79	9590	20972	30562	10130	22209	32339
80 и ст.	1087	2874	3961	1104	3216	4320
	в процентах					
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
0–19	36,6	31,0	33,7	35,1	29,9	32,3
20–39	30,9	26,9	28,8	33,3	29,2	31,1
40–59	23,8	25,2	24,5	23,0	23,6	23,3
60–79	7,8	14,9	11,5	7,8	15,1	11,7
80 и ст.	0,9	2,0	1,5	0,8	2,2	1,6

Источники: как в таблице II. 5.

ТАБЛИЦА II. 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР

В 1959 И 1979 гг.

Национальности	Численность (тыс. чел.) 1959 г.	1979 г.	Прирост (в процентах)
Все население СССР	208827	262085	25,5
Русские	114114	137397	20,4
Украинцы	37253	42347	13,7
Узбеки	6015	12456	107,1
Белорусы	7914	9463	19,6
Казахи	3622	6556	81,0
Татары	4968	6317	27,2
Азербайджанцы	2940	5477	86,3
Армяне	2787	4151	48,9
Грузины	2692	3571	32,6
Молдаване	2214	2968	34,1
Таджики	1397	2898	107,4
Литовцы	2326	2851	22,6
Туркмены	1002	2028	102,4
Немцы	1620	1936	19,5
Киргизы	987	1906	93,1
Евреи	2268	1811	–20,2
Чуваши	1470	1751	19,1
Народности Дагестана	944	1657	70,5
Латыши	1400	1439	2,8
Башкиры	989	1371	38,6
Мордва	1285	1192	– 7,2
Поляки	1380	1151	–16,6
Этонцы	989	1020	3,1
Чеченцы	419	756	80,4
Удмурты	625	714	14,2
Марийцы	504	622	23,4
Осетины	413	542	31,2
Коми и коми-пермяки	431	473	10,9
Корейцы	314	389	23,9
Болгары	324	361	11,4
Буряты	253	353	39,5
Греки	309	344	11,3
Другие национальности	2659	3812	43,4

Источники: ЦСУ СССР, "Итоги..." (1062); "Численность..." (1984) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА III. 1

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Годы	В среднем за год (тыс. чел.)			На тысячу человек		
	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1945–49	4510,0	2210,0	2300,0	25,6	12,7	13,2
1950–54	4919,4	1744,8	3174,6	26,4	9,4	17,0
1955–59	5147,6	1562,6	3585,0	25,3	7,7	17,6
1960–64	4941,4	1593,4	3348,0	22,3	7,2	15,1
1965–69	4152,6	1798,2	2354,4	17,6	7,6	10,0
1970–74	4386,6	2095,4	2291,2	17,7	8,5	9,2
1975–79	4718,8	2500,4	2218,4	18,2	9,6	8,6
1980–84	5154,4	2795,4	2356,0	19,1	10,3	8,8

Источники: Д. Вересов (1985); ЦСУ СССР, "Естественное..." (1979–1985) "Народное..." (1922–82, 1984); "СССР в цифрах" (1980–1985)

ТАБЛИЦА III.2

ПОВОЗРАСТНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ

Годы	Число родившихся на 1000 женщин соответствующей возрастной группы Из них в возрасте (лет)								Коэф. суммарной рожд.
	15-49	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-45	45-49	
1958-59	88,7	29,2	162,2	164,8	110,1	66,6	24,1	5,0	2,81
1964-65	73,5	23,7	157,6	138,9	95,5	50,9	20,3	4,2	2,46
1969-70	65,7	30,4	163,9	128,7	88,1	48,5	15,3	2,9	2,39
1974-75	67,8	34,3	176,8	133,5	77,9	42,7	14,4	1,8	2,41
1979-80	70,5	40,9	177,3	123,7	68,3	29,8	10,2	1,5	2,26
1980-81	71,6	41,0	177,8	124,5	66,9	29,6	9,3	1,4	2,25
1981-82	73,1	40,6	180,0	127,2	69,0	31,4	8,5	1,3	2,29
1982-83	76,0	41,6	184,6	133,3	72,5	32,3	8,0	1,1	2,37

Источники: В.А. Борисов (1976); Д. Вересов (1985); А.Г. Вишневский, А.Г. Волков (1983); ЦСУ СССР, "Естественное ..." (1984), "Население..." (1975)

ТАБЛИЦА III. 3

ПОВОЗРАСТНАЯ СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Возраст (лет)	Число умерших на 1000 чел. данного возраста и пола							
	Мужчины				Женщины			
	1958–59	1969–70	1973–74	1980–81	1958–59	1969–70	1973–74	1980–81
0 – 4	12,8	7,6	8,5	9,7	11,0	6,1	6,8	8,4
5 – 9	1,3	0,8	0,8	0,9	1,0	0,6	0,5	0,5
10 – 14	1,0	0,7	0,6	0,7	0,7	0,4	0,4	0,3
15 – 19	1,5	1,5	1,4	1,5	0,9	0,6	0,6	0,6
20 – 24	2,4	2,3	2,5	2,6	1,3	0,8	0,8	0,9
25 – 29	3,0	3,4	3,1	3,3	1,5	1,1	0,9	1,1
30 – 34	3,5	4,3	4,4	4,9	1,7	1,4	1,4	1,4
35 – 39	4,4	5,6	5,4	6,0	2,2	1,9	1,8	2,0
40 – 44	5,9	7,1	7,4	8,0	2,9	2,6	2,6	3,2
45 – 49	7,9	9,4	9,7	9,8	3,8	3,8	3,7	4,8
50 – 54	12,0	13,7	13,9	14,0	5,5	5,7	5,8	6,2
55 – 59	17,8	18,8	19,5	20,8	7,8	7,7	8,2	10,0
60 – 64	25,4	21,8	28,7	29,0	12,6	12,5	12,6	13,8
65 – 69	35,3	41,2	40,9	41,1	19,8	21,1	20,2	23,6
70 и ст.	74,7	–	–	92,1	58,7	–	–	72,6
Всего	8,1	8,8	9,3	10,5	6,8	7,6	8,2	10,2

Источники: Г. Бахметова (1974); Д. Вересов (1985); А.А. Ткаченко (1978); ЦСУ СССР, "Население..." (1975).

ТАБЛИЦА III.4

ТАБЛИЦЫ СМЕРТНОСТИ И СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ

ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

Возраст (лет)	Мужчины			Женщины		
	1964-65	1968-71	1980-81	1964-65	1968-71	1980-81
	Числа доживающих					
0	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000
15	95 135	95 567	94 688	96 020	96 544	96 166
30	92 174	92 218	91 177	94 709	95 388	94 872
45	85 981	84 734	82 390	91 986	92 668	92 050
71	71 875	68 800	65 119	84 777	85 018	84 184
	Средняя продолжительность предстоящей жизни					
0	66,27	64,56	62,49	74,12	73,53	72,85
15	54,58	52,45	50,81	62,14	61,09	60,71
30	41,05	39,03	37,42	47,89	46,72	46,42
45	28,42	26,74	25,51	34,06	32,84	32,17
60	17,32	15,96	15,08	21,22	20,02	19,83

Источники: как к таблице III.3

ТАБЛИЦА III. 5

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Республики	Рождаемость		Смертность на 1000 чел. населения в гг.		Естеств. прирост	
	1976–80	1983	1976–80	1983	1976–80	1983
СССР	18,3	20,1	9,8	10,3	8,5	9,8
Латвийская	13,8	15,9	12,4	12,5	1,4	3,4
Эстонская	15,0	16,0	12,1	12,0	2,9	4,0
Украинская	14,8	16,0	10,8	11,5	4,0	4,5
Литовская	15,4	16,3	10,0	10,3	5,4	6,0
Белорусская	15,8	17,5	9,3	10,0	6,5	7,5
Российская Фед.	15,9	17,6	10,5	11,1	5,4	6,5
Грузинская	17,9	18,0	8,2	8,4	9,7	9,6
Молдавская	20,5	22,5	9,8	10,9	10,4	11,6
Армянская	22,7	23,6	5,5	5,8	17,2	17,8
Казахская	24,1	24,4	7,5	8,0	16,6	16,4
Азербайджанская	25,2	26,2	6,8	6,7	18,4	19,5
Киргизская	30,3	31,5	8,2	7,9	22,1	23,6
Узбекская	34,2	35,3	7,1	7,5	27,1	27,8
Туркменская	34,5	35,6	7,9	8,5	26,6	27,1
Таджикская	37,4	38,7	8,2	7,6	29,2	31,1

Источники: ЦСУ СССР, "СССР в цифрах" (1977–1984) и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА III. 6

СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Республики	Суммарный коэффициент рождаемости			
	1975–76	1980–81	1981–82	1982–83
СССР	2389	2252	2290	2367
Литовская	2184	1976	1966	2026
Латвийская	1946	1887	1920	2028
Украинская	2023	1935	1936	2036
Российская Фед.	1969	1895	1950	2049
Белорусская	2139	2023	2017	2092
Эстонская	2078	2028	2056	2094
Грузинская	2516	2250	2262	2245
Армянская	2786	2338	2340	2352
Молдавская	2518	2402	2449	2568
Казахская	3258	2911	2932	2926
Азербайджанская	3916	3226	3110	3009
Киргизская	4850	4088	4086	4089
Узбекская	5660	4805	4765	4649
Туркменская	5713	4920	4796	4754
Таджикская	6313	5627	5585	5472

Источники: как к таблице III. 2.
Примечание: величины коэффициента суммарной рождаемости расчитаны на 1000 женщин в детородном возрасте.

ТАБЛИЦА IV.1

ВЕРОЯТНЫЙ ВОЗРАСТНО–ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

В 1920–40 ГГ.

Годы	Численность населения (млн. чел.)						Всего (в %%) к 1920 г.	Прирост за 5 лет	
	Всего	в том числе						млн. чел.	%%
		мужчины	женщины	оба пола в возрасте (лет)					
				0–15	16–49	50–100			
1920	132,8	63,1	69,8	55,8	57,0	20,0	100,0	x	x
1925	140,3	67,3	73,0	53,7	65,4	21,2	105,6	7,5	5,6
1930	150,6	72,9	77,7	52,8	75,6	22,2	113,4	10,3	7,3
1935	162,8	79,5	83,3	60,5	79,0	23,3	122,6	12,2	8,1
1940	174,7	86,1	88,7	68,5	82,0	24,2	131,6	11,9	7,8

Примечание: все данные по состоянию на конец года
Источник: С. Г. Струмилин (1922, цит. по изд. 1964)

ТАБЛИЦА IV.2

ФАКТИЧЕСКАЯ И ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР
В 1920–39 гг.

Годы	Численность населения (млн. чел.)		Расхождение между факт. и прогнозированной численностью		Прирост за предыдущий период (млн)	
	факт.	по прогнозу	млн.	%%	факт.	предпол.
1925	137,0	140,3	–3,3	–2,4	6,1*	7,5*
1929	157,7	148,4	+9,3	–6,3	20,7	8,1
1936	163,8	165,0	–1,2	–0,7	6,1	16,6
1939	177,3	172,3	–5,0	+2,9	13,5	7,3

* – по сравнению с численностью населения на конец 1920 г.; фактическая численность – по данным ЦСУ СССР

Источники: Е. Д. Гражданников (1974); С. Г. Струмилин (1922, цит. по изд. 1964) и Б. Ц. Урланис (1974), а также собственные расчеты

ТАБЛИЦА IV.3

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ СССР НА 1960–80 гг.

Годы	Численность населения (млн. чел.)			Итоговые коэффициенты естественного движения (‰)		
	Всего	в том числе город	село	рождаемость	смертность	естественный прирост
1960	216,1	108,3	107,8	24,9	7,1	17,8
1964	229,2	121,7	107,5	19,6	6,9	12,7
1970	247,5	143,4	104,1	19,7	7,9	11,8
1975	262,9	164,5	98,4	20,8	8,2	12,6
1980	275–280	190	90	21,3	8,8	12,5

Источник: П. Г. Подъячих (1966)

ТАБЛИЦА IV.4

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НА 1970–2000 гг.

Возраст (лет)	1970 г.			2000 г.		
	м.	ж.	всего	м.	ж.	всего
0–9	22 910	22 076	44 986	26 456	25 406	51 862
10–19	23 955	23 032	46 987	25 470	24 528	49 998
20–29	15 440	15 435	30 875	21 950	21 426	43 376
30–49	32 051	36 947	68 988	42 627	43 583	86 210
50–59	7 703	13 388	21 981	12 424	14 212	26 636
60 и ст.	9 210	19 304	28 914	19 452	32 258	51 710
Всего	111 269	130 182	241 451	148 379	161 413	309 792

Примечание: все данные (в тыс. чел.) – на начало года
Источники: А. Я. Боярский (1985) и собственные расчеты

ТАБЛИЦА IV.5

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НА 1940–70 гг.

Возраст (лет)	Численность населения (в тыс.) в гг.			
	1940	1950	1960	1970
Всего	174 000*	203 000 *	228 000 *	251 000 *
0–4	23 600	23 600	22 300	22 300
5–14	38 900	45 300	44 600	43 500
15–24	31 100	37 700	44 100	43 600
25–34	30 500	29 500	36 000	42 500
35–44	20 510	28 700	28 100	34 500
45–54	12 920	18 780	26 600	26 200
55–64	9 090	10 890	16 050	22 986
65–74	5 240	6 230	7 700	11 730
75 и ст.	1 979	2 440	3 033	3 912

Примечание: Итоговые цифры, по-видимому, сознательно округлены авторами
Источник: Ф. В. Нотстейн и соавт. (1944)

ТАБЛИЦА IV.6

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НА 1940–70 гг.

Возраст (лет)	Численность населения (в тыс.) в гг.						
	1940	1945 а	1945 б	1950 б	1960 б	1970 б	1970 в
Всего	173 788	189 033	168 900	181 100	203 200	222 300	246 400
0–4	23 600	24 400	18 340	20 600	20 130	19 200	21 300
5–14	38 880	39 800	37 410	37 310	39 110	38 690	42 906
15–24	31 110	37 120	33 760	35 170	37 140	38 230	42 295
25–34	30 500	30 260	26 280	25 670	33 690	35 880	39 770
35–44	20 470	24 870	22 750	25 580	24 400	32 320	35 825
45–54	12 920	14 710	13 720	17 420	23 690	22 800	25 272
55–64	9 090	9 960	9 340	10 240	14 970	20 580	22 811
65–74	5 244	5 724	5 319	5 826	7 230	10 890	12 071
75 и ст.	1 974	2 189	1 957	2 237	2 826	3 672	4 070

а – при условном исключении военных потерь; б – с учетом предполагаемых военных потерь; в – с учетом предполагаемых военных потерь; а и б – в границах до 17.IX.1939; в – с учетом аннексий 1939–40 гг.

Источники: Ф. Лоример (1946), а также собственные исчисления

ТАБЛИЦА IV.7

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НА 1975–2000 гг. В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПЛОДОВИТОСТИ

Годы	Численность населения (млн. чел.) при условии			
	растущей плодовитости	стабилизации плодовитости на уровне 1971 г.	плодовитости снижающейся медленно	плодовитости снижающейся быстро
1975	255,2	253,7	253,0	252,3
1980	272,1	267,0	264,5	262,0
1985	291,7	281,5	276,5	271,4
1990	310,8	295,3	287,6	279,9
1995	328,7	307,7	297,3	286,8
2000	347,6	319,5	305,8	292,3

Источник: Д. Болдуин (1973)

ТАБЛИЦА IV. 8

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

В 1975–2000 гг.

Показатели	Единица измерения	1975–80 гг.	1980–85 гг.	1985–90 гг.	1990–95 гг.	1995–2000 гг.
Прирост населения	тыс. чел.	12273	12892	12079	10313	9836
Среднегодовые темпы роста	%	0,94	0,94	0,85	0,70	0,64
Естественный прирост	‰	9,4	9,4	8,5	7,0	6,4
Рождаемость	‰	18,3	18,8	18,2	16,9	16,4
Смертность	‰	8,9	9,4	9,7	10,0	10,0
Коэф. воспр. брутто		1,16	1,15	1,15	1,14	1,14
Коэф. воспр. нетто		1,10	1,10	1,11	1,10	1,11
Суммарная рождаемость		2,37	2,36	2,36	2,34	2,34
Общая плодовитость	‰	69,8	73,8	74,1	69,9	66,4
Средняя продолжительность жизни (лет	лет					
Средняя продолжительность жизни (лет)	мужчин	65,0	65,0	66,0	66,0	67,1
	женщин	74,3	74,7	75,2	75,6	76,0
	оба пола	69,6	70,0	70,5	70,9	71,4

Источник: Selected demographic... (1980).

ТАБЛИЦА IV.9

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА 1975–2000 ГГ.

Возраст (лет)	Численность населения (тыс. чел.) 1975 г. всего	мужчины	женщины	2000 г. всего	мужчины	женщины
Всего	254 327	118 017	136 310	311 857	149 773	162 084
0–4	21 523	11 048	10 475	24 615	12 516	12 099
5–14	45 003	22 952	22 051	49 484	25 135	24 349
15–24	46 917	23 911	23 006	47 544	24 160	23 384
25–34	30 673	15 306	15 367	40 792	20 632	20 160
35–44	37 202	18 059	19 143	47 277	23 596	23 681
45–54	30 480	12 805	17 675	35 732	17 423	18 309
55–64	19 889	6 985	12 904	28 942	13 155	15 787
65–74	15 286	4 892	10 394	24 167	9 619	14 548
75 и ст	7 354	2 059	5 295	13 304	3 537	9 767

Источник: как к таблице IV.8

ТАБЛИЦА IV.10

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 2000–50 гг. В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ (ИСЧЕРПАННОЙ ПЛОДОВИТОСТИ)

Коэффициент суммарной рождаемости	Численность населения (млн. чел.) 2000	2025	2050
1,0	267,1	217,2	139,0
1,8	302,3	303,5	273,2
2,0	311,1	328,3	319,8
2,2	317,1	346,6	355,5
3,0	355,1	471,0	632,2

Источник: М. Фешбах (1982)

ТАБЛИЦА IV.11

ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР НА 1980–2025 ГГ.

Возраст (лет)	Численность населения (тыс. чел.)					
	1980 г.		2000 г.		2025 г.	
	всего	мужчины	всего	мужчины	всего	мужчины
Всего	265 493	124 116	310 236	148 859	354 958	172 849
0–4	23 093	11 785	24 458	12 482	26 483	13 523
5–14	41 546	21 230	49 203	25 097	52 141	26 611
15–24	49 036	25 062	47 196	24 018	50 047	25 507
25–34	38 352	19 351	40 614	20 554	47 906	24 298
35–44	33 835	16 482	46 985	23 518	48 065	24 160
45–54	33 626	15 347	35 584	17 318	41 135	20 371
55–64	19 353	6 925	28 917	13 068	38 018	17 918
65–74	17 515	5 576	24 180	9 513	32 619	14 179
75 и ст	9 138	2 359	13 097	3 291	18 543	6 277

Источник: Demographic Indicators... (1982)

ТАБЛИЦА IV.12

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2025 гг. ПО ОСНОВНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

Возраст (лет)	1980 г.		2000 г.		2025 г.	
	Численность (тыс.)	Доля (%%)	Численность (тыс.)	Доля (%%)	Численность (тыс.)	Доля (%%)
Всего	265 493	100,0	310 236	100,0	354 958	100,0
0–19	88 979	33,5	98 197	31,6	104 086	29,3
20–39	76 454	28,8	86 738	28,0	96 828	27,3
40–59	65 351	24,6	70 947	22,9	82 735	23,3
60 и ст.	34 710	13,1	54 352	17,5	71 308	20,1

Источник: как к таблице IV.11 и собственные расчеты

ТАБЛИЦА V. 1

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ СУММАРНОЙ РОЖДАЕМОСТИ И БРУТТО–ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ГРУППАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, ВАРИАНТАМ ПРОГНОЗА И ПОДПЕРИОДАМ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЕРИОДА

Годы	Коэффициенты	Группы союзных республик				
		"Славянские"	Среднеазиатские	Прибалтийские	Закавказские	Прочие
		I вариант прогноза				
1980–2019	с. р.	1896,5	4498,5	1949,0	2286,5	2799,0
	в. б.	0,9240	2,1917	0,9496	1,1140	1,3637
		II вариант прогноза				
1980–99	с. р.	1823,5	4163,0	1885,5	2209,0	2702,5
	в. б.	0,8884	2,0282	0,9186	1,0762	1,3166
2000–09	с. р.	1784,0	3827,5	1829,0	2136,5	2607,0
	в. б.	0,8692	1,8648	0,8911	1,0409	1,2701
2010–19	с. р.	1784,0	3486,0	1769,5	2055,0	2513,0
	в. б.	0,8692	1,6934	0,8621	1,0012	1,2243
		III вариант прогноза				
1980–99	с. р.	1779,5	4033,0	1829,5	2129,0	2586,5
	в. б.	0,8670	1,9649	0,8913	1,0372	1,2601
2000–09	с. р.	1759,0	3580,0	1710,5	1967,5	2335,0
	в. б.	0,8570	1,7442	0,8334	0,9586	1,1376
2010–19	с. р.	1,759,0	3109,5	1591,0	1826,0	2222,0
	в. б.	0,8570	1,5149	0,7751	0,8896	1,0826

Примечание: с. р. – коэффициент суммарной рождаемости (на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет); в. б. – коэффициент брутто-воспроизводства населения.

Источники: см. в тексте.

ТАБЛИЦА V.2

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ СМЕРТНОСТИ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В ПРОГНОЗ НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ГРУППАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК И ВАРИАНТАМ

Вариант прогноза	Славянские	Средне-азиатские	Прибалтийские и Закавказские	Прочие
I	I	IV	I	III
II	II	III	II	II
III	III	III	II	II
IV		IV		

Источники: см. в тексте и таблицу V.3

ТАБЛИЦА V. 3

ЧИСЛА ЖИВУЩИХ ПО ГИПОТЕТИЧЕСКИМ ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ

И СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

В 1980–2019 гг.

Возраст (лет)	I		II		III		IV	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
0– 4	488510	491595	487410	491120	486305	490645	485205	490145
5– 9	476035	482520	473845	481575	471655	480630	469475	479685
10–14	474245	481340	472065	480395	469880	479455	467710	478510
15–19	471760	480120	469590	479180	467420	478240	465265	477300
20–24	467165	478250	464970	477220	462775	476190	460590	475160
25–29	460070	475725	457670	474520	455265	473320	452880	472120
30–34	450460	472575	447635	471215	444810	469855	442005	468500
35–39	437870	468510	434260	467030	430645	465555	427065	464085
40–44	421325	463240	416400	461710	411480	460185	406610	458665
45–49	400920	455785	394660	454235	388405	452685	382245	451135
50–54	375650	444780	368240	443045	360825	441310	353565	439585
55–59	343500	429580	335145	427600	326785	425615	318635	423645
60–64	302390	408005	293400	405930	284405	403850	275685	401785
65–69	250310	374350	240565	371670	230825	368990	221480	366330
70–74	189240	323185	178910	319545	168580	315910	158845	312310
75–79	123900	252290	113760	248835	103615	245380	94380	241975

Источники: см. в тексте.

ТАБЛИЦА VI. 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг

Годы	Численность населения			Прирост населения (тыс.)	
	тыс чел.	в процентах к 1980 г.	к пред. году	за 10 лет	среднегодовой
			I вариант прогноза		
1980	264486	100,00	–	–	–
1990	284045	107,40	107,40	19559	1956
2000	301040	113,82	105,98	16995	1700
2010	317864	120,18	105,58	16824	1682
2020	336521	127,24	105,87	18657	1866
			II вариант прогноза		
1980	264486	100,00	–	–	–
1990	281340	106,37	106,37	16854	1685
2000	295370	111,68	104,99	14030	1403
2010	305485	115,50	103,42	10115	1002
2020	312659	118,21	102,35	7174	717
			III вариант прогноза		
1980	264486	100,00	–	–	–
1990	279330	105,61	105,61	14844	1484
2000	291323	110,15	104,29	11993	1199
2010	298355	112,80	102,41	7032	703
2020	301953	114,17	101,20	3598	360

Примечание: Численность населения – по состоянию на начало года.

Источники: таблицы V.1, V.3, а также II.6 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 2

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг.

Годы	Среднегодовые числа (тыс.)			На 1000 чел. населения		
	родив-шихся	умерших	естеств. прирост	рождае-мость	смерт-ность	естеств. прирост
			I вариант прогноза			
1980–89	4955,8	2999,7	1955,9	18,06	10,93	7,13
1990–99	5165,9	3466,4	1692,5	17,66	11,85	5,85
2000–09	5486,2	3803,8	1682,4	17,73	12,29	5,44
2010–19	6079,9	4214,2	1865,7	18,58	12,88	5,70
			II вариант прогноза			
1980–89	4730,2	3044,8	1685,4	17,33	11,16	6,17
1990–99	4892,5	3489,5	1403,0	16,97	12,10	4,87
2000–09	4853,6	3842,1	1011,5	16,16	12,79	3,37
2010–19	4565,8	3848,4	717,4	14,77	12,45	2,32
			III вариант прогноза			
1980–89	4595,4	3111,4	1484,0	16,90	11,44	5,46
1990–99	4735,6	3535,7	1199,3	16,60	12,39	4,21
2000–09	4569,9	3866,7	703,2	15,50	13,11	2,39
2010–19	4506,9	4147,1	359,8	15,01	13,82	1,19

Источники: таблица V. 1 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 3

ПОВОЗРАСТНАЯ, ОБЩАЯ И СУММАРНАЯ ПЛОДОВИТОСТЬ ЖЕНЩИН В СССР

В 1980–2020 гг.

Возраст (лет)	Число родившихся на 1000 женщин данного возраста в гг.			
	1980–89	1990–99	2000–09	2010–19
		I вариант прогноза		
15–19	41,2	40,5	39,5	38,6
20–24	180,6	185,5	188,7	193,7
25–29	127,8	134,0	141,1	151,8
30–34	68,2	74,2	80,6	84,8
35–39	30,4	34,1	38,1	42,5
40–44	9,1	10,5	12,6	14,8
45–49	1,4	1,6	2,0	2,4
15–49	71,2	70,3	71,4	77,2
Суммарная	2,2935	2,4020	2,5130	2,6430
		II вариант прогноза		
15–19	37,9	37,3	34,0	31,9
20–24	177,7	182,1	180,8	179,1
25–29	124,2	129,6	130,0	130,1
30–34	61,8	67,3	66,8	65,4
35–39	25,6	29,1	30,6	32,2
40–44	8,4	9,9	10,4	10,9
45–49	1,3	1,4	1,6	1,8
15–49	68,0	66,8	64,3	65,6
Суммарная	2,1845	2,2835	2,2710	2,2570
		III вариант прогноза		
15–19	35,7	35,2	33,7	31,5
20–24	175,5	179,4	174,0	170,1
25–29	122,4	127,5	125,2	122,6
30–34	57,4	63,0	62,0	58,4
35–39	24,3	27,7	28,0	28.7
40–44	8,1	9,4	9,7	10,5
45–49	1,2	1,3	1,5	1,6
15–49	66,1	64,9	61,3	60,9
Суммарная	2,1230	2,2175	2,1705	2,1170

Источники: таблицы V.1, VI.2 и VI. 6, а также собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI.4

КОЭФФИЦИЕНТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СССР

В 1980-2020 ГГ.

Варианты прогноза	Годы и коэффициенты			
	1980-89	1990-99	2000-09	2010-19
		воспроизводство брутто		
Максимальный (1)	1,117	1,170	1,224	1,288
Наиболее вероятный (2)	1,064	1,112	1,106	1,100
Минимальный (3)	1,034	1,080	1,057	1,031
		воспроизводство нетто		
Максимальный (1)	1,061	1,110	1,161	1,222
Наиболее вероятный (2)	1,010	1,056	1,050	1,044
Минимальный (3)	0,979	1,023	1,002	0,976
		эффективность воспроизводства		
Максимальный (1)	95,0	94,9	94,8	94,9
Наиболее вероятный (2)	94,9	95,0	94,9	94,9
Минимальный (3)	94,7	94,7	94,8	94,7

Источники: таблицы V.3, VI.3 и VI.6, а также собственные расчеты

ТАБЛИЦА VI. 5

ЧИСЛЕННОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СССР В 1980–2020 гг.

Показатели	Единица измерен.	Годы и варианты прогноза 1980	1990	2000	2010	2020
		I вариант прогноза				
Численность	тыс.					
мужчин		123397	133808	143024	151299	160519
женщин		141089	150237	158016	166585	176002
Дефицит мужчин	тыс.	17692	16429	14992	15266	15483
Феминизация	на 1000 м.	1143,4	1122,8	1104,8	1100,9	1096,5
Доля женщин	в %%	53,34	52,89	52,49	52,40	52,30
		II вариант прогноза				
Численность	тыс.					
мужчин		123397	132283	139873	144894	147871
женщин		141089	149057	155497	160591	164788
Дефицит мужчин	тыс.	17692	16774	15624	15697	16917
Феминизация	на 1000 м.	1143,4	1126,8	1111,7	1108,3	1114,4
Доля женщин	в %%	53,34	52,98	52,64	52,57	52,70
		III вариант прогноза				
Численность	тыс.					
мужчин		123397	131094	137551	140915	142478
женщин		141089	148236	153772	157440	159475
Дефицит мужчин	тыс.	17692	17142	16221	16525	16997
Феминизация	на 1000 м.	1143,4	1130,8	1117,9	1117,3	1119,3
Доля женщин	в %%	53,34	53,07	52,78	52,77	52,81

Источники: таблица VI. 6 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 6

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР в 1980–2020 гг.

(НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Возраст (лет)	Численность населения (тыс.)					
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
		1980 г.			1990 г.	
Всего	123397	141089	264486	132283	149057	281340
0–14	32964	31831	64795	33343	32214	65557
15–24	24736	24014	48750	22322	21680	44002
25–34	19178	18987	38165	23954	23732	47686
35–44	16283	17249	33532	18036	18650	36686
45–54	15440	18063	33503	14548	16639	31187
55–64	6920	12285	19205	12687	16755	29442
65 и ст.	7876	18660	26536	7393	19387	26780
		2000 г.			2010 г.	
Всего	139873	155497	295370	144894	160591	305485
0–14	35525	34242	69767	35721	34432	70153
15–24	21273	20777	42050	23026	22408	45434
25–34	21631	21425	43056	20611	20528	41139
35–44	22491	23322	45813	20328	21042	41370
45–54	16189	18031	34220	20144	22529	42673
55–64	11888	15411	27299	13377	16774	30151
65 и ст.	10876	22289	33165	11687	22878	34565
		2017 г.			2020 г.	
Всего	147127	163739	310866	147871	164788	312659
0–14	36063	34760	70823	36176	34870	71046
15–24	23242	22589	45831	23315	22649	45964
25–34	21209	21732	42941	21408	22133	43541
35–44	19603	20380	39983	19362	20159	39521
45–54	18706	20887	39593	18227	20339	38566
55–64	15768	19884	35652	16565	20921	37486
65 и ст.	12536	23507	36043	12818	23717	36535

Источники: таблицы II.6 и VI. 1–3, а также собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 7

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг.

(НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Возраст (лет)	1980 г.		1990 г.		2000 г.		2010 г.		2020 г.	
	Доля	Фем.	Доля	Фем.	Доля	Фем.	Доля	Фем.	Доля	Фем.
Всего	100,0	1143	100,0	1127	100,0	1112	100,0	1108	100,0	1114
Моложе 35	57,4	973	55,9	975	52,4	975	51,3	975	51,4	985
Моложе 45	70,0	988	68,9	986	67,9	989	64,8	987	64,0	996
Моложе 55	82,7	1014	80,0	1006	79,5	1006	78,8	1009	76,3	1014
Моложе 65	90,0	1060	90,5	1038	88,8	1033	88,7	1033	88,3	1045
Моложе 75	97,0	1117	95,8	1080	96,3	1070	95,4	1066	95,7	1076
35 и ст.	42,6	1424	44,1	1356	47,6	1287	48,7	1270	48,6	1271
45 и ст.	30,0	1621	31,1	1524	32,1	1431	35,2	1375	36,0	1365
55 и ст.	17,3	2092	20,0	1800	20,5	1656	21,2	1582	23,7	1519
65 и ст.	10,0	2369	9,5	2622	11,2	2049	11,3	1957	11,7	1850
75 и ст.	3,0	2589	4,2	3340	3,7	3437	4,6	2616	4,3	2548

Примечание: Доля – доля (в %) данной возрастной группы в общей структуре населения; Фем. – показатель феминизации (число женщин, приходящихся на каждую тысячу мужчин).

Источники: собственные расчеты по таблице VI. 6.

ТАБЛИЦА VI. 8

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг ПО ОСНОВНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Пол	Численность населения (тыс.) в гг.				
	1980	1990	2000	2010	2020
			Всего		
Мужчины	123397	132283	139873	144894	147871
Женщины	141089	149057	155497	160591	164788
Всего	264486	281340	295370	305485	312659
			0–19 лет		
Мужчины	45244	45586	46904	47483	47845
Женщины	43717	44044	45280	45847	46153
Всего	88961	89630	92184	93330	93998
			20–39 лет		
Мужчины	38126	44356	42873	43188	43569
Женщины	37951	44051	42734	43035	44238
Всего	76077	88407	85607	86223	87807
			40–59 лет		
Мужчины	29350	28655	32333	37111	35808
Женщины	35575	32560	36041	41640	40350
Всего	64925	61215	68374	78751	76158
			60–79 лет		
Мужчины	9590	12450	16690	15356	18517
Женщины	20972	23811	27101	24343	27953
Всего	30562	36261	43791	39699	46470
			80 лет и старше		
Мужчины	1087	1236	1073	1756	2132
Женщины	2874	4591	4341	5726	6094
Всего	3961	5827	5414	7482	8226

Источники: таблица VI. 6 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 9

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг.
ПО ОСНОВНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ
(НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Пол	Доля населения (в %) в гг.				
	1980	1990	2000	2010	2020
			Всего		
Мужчины	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Женщины	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
			0–19 лет		
Мужчины	36,66	34,46	33,53	32,77	32,36
Женщины	30,99	29,55	29,12	28,55	28,01
Всего	33,64	31,86	31,22	30,55	30,06
			20–39 лет		
Мужчины	30,90	33,53	30,65	29,81	29,46
Женщины	26,90	29,55	27,48	26,80	26,84
Всего	28,76	31,42	28,98	28,22	28,09
			40–59 лет		
Мужчины	23,79	21,66	23,12	25,61	24,22
Женщины	25,21	21,85	23,18	25,93	24,49
Всего	24,55	21,76	23,15	25,78	24,36
			60–79 лет		
Мужчины	7,77	9,42	11,93	10,60	12,52
Женщины	14,86	15,97	17,43	15,16	16,96
Всего	11,55	12,89	14,82	13,00	14,86
			80 лет и старше		
Мужчины	0,88	0,93	0,77	1,21	1,44
Женщины	2,04	3,08	2,79	3,56	3,70
Всего	1,50	2,07	1,83	2,45	2,63

Источники: как к таблице VI. 8.

ТАБЛИЦА VI. 10

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ДОЛИ ОСНОВНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг. (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Годы	Показатели	Численность и доля по отношению к исходным в возрасте (лет)					
		Всего	0–19	20–39	40–59	60–79	80 и ст.
1980	ч.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	д.	–	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1990	ч.	106,4	100,8	116,2	94,3	118,6	147,1
	д.	–	94,7	109,2	88,6	111,6	138,0
2000	ч.	111,7	103,6	112,5	105,3	143,3	136,7
	д.	–	92,8	100,8	94,3	128,3	122,0
2010	ч.	115,5	104,9	113,3	121,3	129,9	188,9
	д.	–	90,8	98,1	105,0	112,6	163,3
2020	ч.	118,2	105,7	115,4	117,3	152,0	207,7
	д.	–	89,4	97,7	99,2	128,6	175,3

Примечание: ч. – динамика численности, д. – динамика доли (в процентах по отношению к 1980 г.).

Источники: как к таблице VI. 8.

ТАБЛИЦА VI. 11

ЧИСЛЕННОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО И НЕТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 г. (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Пол	Численность населения в возрасте (лет)						
	Трудоспособном		Нетрудоспособном				
			всего		моложе трудоспособного		старше трудосп.
	I	II	I	II	I	II	
				1980 г.			
Мужчины	77300	72388	46097	51009	35420	40332	10677
Женщины	75936	71181	65153	69908	34208	38963	30945
Всего	153236	143569	111250	120917	69628	79295	41622
				1990 г.			
Мужчины	82805	77908	49478	54375	35792	40689	13686
Женщины	78335	73603	70722	75454	34580	39312	36142
Всего	161140	151511	120200	129829	70312	80001	49828
				2000 г.			
Мужчины	84309	79758	55564	60115	37801	42352	17763
Женщины	81347	76932	74150	78565	36450	40865	37700
Всего	165656	156690	129714	138680	74251	83217	55463
				2010 г.			
Мужчины	89709	85004	55185	59890	38073	42778	17112
Женщины	84224	79658	76367	80933	36715	41281	39652
Всего	173933	164662	131552	140823	74788	84059	56764
				2020 г.			
Мужчины	88712	84045	59159	63826	38510	43177	20649
Женщины	83023	78510	81765	86278	37127	41640	44638
Всего	171735	162555	140924	150104	75637	84817	65287

Примечание: Нижняя граница трудоспособного возраста проведена по варианту I на уровне 16-го, а по варианту II – 18-го года жизни.

Источники: таблица VI. 6 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 12

ПОКАЗАТЕЛЬ "НАГРУЗКИ" ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР НЕТРУДОСПОСОБНЫМ В 1980–2020 гг. (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Годы	"Нагрузка" в трудоспособном возрасте (на 1000 человек)					
	всего		в том числе за счет населения в возрасте старше трудоспособного		моложе трудосп.	
	I	II	I	II	I	II
1						
1980	726	842	272	290	454	552
1990	746	857	309	329	437	528
2000	783	885	335	354	448	531
2010	756	855	326	345	480	510
2020	820	923	380	401	440	522

Примечание: см. таблицу VI. 11.

Источники: таблица VI. 6 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 13

ОБЩИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980, 2000 И 2020 гг. (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Пол	всего	Жизненный потенциал в возрасте (лет) 0–19	20–39	40–59	60 и ст.
		тыс. человеко-лет			
		1980 г.			
Мужчины	4 981049	2 573094	1 542594	734214	131147
Женщины	6 306112	2 946749	1 895220	1 110648	353495
Всего	11 287161	5 519843	3 437814	1 844862	484642
		2000 г.			
Мужчины	5 408820	2 681271	1 682017	813646	231886
Женщины	6 760586	3 065372	2 078058	1 147563	469593
Всего	12 169406	5 746643	3 760075	1 961209	701479
		2020 г.			
Мужчины	5 584294	2 733959	1 720493	865065	264777
Женщины	7 031122	3 123629	2 165092	1 236286	506115
Всего	12 615416	5 857588	3 885585	2 101351	770892
		процентов			
		1980 г.			
Мужчины	100,00	51,66	30,97	14,74	2,63
Женщины	100,00	46,73	30,05	17,61	5,61
Всего	100,00	48,90	30,46	16,35	4,29
		2000 г.			
Мужчины	100,00	49,57	31,10	15,04	4,29
Женщины	100,00	45,34	30,74	16,97	6,95
Всего	100,00	47,22	30,90	16,12	5,76
		2020 г.			
Мужчины	100,00	48,96	30,81	15,49	4,74
Женщины	100,00	44,43	30,79	17,58	7,20
Всего	100,00	46,43	30,80	16,66	6,11

Источники: таблицы V. 3 и VI. 6, а также результаты собственных расчетов.

ТАБЛИЦА VI. 14

СРЕДНИЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980, 2000 И 2020 гг. (НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Пол	Средний жизненный потенциал в возрасте (лет)				
	всего	0–19	20–39	40–59	60 и ст.
			1980 г.		
Мужчины	40,37	56,87	40,46	25,02	12,28
Женщины	44,70	67,40	49,94	31,22	14,82
Всего	42,68	62,05	45,19	28,42	14,04
			2000 г.		
Мужчины	38,67	57,16	39,23	25,12	13,05
Женщины	43,48	67,70	48,63	31,84	14,94
Всего	41,20	62,34	43,92	28,68	14,26
			2020 г.		
Мужчины	37,76	57,14	39,49	24,16	12,82
Женщины	42,67	67,68	48,94	30,64	14,86
Всего	40,35	62,32	44,25	27,59	14,09

Источники: как к таблице VI. 13.

ТАБЛИЦА VI. 15

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В 1980 и 2020 гг.
(НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Республики	Численность населения (тыс.) в гг.		Прирост (%%) в 1980–2020 гг.	среднегодовой	Доля в населении страны (%%)	
	1980	2020			1980	2020
СССР	264486	312659	18,21	0,42	100,00	100,00
Российская Фед.	138365	131278	–5,13	–0,13	52,31	41,99
Украинская	49953	46240	–7,43	–0,14	18,89	14,79
Белорусская	9611	9461	–1,56	–0,01	3,63	3,03
Узбекская	15765	40362	156,15	2,38	5,96	12,92
Казахская	14858	24144	62,50	1,21	5,62	7,72
Грузинская	5041	6132	21,64	0,48	1,91	1,96
Азербайджанская	6112	11509	88,30	1,59	2,31	3,68
Литовская	3420	3572	4,44	0,10	1,29	1,14
Молдавская	3968	5521	39,13	0,84	1,50	1,77
Латвийская	2529	2253	–10,91	–0,30	0,96	0,72
Киргизская	3588	9175	155,71	2,37	1,36	2,92
Таджикская	3901	9743	149,76	2,32	1,47	3,12
Армянская	3074	4111	33,73	0,72	1,16	1,31
Туркменская	2827	8.017	183,59	2,63	1,07	2,56
Эстонская	1474	1121	–23,95	–0,68	0,56	0,36

Источники: ЦСУ СССР, "Естественное..." (1980); "Народное..." (1922–82); таблицы VI. 11–VI. 14 и собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI. 16

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980 И 2020 гг

	Численность (тыс.)		Прирост (%%)	Доля в составе населения страны (%%)	
	1980 г.	2020 г.	1980–2020	1980 г.	2020 г.
Все население СССР	264486	312659	18,21	100,00	100,00
Русские	137397	129753	– 5,57	51,95	41,50
Украинцы	42347	39520	– 6,68	16,01	12,64
Узбеки	12456	32704	162,56	4,71	10,46
Белорусы	9463	9317	– 1,61	3,58	2,98
Казахи	6556	11975	82,66	2,48	3,83
Татары	6317	15695	148,46	2,39	5,02
Азербайджанцы	5477	10568	92,95	2,07	3,38
Армяне	4151	5534	33,32	1,57	1,77
Грузины	3571	4315	20,83	1,35	1,38
Молдаване	2968	4096	38,00	1,12	1,31
Таджики	2898	7379	154,62	1,10	2,36
Литовцы	2851	2970	4,17	1,08	0,95
Туркмены	2028	5847	188,31	0,77	1,87
Немцы	1936	2314	19,52	0,73	0,74
Киргизы	1906	3095	62,38	0,72	0,99
Евреи	1811	1063	–41,31	0,68	0,34
Чуваши	1751	1876	7,14	0,66	0,60
Народности Дагестана	1657	4127	149,06	0,63	1,32
Латыши	1439	1282	–10,91	0,54	0,41
Башкиры	1371	3189	132,60	0,52	1,02
Мордва	1192	1094	– 8,22	0,45	0,35
Поляки	1151	1032	–10,34	0,44	0,33
Эстонцы	1020	782	–23,33	0,39	0,25
Прочие	10772	13132	21,90	4,06	4,22

Источники: ЦСУ СССР, "Народное..." (1922–82); таблица II. 7 и собственные расчеты по предпосылкам, сформулированным в тексте.

ТАБЛИЦА VI. 17

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1980, 2000 И 2020 гг. ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Показатели и республики	1980 г.	2000 г. варианты прогноза			2020 г.		
		I	II	III	I	II	III
Численность населения (млн.) СССР	264,5	301,1	295,4	291,3	336,5	312,7	302,0
в т. ч. славянские республики	197,9	204,3	201,0	198,3	195,5	187,0	182,2
Среднеазиатские республики	32,2	54,7	52,8	52,0	91,9	78,9	75,3
прочие республики	34,4	42,0	41,6	41,0	49,1	46,8	44,5
Прирост населения (в %%) СССР	–	13,8	11,7	10,2	27,2	18,2	14,2
в т. ч. славянские республики	–	3,2	1,5	0,2	–1,2	–5,5	–7,9
Среднеазиатские республики	–	69,9	64,0	61,4	185,6	144,8	133,8
прочие республики	–	22,4	21,1	19,4	42,9	36,4	29,4
Доля в составе населения СССР							
славянские республики	74,8	67,4	68,0	68,1	58,1	59,8	60,3
Среднеазиатские республики	12,2	18,2	18,0	17,8	27,3	25,2	24,9
прочие республики	13,0	14,0	14,0	14,1	14,6	15,0	14,8

Источники: таблицы V. 1 – V. 3 и VI. 1, а также собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI.18

ВОЗРАСТНО–ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК

В 1980, 2000 И 2020 ГГ. (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Возраст (лет)	Мужчины			Женщины			Всего		
	1980 г.	2000 г.	2020 г.	1980 г.	2000 г.	2020 г.	1980 г.	2000 г.	2020 г.
Всего	15 786	24 963	34 955	16 407	25 959	36 937	32 193	50 922	71 892
0–14	6 477	9 436	11 271	6 286	9 126	10 902	12 763	18 562	22 173
15–24	3 632	4 865	6 767	3 507	4 791	6 614	7 139	9 656	13 381
25–34	1 808	4 040	5 767	1 885	4 015	5 755	3 693	8 055	11 522
35–44	1 427	3 294	4 391	1 445	3 399	4 643	2 872	6 693	9 034
45–54	1 294	1 495	3 329	1 352	1 788	3 805	2 646	3 283	7 134
55–64	503	1 009	2 357	782	1 287	3 046	1 285	2 296	5 403
65 и ст.	625	824	1 073	1 150	1 553	2 172	1 775	2 377	3 245

Источники: см. в тексте.

ТАБЛИЦА VI.19

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В 2020 Г. ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ

СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ПРОГНОЗА)

Возраст (лет)	Численность населения							
	Мужчины				Женщины			
	славянские	Среднеазиат.	прочие	СССР	славянские	Среднеазиат.	прочие	СССР
Всего	87 332	34 955	22 356	144 643	99 647	36 937	24 498	161 082
0-14	16 790	11 271	5 632	33 693	16 174	10 902	5 423	32 499
15-24	11 896	6 767	3 686	22 349	11 567	6 614	3 583	21 764
25-34	12 631	5 767	3 463	21 861	12 543	5 755	4 438	21 736
35-44	11 944	4 391	2 958	19 293	12 411	4 643	3 179	20 133
45-54	12 130	3 329	2 723	18 182	13 481	3 805	3 060	20 346
55-64	11 851	2 357	2 303	16 511	14 927	3 046	2 932	20 905
65 и ст.	10 090	1 073	1 591	12 754	18 544	2 172	2 983	23 700

Источники: см. в тексте и таблицу VI.18

ТАБЛИЦА VI. 20

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1980–2020 гг. ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПРОГНОЗА)

Группы союзных респ.	Численность населения (тыс.) в гг. 1980	1990	2000	2010	2020
		Вариант IV а			
Славянские	197929	204052	204289	201385	195458
Среднеазиатские	32193	40752	50922	61443	71892
Прочие	34364	38225	42055	45613	49116
С С С Р	264486	283029	297266	308441	316466
		Вариант IVб			
Славянские	197929	202361	200982	195343	186979
Среднеазиатские	32193	40752	50922	61443	71892
Прочие	34364	38018	41607	44551	46854
С С С Р	264486	281131	293511	301331	305725
		Вариант IV в			
Славянские	197929	200966	198336	191655	182216
Среднеазиатские	32193	40752	50922	61443	71892
Прочие	34364	37744	41024	43158	44458
С С С Р	264486	279462	290282	296256	298566

Источники: таблицы VI. 17 и VI. 18, а также собственные расчеты.

ТАБЛИЦА VI.21

ПРОГНОЗ НАСЕЛЕНИЯ МИРА НА 1980–2017 гг. ПО БОЛЬШИМ РЕГИОНАМ

Группы стран и регионы	Численность населения (млн.) в гг.				
	1980	1990	2000	2010	2017
Весь мир	4 431,1	5 231,1	6 096,6	6 954,6	7 567,0
Развитые страны	1 130,3	1 195,4	1 249,9	1 287,2	1 305,3
Развив. страны	3 300,8	4 035,7	4 846,7	5 667,3	6 261,7
Африка	470,0	685,4	852,9	1 115,6	1 329,7
Латинская Америка	363,7	459,3	565,7	681,5	772,7
Северная Америка	247,8	273,8	295,5	314,9	329,0
Восточная Азия	1 174,9	1 327,0	1 474,7	1 596,1	1 660,7
Южная Азия	1 403,7	1 730,7	2 074,8	2 397,3	2 617,8
Зарубежная Европа	483,7	499,2	512,0	518,3	520,8
Океания	22,8	26,2	29,7	32,5	34,4
СССР	264,5	281,3	295,4	305,5	310,9

Источники: Demographic Indicators ... (1982) и таблица VI.6, а также собственные расчеты

ТАБЛИЦА VI. 22

ЧИСЛЕННОСТЬ И ТЕМПЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО РОСТА НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЕЙШИХ СТРАН МИРА В 1950–80 И 1980–2020 гг.

Страны	Численность населения (тыс.) в гг.			Среднегодовой прирост рост (%%) в гг.	
	1950	1980	2020	1950–80	1980–2020
Китай	536 613	994 913	1 440 637	2,07	0,94
Индия	368 458	684 460	1 118 088	2,08	1,38
СССР	180 075	264 486	312 659	1,29	0,43
США	152 271	223 233	298 986	1,28	0,74
Индонезия	80 019	148 687	238378	2,08	1,17
Бразилия	52 842	122 320	268 237	2,82	1,99
Япония	83 625	116 551	131 931	1,12	0,31
Бангладеш	40 574	88 164	208 956	2,62	2,18
Пакистан	38 481	86 899	194 419	2,75	2,02
Нигерия	33 230	77 082	258 474	2,84	3,07
Мексика	26 886	69 752	163 185	3,23	2,14
ФРГ	49 989	60 931	54 968	0,66	–0,25
Италия	46 769	56 940	57 579	0,66	0,04
Великобритания	50 616	55 886	54 047	0,33	–0,09
Вьетнам	30 094	53 740	100 865	1,95	1,59
Франция	41736	53 508	57 052	0,84	0,16
Филиппины	20 851	49 211	102 460	2,91	1,85
Таиланд	20 969	47 063	86 412	2,74	1,52
Турция	20 809	45 254	94 274	2,62	1,84
Египет	20 461	41 963	89 314	2,43	1,91
Южная Корея	20 357	38 455	59 820	2,13	1,11
Иран	16 913	38 126	93 212	2,74	2,26
Испания	27 868	37 378	47 447	0,98	0,59
Польша	24 824	35 805	45 005	1,21	0,56
Бирма	18 380	35 289	76 748	2,20	1,97
Эфиопия	16 253	31 468	85 964	2,23	2,55

Источники: как к таблице VI. 21.

ТАБЛИЦА VI. 23

ВАЖНЕЙШИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ МИРА В 1980–85 и 2020–25 гг.

Страны	Суммарная рождаемость		Средняя продолжительность жизни (лет) мужчин		женщин	
	1980–85	2020–25	1980–85	2020–25	1980–85	2025
Австралия	2,00	2,16	70,5	73,0	76,9	79,1
Австрия	1,60	2,04	69,0	72,8	76,0	78,7
Аргентина	2,78	2,14	66,7	68,6	73,3	75,5
Бельгия	1,64	2,14	69,3	72,8	75,9	78,6
Болгария	2,25	2,12	69,9	72,9	75,5	78,3
Бразилия	4,02	3,05	61,6	69,1	65,4	74,8
Великобритания	1,65	2,06	70,1	73,1	76,1	78,7
Венгрия	2,06	2,11	67,6	72,0	74,3	78,3
Г Д Р	1,77	2,10	69,6	73,9	75,5	78,3
Греция	2,31	2,20	71,2	73,5	75,7	78,6
Дания	1,66	2,05	71,7	73,5	77,5	79,2
Индонезия	4,10	2,05	48,7	65,5	51,3	69,4
Испания	2,40	2,16	70,7	73,3	76,2	78,7
Италия	1,81	2,00	70,7	73,1	76,2	78,7
Канада	1,81	2,14	70,6	73,3	77,7	79,3
Китай	2,46	1,95	68,5	72,0	71,1	77,4
Мексика	4,85	2,35	63,9	70,6	68,2	75,0
Нидерланды	1,54	2,10	72,1	73,5	78,3	79,9
Норвегия	1,77	2,08	72,5	73,5	78,4	80,0
Польша	2,27	2,17	68,1	72,3	75,4	78,3
Португалия	2,28	1,99	67,5	72,0	74,9	78,4
Румыния	2,45	2,20	68,9	72,8	73,7	78,1
С С С Р	2,18	2,26	63,1	63,1	73,9	73,9
С Ш А	2,03	2,10	69,3	70,8	77,4	79,5
Ф Р Г	1,42	2,10	69,4	72,8	75,9	78,6
Финляндия	1,60	1,99	69,2	72,8	77,3	78,9
Франция	1,83	2,08	70,6	73,3	78,1	79,7
Чехословакия	2,28	2,18	67,3	72,3	73,8	78,2
Швейцария	1,46	2,10	72,1	73,9	78,1	79,7
Швеция	1,55	2,04	72,6	73,5	78,6	79,9
Югославия	2,07	2,07	68,0	72,3	73,2	78,1
Япония	1,76	2,11	73,8	75,0	79,0	80,0

Источники: как к таблице VI. 21.

ТАБЛИЦА VI. 24

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СССР И США

В 1980 И 2017 гг.

Возраст (лет)	Численность населения (тыс.)				Структура (%%)			
	1980 г.		2017 г.		1980 г.		2017 г.	
	СССР	США	СССР	США	СССР	США	СССР	США
				Всего				
Всего	264486	223233	310866	294886	100,0	100,0	100,0	100,0
0—19	88961	71737	93831	81609	33,6	32,2	30,2	27,7
20—39	76077	71730	87411	80905	28,8	32,1	28,1	27,4
40—59	64925	45846	76806	74383	24,5	20,5	24,7	25,2
60 и ст.	34523	33919	52818	57990	13,1	15,2	17,0	19,7
				Мужчины				
Всего	123397	108956	147127	143486	100,0	100,0	100,0	100,0
0—19	45244	36506	47755	41352	36,7	33,5	32,5	28,8
20—39	38126	35858	43473	40535	30,9	32,9	29,5	28,3
40—59	29350	22085	36133	36650	23,8	20,3	24,6	25,5
60 и ст.	10677	14508	19766	24950	8,6	13,3	13,4	17,4
				Женщины				
Всего	141089	114277	163739	151400	100,0	100,0	100,0	100,0
0—19	43717	35233	46076	40257	31,0	30,8	28,2	26,6
20—39	37951	35872	43938	40370	26,9	31,4	26,8	26,7
40—59	35575	23762	40673	37733	25,2	20,8	24,8	24,9
60 и ст.	23846	19410	33052	33040	16,9	17,0	20,2	21,8

Источники: Demograpic Indicators... (1982), а также таблица VI. 8 и собственные расчеты.